

6 (708) июнь, 2016

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

ISSN 0134-241X

Пути уральские

9 770134 241006 16006

ПЕРСТЕНЬ
ИЗ АМСТЕРДАМА

ГВАРДИИ РЯДОВОЙ

БЫВШЕЕ
СЕЛО ИЛИМ

Июнь 2016

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

Фото на обложке – Антона Григорьева.

Редакция, издатель –
АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Ткачев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христоролюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лаженцев, Председатель

Комми республиканского отделения РГО

• Камиль Зиганшин, Председатель отделения РГО

в республике Башкортостан

• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2016 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №6 (708), 2016 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **ИЗ**, публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство МАП, индекс 31958
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт uralstalker.com» №6.

Отпечатано в типографии ООО «ПК АСТЕР-ЕК».

624071, Свердловская область, г. Среднеуральск, ул. Калинин, д.2, оф. 28. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 23.05.2016 г.

Заказ №

Встречный ветер

Страна топонимия

В.КАРЕЛИН
Пай-Ер –
указатель пути..... 3

Природные парки

А.ТЕТКИНА
Юрюзань.....8

Быть молодым — здорово!
Н.ПЕЧЕРИНА
Социальная экология 18

Наши проекты
А.АЙДИНЯ
Первая дальняя экспедиция 19

Быть молодым — здорово!

Е.ЯНЦЕР
«Записки не географа»22

Быть молодым — здорово!

М.ПИСЦОВА
Как повысить интерес к географии23

Добрые попутчики
Н.ТРОПИНА
Екатеринбург гостеприимный...24

Безопасность
А.КЕМАЕВ
Регистрация маломерного судна26

Река времени

Далекое-близкое

А.ГЛАДКОВА
Перстень из Амстердама.... 12

День победы

А.САМКОВА
Жизнь по Канту..... 28

Портреты
С.ГОЛОВКОВА
Дом-памятник Вадима Раевского..... 32

Клуб собирателей
А.МАКУРИН
Деньги Березовского, или... «билеты банка BROZEX» ... 36

Пушкиниана

Н.Шарнина
Пушкинский Екатеринбург38

Наши проекты

П.ВОЛЕГОВ
История России. Река Чусовая. Село Илим (бывшее) 43

Журнал в журнале

Пай-Ер — указатель пути

В северной части Полярного Урала, примерно в 30 км южнее железной дороги, пересекающей Уральский хребет по долине р. Соби и идущей в Лабитнанги, расположена вершина, которая на современных географических картах называется Пайер. Находится она в сложном горном узле и является высшей горой Полярного Урала (1472,2 м).

Гора расположена на линии Главного Уральского водораздела, который в районе горы делает значительный изгиб. На подходе к вершине эта водораздельная линия идет с юга на север. От макушки горы она поворачивает на восток и только через 7–8 км снова принимает северное направление. Такой изгиб водораздела влору именовать Полярным коленцем.

Собственно макушка горы представляет собою небольшое плато. Вершина является центром горного узла со сложной орографической структурой. На склонах горы расположены истоки пяти рек. На северо-запад вытекает р. Правая Кечпель. На север идут реки Хорота и Хороташор. А на юг — реки Левая Пайера и Лёкхойла. Верховья этих рек расположены в скальных цирках, находящихся в объятиях

каменных гребней, которые расходятся в разных направлениях от макушки горы.

От вершины Пайер отходит четыре гребня. Самый длинный из них (около 10 км) имеет северо-западное направление, а затем поворачивает к северу. Самый короткий (около 1,5 км) гребень отходит в юго-западном направлении. Вместе они образуют западный кар вершины, из которого вытекает р. Кечпель. Северные стенки восточного гребня обрываются в два северных цирка, в которых находятся истоки рек Хорота и Хороташор. А южные скальные сбросы восточного гребня образуют верхний цирк с истоком р. Лёкхойла. Короткий южный скальный гребень через 2 км переходит в столовую поверхность водораздела между реками Лёкхойла и Левая Пайера. Между

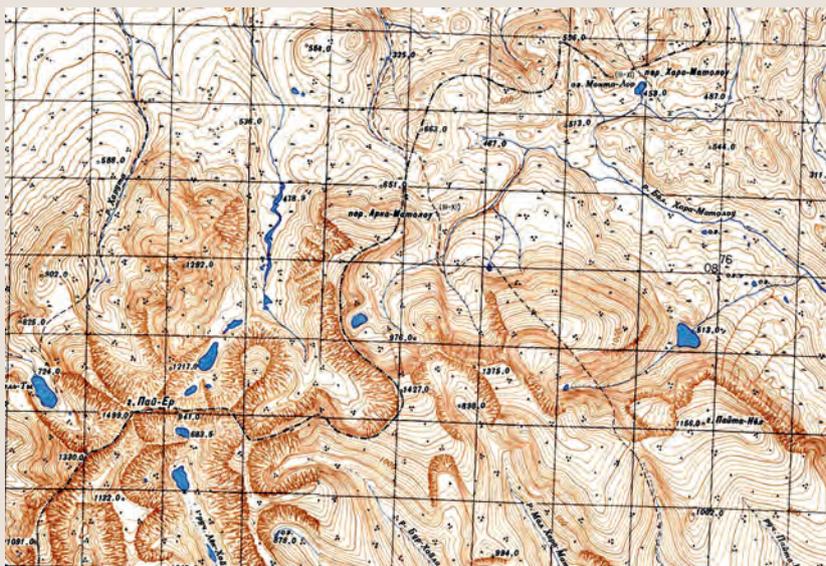
▲ Вид на Гору Пай-Ер с юга

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

▲ Карта района горы Пай-Ер

юго-западным и южным гребнями лежит красивый южный цирк с висячим озером и верховьями р. Левая Пайера. И еще один, боковой, цирк расположен между верховьями рек Лёкхойла и Левая Пайера. В целом весь горный район вершины Пайер не имеет древесной растительности.

Вероятно, впервые вершина была нанесена на географические карты под именем гора Князькова — и на чертежах Семена Ульяновича Ремезова в конце XVIII века. В середине XIX века гору Пайер обозначил венгерский исследователь А. Регули на своей карте Северного Урала. Гора упоминается также в отчетном томе с результатами исследований Североуральской экспедиции Императорского Русского Географического общества, обследовавшей север Уральского хребта тоже в середине XIX века.

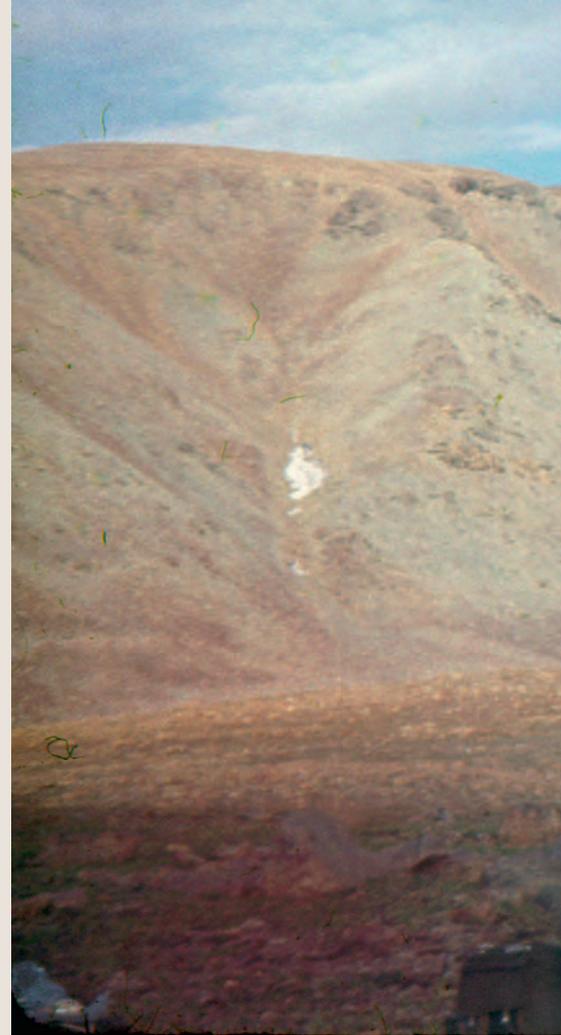
Однажды я со своими спутниками побывал на макушке горы Пайер. Наша палаточка стояла на берегу небольшого озера, лежащего на широкой террасе на левом борту в верховьях р. Правый Кечпель. Мы перешли реку вброд в том месте, где она вытекает из озера Кечпельто. И сразу же по каменным осыпям поднялись на северо-западный гребень горы. Сначала он был достаточно широким. Но вскоре превратился в острый скалистый гребень, на котором друг за другом располагались высокие скальные бастионы, их приходилось обходить у основания. По скальному гребню вышли на вершинное плато, в середине которого находится высшая точка горы. С краев плато на четыре стороны круто обрываются скальные стенки окрестных цирков. Вокруг — красивый горный пейзаж.

Д. Юрьев, топограф вышеуказанной экспедиции, в своем «Описании Северного Урала» перевел ороним Пай-Яр (так у него записан) как «Камень-хозяин». Э. Гофманн, руководитель этой экспедиции, название горы записал в нескольких формах: Пае-Ер, Пай-Ер, Пайер, Пай-Яр. И переводил как «Владыка гор» (из ненецкого языка).

Современный языковед А. К. Матвеев именует гору «Пай-Ерв». Он считал этот ороним ненецким и тоже переводил как «Камень-хозяин». По мнению Матвеева, «в ненецкой мифологии слово ерв означает духа-хранителя, «хозяина» того или иного урочища». В начале XXI века Т. Д. Слинкина в своей фундаментальной работе «Мансийские оронимы Урала» принимает название горы также в написании Пай-Ерв, и, считая его ненецким, переводит как «Святой хозяин горы (гор)», где Пай от ПЭ 'Камень, скала', 'каменная гора', а «Ерв (Божество ненцев) — Святой хранитель; Святой хозяин, Владыка гор (как у манси Нёр-Ойка)».

Я уважаю древнюю мифологию ненцев и манси, а также их духовную культуру, отразившуюся в письменном зафиксированных верованиях, мифах, преданиях, песнях, героическом эпосе, сказках и др. Считаю очень важную информацию о священных микро-регионах народов манси, коми, ненцев на Урале. Такие территории, согласно верованию этих народов, охранялись бдительными святыми духами-покровителями. А священные горные вершины были их образным олицетворением (в трактовке Т. Д. Слинкиной).

Тем не менее необходимость аналитического подхода к объяснению оронимов заставляет задать следующие вопросы. Почему в записях исследователей середины XIX века название вер-

шины записано как Пай-Ер (Пай-Яр), а авторы XX и XXI века фиксируют Пай-Ерв (с дополнительной согласной буквой «в» во втором слове названия)? На основании чего последние добавили эту согласную букву? Современные авторы не дают ответов.

Подтверждение названия горы в виде Пай-Ер (без согласной буквы «в») мне удалось найти в архивных материалах венгерского путешественника А. Регули, который в 1843–1845 гг. совершил уникальную поездку вдоль Уральского хребта от широты Екатеринбурга до побережья Северного Ледовитого океана, туда и обратно. Приехав на Урал и контактируя с манси, он быстро освоил их язык, о чем сообщал в своем письме к К. Бэру. Значит, Регули и его информанты-манси хорошо понимали друг друга и, самое главное, доверяли друг другу. Поэтому, собирая материалы по лингвистике, топонимии, этнографии, Регули получал достоверные данные от носителей языка и духовной культуры, которые помогали ему в фиксации сокровенных народных сведений.

Ныне архив Регули хранится в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии наук в Будапеште. Во время нескольких поездок в Венгрию мне удалось познакомиться со значительной частью архива Регули.

▼ Седловина в верховьях
р.Кечпель

▼ На макушке горы

Он составил карту Северного Урала, на которой дважды отмечены горы: Pajer (Пайер) и Woikaldi ili Pajer. Одна вершина — та, о которой здесь идет речь. А вторая расположена значительно южнее (в верховьях р. Хулги) — о ней речь пойдет ниже. И в обоих случаях названия гор у Регули записаны без согласной буквы «в» в конце оронимов. Кроме того, в архиве Регули хранится несколько ящиков с карточками топонимов и пояснений к ним. В этой своеобразной топонимотеке находится листок со следующей записью: «rojer urr (rojricht) — chues jāni ali-bahn rojer rat an». В этой фразе дважды записано название горы Rojer. И в обоих случаях — без согласной буквы. Здесь «chues jāni ali» записано на мансийском языке, а последняя фраза — на немецком. Rojer urr — название вершины. Фразу chues jāni ali можно перевести следующим образом: chues (эллипсис от хасылункве 'рваться') + jāni (от яныг 'большой') + ali (от ёлы 'нижний'), получая — Хасыяныг-ёлы 'Большой низкий разрыв [хребта]'. А часть фразы на немецком языке переводится так: bahn 'путь, дорога' + rojer + rat 'совет, указание' + an 'около, возле, подле'. В итоге получаем: «Указание (совет) пути около [горы] Rojer». Слово, записанное в скобках, rojricht, состоит из двух лексем: roj+richt. Здесь richt читается с тру-

дом. Но с большой степенью вероятности — это от немецкого richten 'направлять, наводить, руководствоваться (чем-либо)'. Roj (Пой) — по единодушному мнению знатоков ненецкого языка: пой-пай-пэ 'камень, каменный'. Тогда roj + richt — 'направляющий, наводящий камень'. В итоге название горы Пайер = Пай + Ер на базе ненецкого языка можно перевести как пай (от пэ 'камень') + ер (от ерӓ (сь) 'распороть' или от ерӓць 'разрезать, распороть, проложить (дорогу)'). Значит Пай-Ер 'Камень, [около которого советуется] про-

ложить путь' или 'Камень, [около которого] проложена дорога' или 'Камень, [к которому рекомендуется] проложить дорогу'.

Такой перевод получается весьма логичным и убедительным. В 10–15 км севернее вершины находятся два перевала через Уральский хребет, именуемые на современных географических картах Аркаматолоу и Хараматолоу. В этих названиях «маталоу» происходит от ненецкого маталава 'обычное место переезда через реку и т.п.'. В середине XIX века А. Шренк, путе-

шествуя по Пай-Хою, записал: матулова — 'горный проход, перевал'. Тогда А.К. Матвеев совершенно справедливо получил: Хараматолова = хара 'кривой, изогнутый' + матулова 'перевал' = Хара-Матолова 'Кривой, изогнутый перевал'. Действительно, перевал из истока правой составляющей р. Янас (правый приток р. Хорота, на западном склоне Урала) в верховья р. Большая Хараматолоу (на восточном склоне хребта) представляет собой изогнутую форму. Под перевалом с восточной стороны находится озеро Манталор, название которого переводится как Манта (сокращенное от ненецкого мандальной 'круглый, шар') + лор 'озеро' (ханты), получая 'Круглое озеро', что соответствует реальной его форме. Несколько южнее перевала Хараматолоу находится перевал Аркаматолоу (примерно в 10 км от Горы Пай-Ер). Ненецкое нарка, арка переводится 'Большой'. Тогда Аркаматолоу = арка 'большой' + матолова 'перевал' = 'Большой перевал'. Расположен он между верховьями р. Вонкурьюган (правый приток р. Хорота, на западном склоне) и правой составляющей р. Хараматолоу (на восточном склоне Урала). Вероятно, издревле перевалы Аркаматолоу и Хараматолоу использовались для перехода через Уральский хребет. При этом высокая Гора Пай-Ер служила своеобразным маркером для своротка от р. Усы и движения через тундру по направлению к этим перевалам. Гора Пай-Ер прекрасно смотрится издали и использовалась как ориентир, указывая дорогу к перевалам через Уральский хребет. Позднее, примерно с конца XVI века, в качестве перехода через Урал стал использоваться Собский проход, как более простой. Кстати, по записям путешественников XIX века по состоянию облачности над горой Пайер судили об условиях погоды на перевалах. Если над Пайером небо было чистое, то можно было сворачивать от р. Усы и спокойно преодолевать перевал через Уральские горы. Если же Пайер укутывался в темную облачность, то следовало подождать лучших условий и не пытаться выходить на перевал. То есть гора Пайер была скорее указателем (маркером) пути и метеосоветчиком, чем господином и начальником.

Другая гора Пайер находится в районе верховий р. Хулги. На современных географических картах в этом районе такой ороним не показан. Уточнить положение вершины Пай-Ер в верховьях р. Хулги помогает запись, сделанная Гофманном: «Мы остановились у подошвы хребта в том месте, где из него вытекает речка Хамдей-Яга, а остяки называют Грубе-Юган. Эта

речка вытекает из хребта у подошвы высочайшей в этом краю горы, которая по своей высоте получила от самоедов пышно название Пай-Ер (Владыка Гор). Они, однако, придают Пай-Еру эпитет «южный» для отличия от одноименной, но высшей горы, мимо которой мы проехали в 1848 году. Утесистая вершина этого южного Пай-Ера возвышается над округленными мшистыми краями соседних гор и должна иметь до 2500 футов высоты». Учитывая, что гора Южный Пай-Ер, согласно этой записи, является «высочайшей» в округе, то положение Южного Пай-Ера соответствует вершине с современной отметкой высоты 1435 м. На некоторых современных географических картах эту вершину именуют Грубе-Из. Таким образом, Южный Пай-Ер, по аналогии с Северным Пай-Ером, можно перевести как 'Камень, [около которого] проложена дорога'. Такой перевод вполне логичен, если учесть, что в районе Южного Пай-Ера имеется несколько перевалов через Уральский хребет.

При этом весьма любопытная ситуация с перевальными путями складывается в районе Южного Пай-Ера. На западном склоне Уральского хребта берут истоки несколько рек (Хайма, Грубею, левые притоки р. Харуты), кото-

▼ Озеро Кечпелты

▼ Долина р. Левая Пайера

рые вливают свои воды в р. Лемва (левый приток р. Усы). А на восточных склонах Урала речная картина сложнее. Южнее Южного Пай-Ера расположены верховья рек, которые являются правыми притоками р. Хулга. При этом долина р. Хулги уходит далеко в южном направлении. А севернее Южного Пай-Ера берут истоки рек, впадающие в р. Мокрая Сыня, которая имеет юго-восточное направление. Поэтому в районе Южного Пай-Ера путнику необходимо было подумать, разобраться с ситуацией рек, правильно сориентироваться, чтобы поплыть по реке

на восточном склоне в нужном направлении: то ли на юг по р. Хулге, то ли на юго-восток по р. Мокрая Сыня. Такой условной разделительной точкой и был Южный Пай-Ер, служил ориентиром при выборе пути по восточным уральским склонам.

Выше изложенное находит следующее косвенное подтверждение. На карте Северного Урала, составленной А. Регули, в верховьях рек Хулга и Мокрая Сыня обозначена гора Woikaldi ili Rajer (Войкалди или Пайер). Д. Юрьев в своем «Описании Северного Урала» отметил, что гора Пай-Ер имеет вто-

рое название — Вой-Халди. Т.Д. Слинкина, ссылаясь на мнение А.К. Матвеева, считает лексему вой из коми языка — ‘север, северный’, а халди — пока не ясным термином, возможно, опиской. Однако если ороним Пай-Ер происходит из ненецкого языка, то, как вариант, можно полагать, что ороним Войкалди тоже мансийский. Тогда Войкалди можно перевести следующим образом: Войкалди = вой + калди = вой + халди (согласная «к» в мансийском языке зачастую заменяется на согласную «х») = вой (сокращенное от войхатуңкве ‘браться, взяться, приниматься’) + халт ‘по середине’, получая вой + халт ‘[гора, которая] принимается [как находящаяся] по середине’. При этом все местное население прекрасно понимало, что под «серединой» понимается место разделения путей переходов либо на р. Хулга, либо на р. Мокрая Сыня.

В очередной раз приходится удивляться обширным знаниям манси, ненцев и др. в географических особенностях Уральских гор. Их умению для облегчения ориентировки в горной обстановке находить местные ориентиры. И давать такие названия горам и рекам, которые помогали бы выбрать правильный путь продвижения. **УС**

▼ Гора Пайер-Южный. Риснук Бермелеева, 1850 год

ВИДЪ УРАЛЬСКАГО ХРЕБТА И ЮЖНАГО ПАЙЕРА.

ANSICHT DES URALGEBIRGES UND DES SÜDLICHEN PAE-JER

▶ Верхнеаршинский

Юрюзань

Каждый год мы с друзьями ходим... на сплав.

С появлением в компании детей и внуков каждый раз перед вдохновителями и организаторами похода встает вопрос: куда идем? В детский или взрослый поход?

В этот раз решили, что пойдём взрослым составом.

Анна Теткина

◀ Бывшая белорецкая железная дорога

▶ Вид с моста через р Юрюзань в конце порога Шумы

БАШКОРТОСТАН

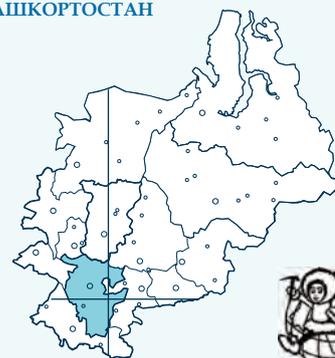

Фото Антона Григорьева
и Олега Новоселова.

Уральский следопыт, июнь 2016

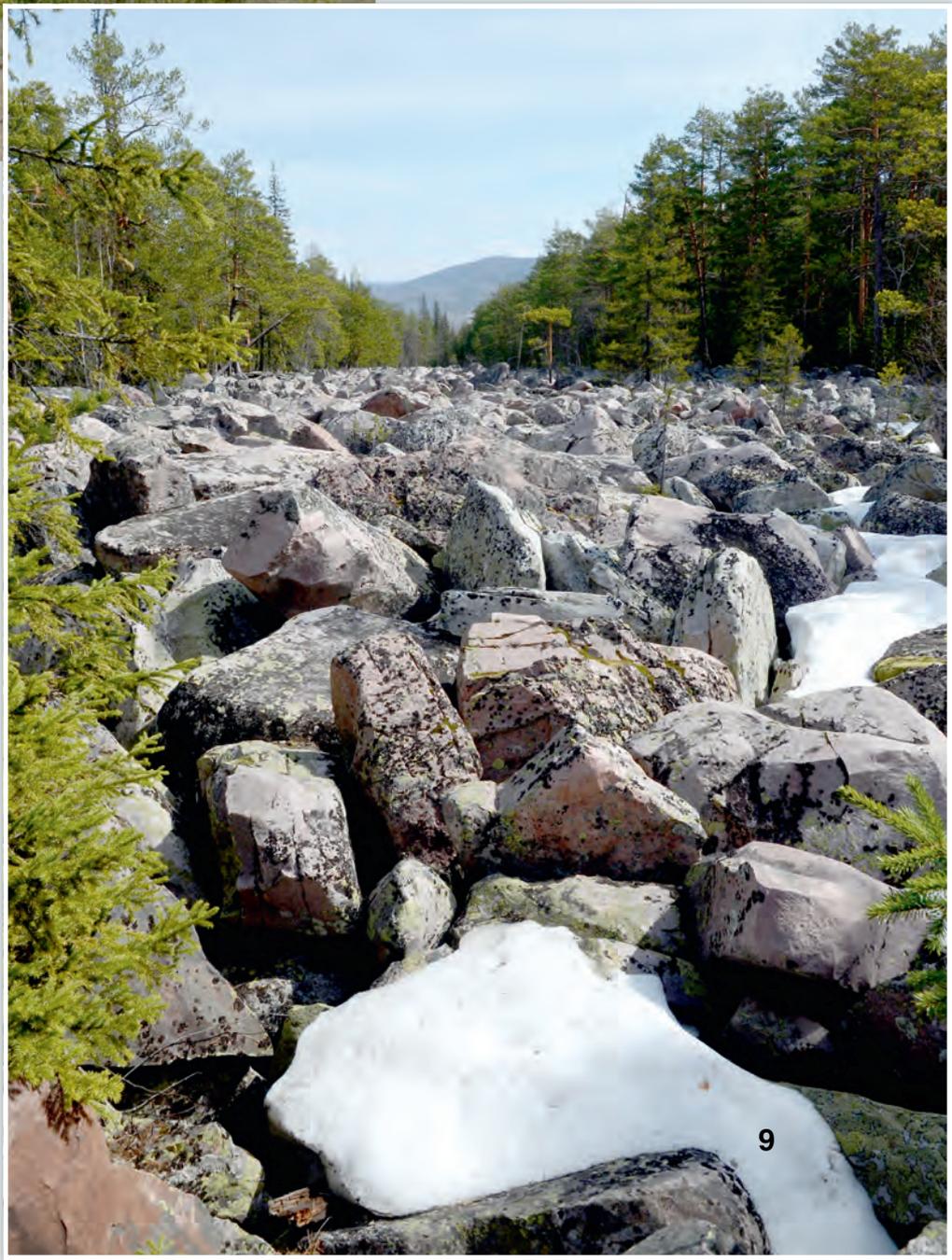
Встречный ветер

Стало быть, поедем туда, где реки петляют сквозь расчески и завалы и шумят, превращаясь весной в веселые шиверы и порожки. На Урале таких рек не так много. Думали, не найти на Урале реки, на которой никто из нас ни разу не был. Однако река нашлась, точнее, часть реки — верховья Юрюзани. Нижняя Юрюзань доступна для туристов, а вот в верховьях турист — редкий гость, здесь территория Южно-Уральского заповедника.

Отправились из города в ночь, чтобы утром быть уже на месте. Поселок Верхне-Аршинский встречает нас ранним утром. По предварительной договоренности с администрацией заповедника мы можем провести здесь пару дней. Оплачиваем билеты, перегружаем вещи в два УАЗика. Водители помогают грузиться. Слушаем инструк-

▼ Каменная река

▲ Мост через р. Юрюзань
в конце порога Шумы

свинец, железо, серу. Поселок процветал, зарплаты были огромные. Люди приезжали сюда семьями, строили дома всем селом за один день. Особой достопримечательностью района была узкоколейка, построенная в начале прошлого века. Сегодня от нее осталась лишь насыпь. Шпалы и рельсы давно растащили. Ничего не осталось от легендарной железной дороги, а поселок Верхне-Аршинский пришел в упадок. Еще Александр Сергеевич рассказывает о станции Юрюзань. Из деревни с населением 2000 человек — два Героя Советского Союза. Сейчас от станции осталось полуразрушенное депо, на котором в 2010 году установили мемориальные доски Александру Серебренникову и Степану Пугачеву. В этих же местах снимался сериал «Вечный зов».

▼ Мост через р. Юрюзань.
Фото из архива краеведческого музея Катав-Ивановска

таж инспектора Юрюзанского лесничества Александра Сергеевича. Костер требуется окопать на 1,5 метра вокруг, а перед уходом тщательно затушить. Леса тут горели, поэтому пожарной безопасности — особое внимание. Здесь много животных, просят их не пугать. При этом медведя местные жители наблюдали буквально пару дней назад. «Прямо вот здесь, где вы сейчас стоите», — уверяет водитель УАЗика Евгений, кивая на наших сонных девчонок. Зато клещей мало, а те, что есть, здоровые. Уточняем, добрые ли медведи в этих краях. «Добрые», — ухмыляется лесничий.

Александр Сергеевич рассказывает историю поселка. Раньше здесь был рудник, добывали медный колчедан,

▼ Лесник Александр Сергеевич

◀ Порог Шумы

ет. После порога Юрюзань то сужается и царапает лицо «расческами», то становится быстрой и игривой, заставляет лавировать между камней и стряхивать брызги с лица, то петляет по бесконечным меандрам. А местами расступается, будто специально, чтобы горные хребты были отчетливо видны.

Не дает расслабиться река Юрюзань. На следующий день мы пересекаем границу заповедника.

Спасибо сотрудникам заповедника за то, что позволили побывать нам в этом диком и невероятно красивом месте. Спасибо, что сохраняете природу в первозданном виде.

До свидания, столь многоликая Юрюзань! А наш путь продолжается... **УС**

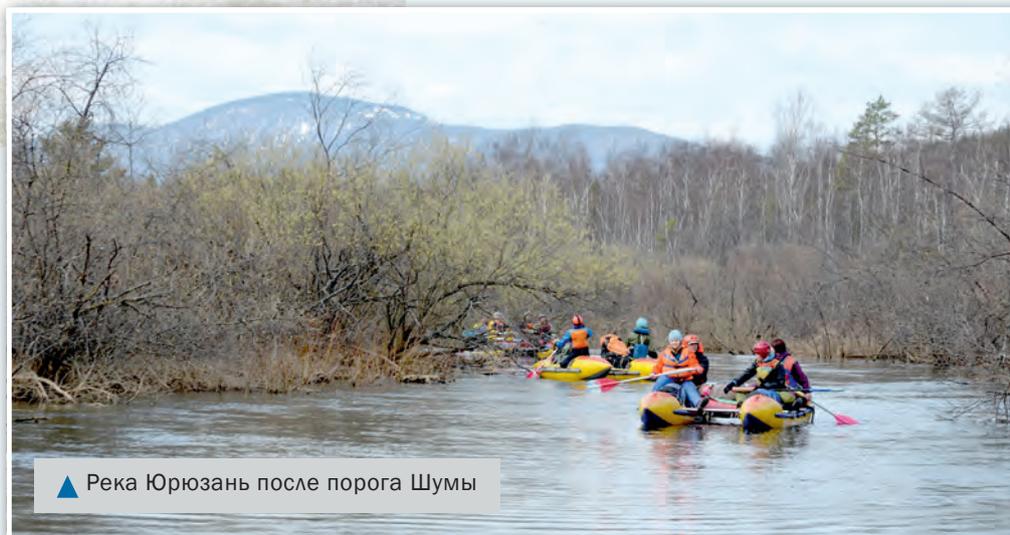
Распрощавшись с местными жителями, распределяемся по машинам. Пятеро остаются. Пройдемся пешком, пока за нами не вернется УАЗик, чтобы доставить до лагеря.

Дошли до дороги, она же насыпь бывлой узкоколейки. Пахнет весной, голова кружится то ли от счастья, то ли от воздуха, непривычно чистого и «вкусного». Природа давно проснулась, птицы на разные голоса приветствуют нас. Поляны усеяны первоцветами, а вода в ручьях бликует на солнце. Когда-то тут кипела жизнь. Сегодня — тишина и покой. На этой дороге можно встретить только сотрудников заповедника да редких нарушителей. Мы — первая и пока единственная в этом году группа, кого пустили в эти места.

Спустя пару километров видим памятник красногвадейцам, которые погибли в этом месте. В начале прошлого века здесь была станция, сегодня об этом напоминает лишь скромный памятник да несколько фамилий на нем.

Дорога забирает вверх. Вот уже видны снежные вершины вдалеке, воздух становится прохладным, под ногами снег. Здесь мы встречаем УАЗ, приехал за нами как раз вовремя. Загружаемся. Машина прыгает по колеям. Бессонная ночь дает о себе знать. Нас клонит в сон, и вот голова уже болтается из стороны в сторону, а шум мотора почти не слышен.

Довезли нас до моста через реку, не доезжая заброшенного села Юрюзань. Остановились на стоянку чуть ниже порога «Шумы». Порог слышно

▲ Река Юрюзань после порога Шумы

издалека, но совсем не видно. Лес тут таежный, густой. Добраться до порога не так просто. А с катамаранами на плечах это очень интересный аттракцион.

После обеда сходили на разведку. Рассматривали так и эдак «нехороший» зуб и хороший слив. Заключение разведки — не опасно. Вечером катамаран-двойка успевает пройти порог под аплодисменты восторженной публики. Остальные заканчивают сборы катамаранов и предвкушают завтрашний день.

Утром пришли лесники. Проверили, как мы поживаем, пожелали удачного сплава. «Сейчас вода спала, — говорят, — а вот две недели назад вода такая была, что до моста доходила!» В это трудно поверить. Мы видели этот старый мост. Две каменные арки упираются в крутые берега. От воды до моста метра 3,5–4, не меньше. Неужели бываю такие паводки? «Бывают, — утверждают сотрудники заповедника, — и снег с гор еще не полностью сошел».

Порог проходили по очереди полдня. «Шумы» красивые, и погода раду-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Инна Гладкова**

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — Эдуард Гильман. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

Как, когда они здесь поселились, никто из старожилов толком припомнить не мог. Может, какой природный катаклизм сбил стаю с пути к северным озерам? Теперь журавлиный клин можно наблюдать и здесь, но только по весне, когда он на своих легких крыльях осторожно подлетает к гнездовью, выбирая самую непроходимую часть болотины. И садится не сразу: место намечают вожаки-разведчики: один, чаще три журавля. А уж за ними быстро садится вся стая. Надо видеть, как грациозные птицы складывают этажеркой длинные лапки и бойко падают в высокий камыш. Все лето пары живут в отдалении друг от друга, выводят птенцов, и только ближе к холодам объединяются в стаи. Когда родители ставят молодняк на крыло, птицы так же осторожно взлетают: расправив крылья и перед дальним полетом подкормиться на хлебной стерне. А гнездится на Аяти серых журавлей немало. Такой драгоценный подарок природы! Если бы по уму, во-

► Озеро Аятское. Фото Евгения Тамплона

Иллюстрации подготовил Эдуард Гильман

Перстень из Амстердама

Как сказали бы пилоты, на этот раз мы стартуем с воды. Только время отматываем на три десятилетия назад. Как и сейчас, в разгаре была весна. Под ярким солнцем на уральских водоемах бурно таял лед, заговорили ручьи, вышли из берегов реки. Но на Аятском озере все пошло не так: оно мелкое, лед просел, а под ним знак большой беды — мертвая рыба! Бескормица для тех крылатых, эскадрильи которых, подчиняясь не ясным человеку законам, с теплых краев уже устремились домой, чтобы перед гнездовьем испить чистой родниковой воды. Ну и, конечно, с особой тревогой в ту весну здесь ждали возвращения серых журавлей.

доем давно следовало превратить в Уральский государственный заказник. А в тот год не только журавлей здесь ждала беда.

По сигналу «SOS» со съемочной группой СГТРК и с учеными-экологами едем на гибнущее озеро. А время наступило, напомним, лихое. Страна начала что-то строить, якобы с «человеческим лицом». Начался невиданный вселенский самотележ и захват всего, что можно было прибрать к беспардонным рукам. И озеро тоже поделили. Безграмотные хозяева — их оказалось несколько — без научного анализа весеннего паводка, больше, чем надо, открыли створ плотины, вода убежала, лед сел на дно, все жи-

► Связь в полёте

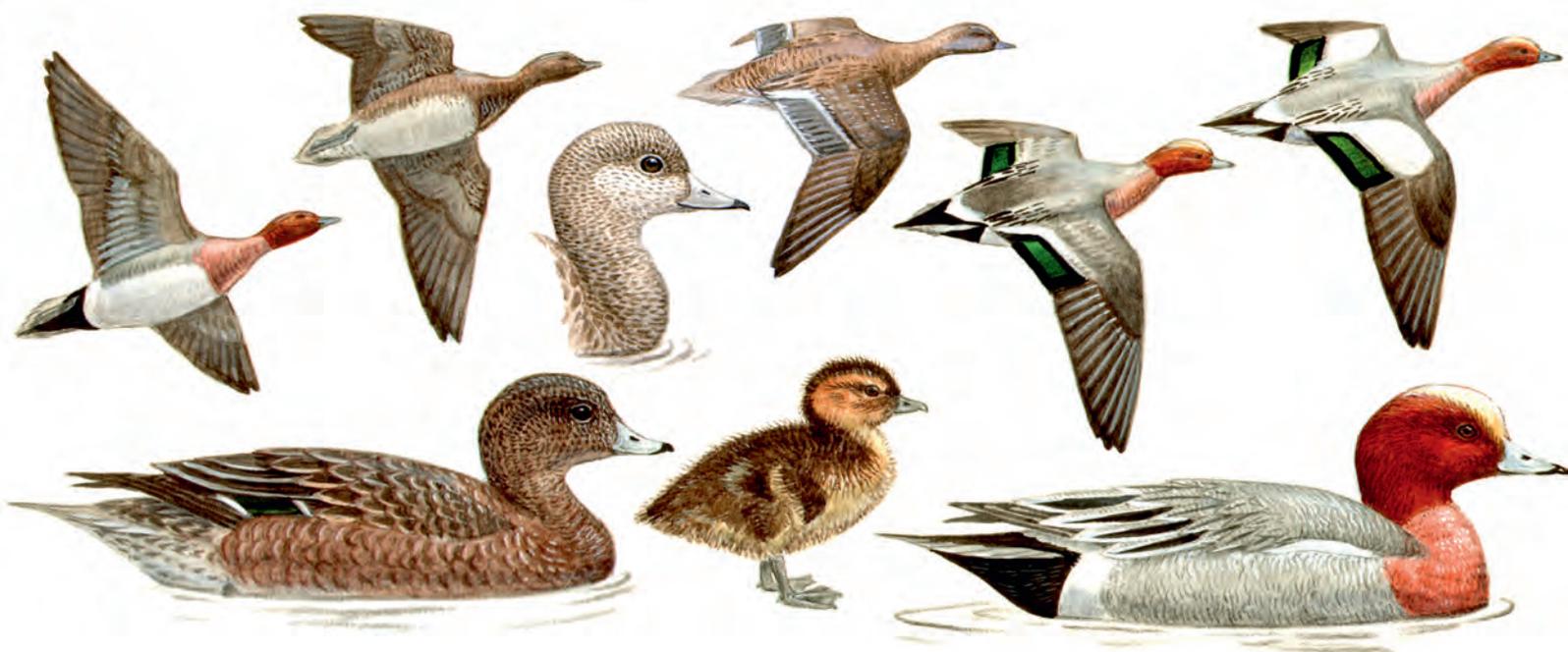

вое под ним задохнулось. Чем могли тогда журналисты помочь беде? Разве что громко о ней рассказать.

Напомним кое-что про озеро. Туристы его не жалуют, потому как подходов для купанья нет. Всего несколько десятков метров земной тверди. Аятское озеро — водоем искусственный, образованный запрудой реки Аягь. У него есть точная дата рождения. Правдивую версию сообщила чугунная плита, извлеченная во время очередной перестройки плотины. На ней и значится время рождения — 1825 год, когда в районе деревни Шайдуриха речку перегородили ниже по течению и гигантская запруда затопила обширную низину восточного склона Уральских гор. При этом для надежности еще отсыпали дамбу. Вблизи этого места археологи нашли тогда стоянку доисторического человека эпохи Неолита. Запруду не раз угрожающе размывало. В 1961 году был прорыв плотины: сутками возили грунт. Были задействованы даже военные. Едва справились. Тогда же земляную плотину заменили на железобетонную.

Зеркало озера в ширину четыре, а где и пять километров, в длину 18 км, со множеством безымянных и именованных островов. Есть крупные: Молебный, Святой, Красный, говорят, в прошлые века здесь скрывались от крепостной неволи беглые крестьяне. Добраться до островов не просто, ходить, особенно по плавням, заросшим клюквой и пахучими кустами багульника, опасно. Ноги тонут в болотине, которая при каждом шаге жутко

◀ Журавль серый.
Рисунок Вадима Рябцева

▲ Свиязь.
Рисунок Вадима Рябцева

всхлипывает и чмокает. Кстати, вода в озере добрая, питьевая, кипятить не надо. Багульник воду обеззараживает. Хочется особо напомнить, что Аятский водоем еще и важнейший стратегический объект, практически последнее на Среднем Урале природное хранилище с чистой водой. Напомним, в засушливом 1975 году озеро поило весь миллионный Свердловск.

В хорошую погоду, если забраться на скалы «Семь братьев», можно увидеть все озеро вдоль и поперек. Для птиц оно практически райское место: топкие берега, почти сплошь заросшие рогозом, камышом, осокой и другой болотной травой. Так что водоем охраняет и себя, и гнездовья всех водоплавающих.

Озеро в тот лихой год хотя и с трудом, но все-таки восстановилось. Весна торопила. Уже щедро грело солнце, в воздухе звенели жаворонки, пели коноплянки, свистели скворцы, в воде что-то булькало, возилось. Вообще казалось, что все новые жизни природа встречает под соловьиной трелью. И жизнь нашего героя — утенка.

Его разбудили точные часы природы. В гнезде, что лежало на плоской коряге близ воды, было восемь яиц. Утка, как ей и положено, 25 дней грела их своим перовым одеялом. Но однажды на утренней заре самый прыткий птенец

проклюнул окошко и выбрался из яйца. Скорей, скорей: время пошло! Впервые, пробуя голос, громко свистнул и шлепнулся в мокрые заросли клюквы. Большой мир, открывшийся ему, был прекрасен! Вскоре за первым попрыгали остальные утята. И вот уже вместе с заботливой мамой темные шустрые комочки в поисках червячков, головастиков, рыбешек уже ныряли, шныряли по зарослям старой и молодой травы.

Здесь важно сказать, что на берегу озера в том году подрастал еще один важный персонаж нашего рассказа: дитя человеческое, весьма шустрое. (Имя называть не будем). Отец его работал в Аятском охотхозяйстве, часто брал пятилетнего мальчика и на рыбалку, и на охоту.

То уральское лето ушло, закатилось. Загля осень свой цветной костер. Видят ли это птицы? Да. Только мы — сбоку, а они — сверху. В густых зарослях подальше от недобрых глаз уже вырастили свое потомство чирки, кулики, болотная вышь. Они первыми покинули гнездовья и улетели к зимним квартирам. Выросла и оперилась вся утиная стая, и наш герой, сильно возмужав, приоделся в богатый наряд: его грудь стала радужно-коричневой, голову от клюва до затылка украсила яркая полоса с золотым отливом. В подкрылках появились белые полосы. И когда в один из осенних дней с озера поднялся косяк уток, сильные крылья подняли и его. И тоже понесли вслед за солнцем.

За ними с этого озера ушел по своему маршруту и большой косяк серых журавлей. Холодный уральский ветер унес в поднебесье и их прощальную песнь. Редко отдыхая, птицы летели над спящими лесами и равнинами, скользя меж звезд и огоньков земли.

По какому точному компасу они летят — ни один ученый вам не скажет. Причем у них билет обязательно «с обратом». А сколько бед их поджидает в долгом пути?! То и дело узнаешь о гибели перелетных: то испанские фермеры ополчились на наших скворцов, уничтожают их тысячами, а на Урале все чаще пустуют скворечники. В феврале 2005 года в Дагестане джигиты хорошо поупражнялись, уничтожив не одну стаю не только уток, но и белых лебедей. Не верьте, что и в журавлей не стреляют. Подчас люди — жестокие особи. Я видела в одном доме на озере журавлиное крылышко, которым хозяйка сметала со стола муку. А мы надеемся, что мир спасет красота... Может, и спасет, если мы будем красоту охранять.

Думаю, будет не лишним привести здесь недавнюю поучительную историю. Прошлой осенью все средства массовой информации Германии запестрели сенсациями о гигантских птичьих марафонах. Сообщали, что на окрестности Бранденбурга и на озера вокруг городка Линум — это в 70 километрах к северо-западу от Берлина — обрушились разом: огром-

ный клин серых журавлей, кроме того, около ста тысяч диких гусей и 60 тысяч уток. Научно известно, что летели эти пернатые путешественники «на юга» с северных районов России, в том числе и с Урала. Для поддержания угасающих сил у них была всего одна остановка – в Швеции. А ведь для этого им надо было пересечь Балтийское море!

Бранденбург – уже вторая неделя отдыха перед остатком пути. Здесь на пруды, на так называемую октябрьскую «Неделю журавля», ежегодно съезжается до двух тысяч натуралистов. Причем гости не только из Берлина, но и из других земель Германии. И что совсем удивительно, ради встречи с журавлями туристическими группами сюда летят японцы! Впрочем, чему тут удивляться: в Японии журавль – священная птица, национальный символ счастья, знак долгой жизни, занимающий особое место в националь-

ной культуре. Знаменитые журавлиные танцы изображали великие художники, воспевали древние поэты. По японской легенде, для исполнения желаний нужно увидеть однажды тысячу журавлей.

Оказывается, в Германии в 1991 году был специально создан и успешно работает так называемый Региональный журавлиный союз Storchenzentrum. По просьбе экологов фермеры высаживают вокруг водоемов кукурузу и горох – любимые лакомства серых журавлей, а осенью не осушают прудов, как это делали раньше, потому что журавли ночуют, стоя по колено в воде. Перекрываются также все полевые дороги, чтобы не потревожить осторожных птиц. Журавли – крайне робкие создания. Если они пугаются, то теряют часть энергии. И приближаться к крылатым кочевникам нельзя. Хотя журавлиные спектакли, их танцы – зрелище завораживающее, но наблюдать все это туристам разре-

шено за плату и только в бинокли. Им поясняют, что птицы уже преодолели долгий путь и пережили стресс, на этом отдыхе они должны подкормиться, восстановить силы. Впереди еще длинная дорога: для одних – Голландия, для журавлей – Северная Африка. Не исключено, что в подобном «челночном» птичьим марафоне были и уральские летуны.

Но чуть солнце повернет на весну, птиц властно позовет голос далекой Родины. Так, в мае 1995-го, как всегда, к родному дому-озеру во главе большой стаи летел и наш красавец селезень. Много дней, редко отдыхая, стая шла навстречу солнцу. Пройдены были три тысячи, потом еще пятьсот трудных верст. Домой! Домой! Землю застилал утренний туман, силы на исходе. Да вот же оно – знакомое зеркало воды. Здравствуй, Родина! А в ответ... звук смерти. (Кто разрешил сезон охоты весной?) Удар. Птица вздрогнула, дернулась. Последний взмах. Последнее движение. Последний крик, последний вздох. И, обливаясь кровью, селезень рухнул над отчим домом.

Кто стрелял? Да тот самый, уже подросший пацан. Голоден был? Нет! Тогда зачем? А просто так! Сезон охоты! Упражняйся!

Птица с дороги худая – трофей разве что для собаки. А несла она домой великую тайну Приро-

◀ Связь, парочка

▼ Кольцо связи

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР КОЛЬЦЕВАНИЯ ПТИЦ
 117313 Москва В-813
 Ленинский проспект 86 - 310
 тел. 138-22-31

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
BIRD RINGING CENTRE
 Leningkiy prospect 86 - 310
 Moscow 117313, Russia
 Ph. 138-22-31

620055 Екатеринбург
 ул. Куйбышева, 74-4
 Гладковой И.И.

16.04.97

Здравствуйте, Инна Марковна!

Надо сказать, что вы изрядно удивили нас сведениями из ИЭРЖ, что Центр кольцевания и подобные организации "упразднены". Как видите, это не так, наш Центр кольцевания жив и работает. Кстати, мы ведем регулярную переписку с орнитологами - сотрудниками ИЭРЖ.

Спасибо за сообщение о добытой утке с голландским кольцом. Мы запросили данные кольцевания у Центра кольцевания Нидерландов, и как только получили ответ, сообщим их вам. Те голландцы, которым вы в прошлом году передали кольцо, видимо, еще не донесли его до своего Центра, поскольку в противном случае мы получили бы оттуда полные данные по возврату этого кольца, т.к. по международным правилам положено обязательно информировать Центр кольцевания той страны, в которой найдено кольцо.

Что же касается уток, то правильнее будет сказать, что по крайней мере, часть их каждый год улетает с Урала зимовать в "тольпанную" Голландию, а не наоборот. Вероятно, Ваш селезень родился на Урале, вполне возможно, на том самом озере Аятском. Зимовать он полетел в Нидерланды, где на зимовке его поймали, надели колечко и отпустили. Весной селезень вернулся на родину, на место гнездования. Другой возможный вариант, что эта птица родилась севернее или восточнее, и оз. Аятское было для нее промежуточным пунктом на миграции.

В нашей картотеке возвратов колец есть возвраты голландских утиных колец с Урала, с таких видов, как свиязь, вилохвость, широконоска. Именно с помощью кольцевания и выясняется, где зимуют наши птицы.

Высылаем Вам образцы наших двух листовок с призывами присылать найденные кольца и сведения о них в Центр кольцевания. Одна из них, адресованная свердловским охотникам, была выслана в Свердловское областное общество охотников в 1995 г. Сейчас мы заменили в ней данность по количеству возвратов на свежие, по 1996 г. Надеемся, что какая-нибудь информация из этих листовок пригодится в Вашей работе, а мы будем очень благодарны Вам за "рекламу" Центра кольцевания.

Всего доброго

Сотрудник Центра кольцевания
 Ирина Александровна Харитоновна

ДЛЯ ЧЕГО КОЛЬЦУЮТ ПТИЦ.

Уже около 100 лет для изучения биологии птиц используется метод кольцевания. Обычно применяются металлические кольца с названием центра кольцевания и номером. Ученые более чем 50 стран обмениваются информацией об окольцованных птицах. Благодаря этому способу стало известно, где птицы зимуют, пути и сроки их миграции, продолжительность жизни и многие другие вопросы.

Так, например, было установлено, что птицы из Европейской части России летят осенью в Западную Европу, а многие и дальше, в Африку. Сибирские же птицы разлетаются к югу веером от Западной Европы до юговосточной Азии. Дальневосточные пернатые мигрируют в юго-восточную Азию, Австралию и даже в Америку.

Мало птиц доживает до старости, но многие достигают возраста 20-30 и более лет. Например, кряква, средняя продолжительность жизни которой всего 2 года, может прожить 22 года, а крачки и более крупные гагары - 25-27 лет. Даже скворцы иногда доживают до 12 лет. И конечно, это еще не предельные сроки жизни птиц.

Несмотря на большой накопленный материал, кольцевание птиц не потеряло своей актуальности и в наши дни. Изучение обстоятельств гибели птиц позволяет накопить данные о влиянии изменения экологической обстановки, усиления влияния деятельности человека на биологию птиц. Данные кольцевания используются и для прогнозирования изменений численности птиц.

В последние годы, помимо традиционного кольцевания металлическими кольцами, учеными широко применяется метод мечения при помощи цветных пластмассовых колечек, ошейников или пластинок. Надпись на цветной метке может быть прочитана в любой ее жизни, не принося ей вреда.

Уважаемые соотечественники! Этот широко распространенный метод изучения птиц расщипан и на помощь ученым широких кругов населения. Если к вам попало кольцо или метка от птицы, вы окажете неоценимую помощь науке, сообщив об этом в Центр кольцевания птиц по адресу:

117313, Москва,
 Ленинский проспект 86-310,
 Центр кольцевания птиц,
 Телефон (095)-138-22-31

Ваше сообщение будет иметь особую научную ценность, если вы точно сообщите дату (число, месяц, год), место (область, район, ближайший населенный пункт) и обстоятельства обнаружения кольца. Кольцо или метку желательно вложить в письмо. Не забудьте указать ваш адрес, чтобы Центр кольцевания мог сообщить Вам, какая птица, когда и где была помечена.

ды. На ее лапке был тот самый перстенок из Амстердама. Не из золота и не из серебра, он из светлого прочного сплава, а на нем латиницей слово: «HOLLAND» и цифры 5234301. Есть по краю колечка и еще одна строчка цифр, но почти стершихся, значит, птица жила и путешествовала уже не один год. И разгадка вроде бы рядом: уральскую птицу окольцевали в Голландии, а вот что означают цифры? Как прочесть этот ее заграничный птичий паспорт? Возраст? Точное имя?

Ищу специалистов. Пишу письма в Москву в Академию наук, в научный центр кольцевания птиц — тишина. Знаю, что существовало и в нашей стране, как бескорыстная помощь науке, Всемирное братство кольцевания птиц. Там-то знают, что в Нидерландах на речках, протоках, многочисленных каналах, на побережье не очень, к слову, ласкового Северного моря ежегодно зимует более миллиона различных видов перелетных. Заметим, в основном там зимуют наши крылатые соотечественники.

Редкий трофей — заветный перстенок — отобрала у парня

▲ Письмо Инне Гладковой от 16.04.1997 г.

и передала мне работавшая много лет в Аятском охотхозяйстве Людмила Ивановна Иванникова, человек, болевший всеми бедами озера. Очень просила разгадать тайну селезня. Но к кому я только не обращалась, даже показала находку одному из голландцев (в ту пору кто только из наводнивших страну иностранных прожектеров не учил нас жить), тот обещал содействие, если я отдам ему кольцо. А меня этот вариант не устроил.

В ту пору доживала последние дни одна из крупных и старейших в стране Свердловская государственная телерадиокомпания — СТРК. Упразднили редакции, сокращали время эфира. Начались болезненные увольнения журналистов. Это коснулось и меня. Словом, как-то было не до селезня. Подписала договор и без зарплаты, без спонсоров, практически на энтузиазме уральских историков, краеведов, ученых, писателей, художников, на основе часто секретных

архивов удалось поднять большой, познавательный, исторический материал. Проект назывался «Екатеринбургские тайны». За пять лет было создано 133 фильма. Их показывали по вторникам. Проект получил Губернаторскую премию.

А тайна перстня так и осталась тайной. И незаконченный рассказ о подстреленном селезне сам собой в сериал не вошел, но так хотелось завершить поиск. Делом, советом, утешением мне помогли многие. Как-то рассказала я про птицу Геннадью Райшеву. Этот талантливый художник, главные работы которого вошли в его альбом «Хантыйские легенды», показал мне свою картину «Утка, слетающая с гнезда».

При этом заверил, что не человек ее потревожил. В мифологии народов Севера — утка птица священная, она живет в небе, на земле и в воде. Птица как связь трех частей Вселенной: верхнего мира, земной тверди и водной глубины. В этом образе представлена душа человека, наказ ему: оставь землю потомкам такой, какой увидел ее в детстве. А опустевшее гнездо —

как брошенное чумовище. В нем не ночует даже ветер.

Другой талантливый уральский художник Анатолий Жуков, автор уникальных анималистических произведений в камне, летящую птицу увидел в двухцветном уральском агате. Камею подарил мне со словами, что этот талисман в поисках обязательно поможет.

И ведь тайну перстня из Амстердама вскоре удалось разгадать. Совсем уж неожиданно из столицы, из Российской Академии Наук, на мой домашний адрес с небольшим интервалом пришли три письма. В одном сказано, что я «изрядно удивила сотрудников своими сведениями о том, что Центр кольцевания и подобные организации упразднены». (А что ж вы, господа хорошие, два года молчали?) В другой депеше — обращение к охотникам Свердловской области: «В Центр кольцевания обо всех подобных находках обязательно сообщать». А в третьем, главном послании как раз и был заграничный паспорт нашего селезня.

Так вот: научно нашу птицу-селезня зовут Связь. Такое имя он получил, вероятно, потому, что у самца характерный голос: он издает громкий свист, особенно ночами. Имя птице дал естествоиспытатель, швед по националь-

ности Карл Линней, живший еще в XVIII веке. Этот наблюдательный человек, большую часть жизни проведший в Голландии, был поражен вселенским переселением перелетных, которые осенью тучами садились на водоемы, одни оставались до весны, другие, передохнув, летели еще дальше — в северную Африку. А по весне эта гигантская эскадрилья, снова поднявшись в небо, опять же через Нидерланды улетала на северо-восток. Необычно? Да! Чтобы разобраться, изучить поистине гигантское многообразие совершеннейших из созданий природы, Линней потратил половину своей жизни. Он тоже, вероятно, понял, что того первого *Homosapiens* с четверенек подняла совсем не длительная историческая эволюция, а стая легко паривших в небе чудо-птиц. В 1753 году ученый обнародовал титанический труд по классификации птиц — главную азбуку для орнитологов и по сей день. Понятно, что и нашу птичку он «сосчитал».

А по нынешней грустной статистике, Связь давно на грани исчезновения — значит, на Аяти погибла не просто красивая, но и редкая теперь птица. Ее окольцевали в Нидерландах в ноябре 1986 года. Застрелена она была в мае 1995-го. Век селезня длился всего девять

лет. За эти годы он налетал от дома в тюльпанный край и обратно более тридцати тысяч километров. Если их вытянуть по экватору, еще год-два, и был бы птичий рекорд — кругосветное путешествие.

Кроме как на картинках, да в Интернете вживую этой красивой божьей твари я не наблюдала. Здесь, в южной Баварии, где в парках масса искусственных водоемов, безбоязненно и никуда не мигрируя, круглый год плавают, бродят, пасутся и кормятся с рук гордые лебеди, канадские жирные гуси — мечта Паниковского. А уж уток — с десятков видов и мастей. Но связи здесь нет. Не залетает сюда эта уральская птица.

Живет ли хоть один потомок нашего героя на Аяти? Не знаю. Связь прервалась. Надежда только на уральских следопытов. Они, если встретят эту красивую птицу, пришлют знак в редакцию.

Ну и в заключение (последняя фраза всегда запоминается): Мир может и должен стать лучше и добрее, если в школе учитель будет начинать урок словами: «Дети, поднимите руку, кто из вас сегодня, по дороге в школу, покормил хотя бы одну птичку?»... **УС**

▼ Камея Жукова

Социальная экология:

Влияет ли менталитет на экологическую обстановку в России?

Наверное, каждый задумывался над тем, почему экологическая ситуация в нашей стране несколько хуже, чем в других развитых странах мира. Я много размышляла над тем, почему, например, в Германии не существует такой проблемы, как загрязнение улиц и лесопарковых территорий бытовыми отходами. В то время как в России, к сожалению, это не редкость. И пришла к выводу, что в большинстве случаев это влияние менталитета, определенного для каждого народа. И, судя по моим наблюдениям, русский менталитет не способствует улучшению экологической ситуации в нашей стране, а, наоборот, разрушительно влияет на человека.

Я живу в поселке городского типа рядом с рекой и уже несколько лет наблюдаю за тем, как мусор скапливается на территории поселка, в лесу и в реке. И если в самом поселке два раза в год жители хотя бы чистят территорию вокруг своего дома, то лесная территория практически не очищается. Но бытовые отходы там накапливаются с завидным постоянством. Эти действия совершаются людьми, которым лень отвезти мусор на санкционированную свалку. Люди не задумываются над тем, какой урон они наносят природе, ведь результаты этих необдуманных действий будут видны только спустя много лет. В этом заключается первая отличительная черта русского менталитета — человек не задумывается над тем, что будет после него. Как гласит поговорка: «После нас хоть потоп».

Вторая черта русского менталитета — это недисциплинированность. В духе русского человека идти против установленных правил. Если стоит предупреждающая табличка «Мусор не выкидывать! Штраф 1 тыс. рублей», русский человек именно туда и выкинет, например, коробку из-под сока. Или еще лучше: привезет туда весь мусор, что скопился в доме. Это происходит оттого, что человек знает: его не накажут. Он знает, что видеорекамеры над этой территорией нет (да и вряд ли когда-нибудь она появится), никто не наблюдает за этим участком, поэтому он чувствует себя безнаказанным.

Этим летом я пошла в лес и увидела пример человеческой безнаказанности и непростительно кошмарного отношения к природе. Один молодой человек, видимо, решил оригинально признаться в любви к некоей девушке Кате. Сначала он написал красным аэрозольным баллончиком на подвесном мосту (построенном, кстати говоря, по инициативе одного нашего жителя на деньги, собранные жителями поселка). Это уже можно расценивать как вандализм, но это было еще не самое

страшное его деяние. На выступающих скалах и даже на траве той же краской он изобразил любовные послания девушке Кате. И если трава весной обновится (но она будет слабее предыдущей, ведь в почву попали химически вредные вещества), то камни нужно будет отмывать, так как, несмотря на дожди и снег, аэрозольная краска будет сходить очень долго, а то и вовсе не отмоется. Почему же этот парень так поступил? Ответ прост: он нашел довольно бюджетное средство выразить свои чувства, зная, что его никто не найдет и он не понесет за свои поступки никого наказания. Да, ему это признание почти ничего не стоило, но он нанес огромный ущерб окружающей среде и природе.

Третьей чертой я хочу выделить пассивное поведение людей. Подавляющее число жителей России является людьми с реактивным поведением. Людьюми, у которых всегда виноват кто-то, кроме него самого. Реактивный человек не ищет решения возникшей проблемы: он просто попытается плыть по течению жизни, виня всех — правительство, олигархов, соседей — в том, что реки загрязняются, на улицах мусор, озоновый слой разрушается и т.д. Он никогда не выйдет на субботник, не пересядет с автомобилем на велосипед, сам не перестанет бросать мусор мимо урны. Он будет сидеть дома перед телевизором, смотреть

Наталья Печерина

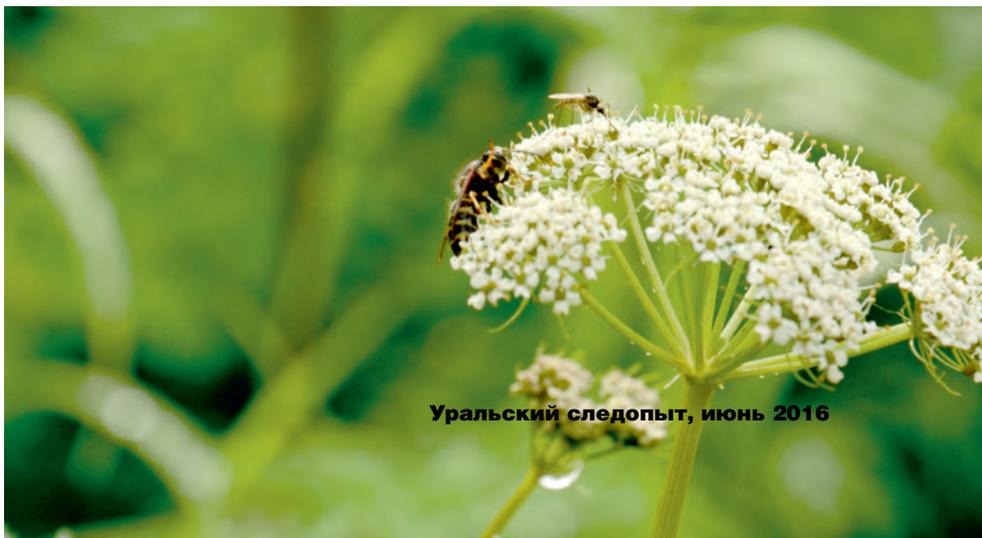
Студентка Уральского государственного горного университета.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

новости и осуждать все и всех. К большому сожалению, среди молодых людей и школьников уже многие разделяют реактивную позицию поведения. Это идет еще из школы, где прививают стандартизацию и однотипность мышления, а творческое начало и оригинальное видение мира подавляют, не давая возможности для саморазвития. А бывает, что и сами родители губят в ребенке лидера, заставляя его быть как все. Мы становимся поколением TV, «телевизионными детьми», не контактирующими с природой, отрезанными от нее.

Но мы можем изменить положенный ход вещей, сломать стереотипы, а может, даже изменить сам менталитет. Ведь не все люди в нашей стране думают только о себе. Есть люди с активной жизненной позицией и оптимистичным взглядом на жизнь. Нужно равняться на таких людей, стараться сделать что-то значимое в своей жизни не только для себя, но и для окружающих людей и мира. Главное, начать с себя! **VC**

Пензенское отделение
Русского географического
общества представляет

Арнольд Айдинян

Заместитель командора
Молодежного центра «Следопыты РГО»
им. Л.А. Загоскина.

Следопыты РГО — члены Молодежного центра «Следопыты РГО» им. Л.А. Загоскина с 30 апреля по 7 мая провели первую дальнюю экспедицию центра на Урал

в целях изучения природы и географических особенностей территории известного в России национального парка «Таганай» (Челябинская область).

Первая дальняя экспедиция следопытов РГО на Урал благополучно завершена!

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фотоматериал
участников экспедиции.

Все участники — студенты Пензенского государственного университета (Педагогического института им. В.Г. Белинского, факультета физико-математических и естественных наук, кафедры география): Арнольд Айдинян, Василий Якушов, Алена Кузнецова и Максим Зеленев.

Ребята готовились к поездке с сентября 2015 года, определив маршрут протяженностью 1100 км на восток России и наметив маршрут на карте по Уральским горам. Одной из главных задач команды следопытов являлась съемка короткометражного фильма о национальном парке «Таганай».

Ребята покорили вершины Уральских гор особо охраняемой территории, чтобы самим увидеть красоту, раскинувшуюся с вершин, и запечатлеть ее на фотокамеру.

В описательной части отчета молодежной экспедиции сказано: «Национальный парк «Таганай» — особо охраняемая природная территория. Он был создан 5 марта 1991 года и находится в одном из уникальнейших уголков Южного Урала — в районе Таганайского горного узла, чуть севернее старинного уральского города Златоуста и в 130 километрах к западу от города Челябинска. Через парк проходит географическая граница Европы и Азии.

Протяженность парка с севера на юг составляет 52 километра, а с запада на восток — от 10 до 15 километров. Его площадь равна 568 квадратным километрам. Это на 38 квадратных километров больше площади самого города Челябинска.

Территория парка представляет собой систему среднегорных хребтов меридионального простирания. Самой высокой точкой национального парка является гора Круглища с высотой в 1178 метров над уровнем моря.

Древесная растительность представлена елово-пихтовыми лесами средней тайги, южно-таежными лесами с примесью лиственницы и бере-

зы, березово-сосновыми лесами. Поднимаясь вверх по склонам гор, вы обязательно наткнетесь на горные степи, а на высоте около 1 километра встретите субальпийские луга и горные тундры. Животный мир представлен как лесными, так и степными обитателями. Среди них встречаются: лось, косуля, заяц-беляк, заяц-русак, белка, глухарь, белая сова, тетерев, дятел, серая куро-

ма, на вершинах Таганая, на приюте для отдыха туристов «Гремучий ключ». Следопыты взяли интервью у сотрудников национального парка. Фильм и фотоматериалы будут использованы в просветительских целях среди студентов университета и школьников.

Экспедиция прошла слаженно — практически «на одном дыхании». Она несет в себе большой смысл в деле просвещения, развития внутреннего туризма и патриотического воспитания молодежи. Изучение уникальных природных уголков России, их популяризация является колоссальным потенциалом для развития молодежного туризма, а проведенная экспедиция — этому пример.

Собранные материалы еще раз подтверждают мысль о том, насколько прекрасна наша Родина — Россия! **У**

водили ежедневно в самых разных и уникальных местах охраняемой территории: на реке Большая Тесь-

патка, степной хорь, хомяк, лиса, рысь, волк и многие другие. Крупнейшим хищником национального парка «Таганай» является бурый медведь. Самой крупной рекой данной природной территории является горная и порожистая река Большая Тесьма длиной в 18 километров».

Ребята обследовали территорию, изучили интересные места заповедника и провели восхождение на пять вершин. Это Александровская сопка (вне национального парка), Митькины скалы, Двуглавая сопка, Откликной гребень (вторая вершина национального парка «Таганай» высотой в 1155 метров) и гора Круглица (наивысшая точка национального парка высотой в 1178 метров). Участники экспедиции изучили уникальное природное явление — каменную реку (курумы), которую несколько раз пришлось переходить. Каменная река — это огромное скопление огромных глыб из авантюрина, кварцита, гранита и других горных пород, протянувшееся на 7 километров в длину и до 700 метров в ширину.

Съемку фильма о национальном парке «Таганай» ребята про-

www.uralstalker.com

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

«Записки не географа»

Желание написать это эссе было вызвано первым делом необходимостью поделиться невероятными впечатлениями от поездки в чарующий, поражающий своими природными красотами край. Речь идет о заповеднике «Денежкин камень», который находится на Северном Урале. Заповедник получил свое название в честь одноименного горного массива, максимальная высота которого достигает 1492 метра.

Поездка, а если быть точнее, научная экспедиция была задумана сотрудниками кафедры географии УрГПУ и молодежным крылом Свердловского отделения Русского географического общества, для изучения ландшафтно-фенологических явлений. Участниками экспедиции стали студенты 1–2 курса университета, их руководитель и я, человек далекий от географии и выбравший для себя профессию композитора. Несмотря на то, что моя стезя — музыка и, казалось бы, я не часто посещаю такого рода походы и не вхожу в среду географов, мне давали различные поручения, связанные с научной деятельностью. Эти задания, которые были абсолютно новыми для меня, были невероятно интересны и пробудили во мне желание погрузиться в исследовательский мир, в мир растений, почв, горных пород.

Стоит сказать, что я не раз была в этом заповеднике. С самого детства я периодически приезжала в это родное для меня место и каждый раз будто заново влюблялась в него: в его тропы, в ледяные и шустрые горные речки, в горные массивы и поля. Одно из моих излюбленных мест — отрог Денежкина камня «Желтая сопка». От видов, открывающихся с вершины Желтой, захватывает дух. Если посмотреть вокруг, то перед взором растянется Главный

Уральский хребет, также можно увидеть могучий Денежкин камень, Кривинскую сопку, голубые ленты горных рек. Сильный ветер, одолевающий всех, кто заберется на вершину сопки, шумит в ушах — это незабываемое ощущение, которое позволяет чувствовать себя свободным и одновременно единым с природой человеком.

Еще одно значимое для меня место — кордон «Сольва», который представляет собой очень уютный домик, расположенный на огромной поляне. Там делают остановки лесничие, сотрудники заповедника. С Сольвы открывается необычайный вид: с одной стороны — на Главный Уральский хребет, с другой — на Денежкин камень. При солнечной погоде горные массивы, похожие на каменных великанов, показывают себя во всей красе, будто приглашают странников в гости. В эту экспедицию вершины гор были затянуты тучами, а погода в целом оставляла желать лучшего — шел снег с дождем, бушевал сильнейший ветер. Но все же без тепла дело не обходилось, его добавляла дружеская атмосфера и огонек в печке. В этом будоражащем сознание месте я нашла вдохновение, которое не в силах потерять. То, что стало для меня потрясением, нельзя увидеть днем. Я говорю о звездном северном небе, о его мистической тяге и всепо-

Екатерина Янцер

Студентка Свердловского музыкального училища им. П.И. Чайковского.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

глощающем магнетизме. Когда я увидела миллиарды звезд, десятки созвездий, мне показалось, что небо падает на меня, поглощает все мое сознание и уносит его в какой-то иной мир. Такого поразительного явления я не видела до этой поездки, и, безусловно, оно подействовало на меня пьяняще и шокирующе.

Для меня, как не географа, путешествия не являются средством для поиска научных данных, напротив, они раскрывают во мне драгоценный дар созерцания, наполняют меня атмосферой мест до кончиков пальцев, они вдохновляют на создание прекрасного. Поездка на Северный Урал — не исключение. Я могу посчитать ее ярким примером того, насколько сильно может поразить, влюбить в себя, вызвать фейерверк эмоций один единственный уголок Земли. **УС**

▼ Денежкин камень.
Фото: Константина Возьмителя

Как повысить интерес школьников к географии и биологии:

предложения девятиклассницы

Издревле две науки: география и биология — сопровождали человека в жизни. Биология — это сама жизнь в самых разных ее проявлениях, география — окружающий мир, территория, где течет жизнь. Я думаю, что это — одни из тех наук, которые создала природа, а не человек, ведь их невозможно было придумать, как, например, математику; рожденные природой жизнь и окружающий мир можно, чувствуя и наблюдая, изучать. Наверное, поэтому и сейчас так много тайн у жизни. Казалось бы, должно быть много желающих раскрыть эти тайны, постигая биологию и географию. Но, к сожалению, это не так.

В настоящее время едва ли можно назвать интерес к биологии высоким, а к географии — подавно. Количество часов в учебном плане средней школы сокращается, а количество желающих связать свою жизнь с этими науками падает. Экзамены по этим школьным предметам не выбираются. Если биология хотя бы нужна в медицинской академии, то география очень редко промелькивает в заявлениях на государственную аттестацию. Например, в нашей школе из 131 выпускника (86 девятиклассников, 45 одиннадцатиклассников) экзамен выбрали двое: девятиклассница и одиннадцатиклассник. В моем классе также сформировалось мнение, что биология и география скучны, поэтому все выдвигаемые в этом размышлении идеи направлены на возможные изменения в подходах к обучению естественнонаучным предметам в школе.

Как можно повысить интерес к географии и биологии? Я думаю, что в первую очередь нужно увеличить количество учебных часов, обязательно разделив их на теорию и практику. Конечно, в программе по данным предметам много практических работ, но все они выполняются на бумаге, в условиях школы, с опорой лишь на теоретические знания. На мой взгляд, гораздо эффективнее и интереснее проводить работы на местности, в лаборатории. Понятно, что каждую школу лабораторией не обеспечить, но местность доступна всем.

Во-вторых, целесообразно проводить конкурсы наподобие Большого Географического Фестиваля; расширять круг конкурсов и направлений работы.

В-третьих, учитывая интерес детей и подростков к информационным технологиям, создавать виртуальный музей природы и промышленности (например, УрФО или Российской Федерации) и разрабатывать географические и биологические об-

Мария Писцова

Ученица МАОУ «Лицей №21» г. Первоуральск.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

учающие игры для гаджетов (игры с любимыми захватывающими сюжетами, разработанные с целью овладения биологической и географической грамотностью).

Отмечу, что наши учителя используют для повышения интереса к изучению естественных наук различные способы. Это встречи с представителями естественнонаучных профессий, туристические слеты, сборы, игровые уроки-викторины, задания со спорным вопросом, направленные на выдвижение гипотез. Все это входит в компетенцию школы, но в полной мере не позволяет изменить ситуацию. Географию, например, многие не любят, и изучать на профильном уровне ее мало кто хочет. Да и с биологией картина похожая.

И все-таки выход из тупика есть. Интерес к географии и биологии силами школы можно повысить, основываясь на авторитете и деятельности учителя, любящего и знающего свои предметы, а на уровне системы образования — через внесение изменений в учебные планы и содержание естественнонаучного образования, установление обратной связи с учителями и школьниками с использованием различных форм взаимодействия (видеоконференции, профильные смены в летних оздоровительных лагерях, опросы, проекты, экскурсии, учебные экспедиции), обязательное изучение учебного материала в «полевых, природных условиях» и, конечно, через применение современных информационно-коммуникационных технологий. **✍**

Екатеринбург ГОСТЕПРИИМНЫЙ

Дорогие наши читатели, продолжаем нашу экскурсию, начало которой вы можете прочитать в предыдущих номерах («Уральский следопыт», март и апрель 2016 г.).

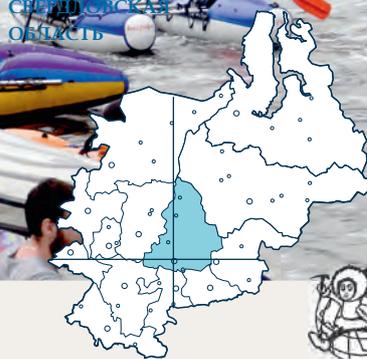
Мы с вами находимся в самом центре нашего гостеприимного города — в историческом сквере на Плотинке. Вспомним, что Екатеринбург был основан в 18 веке как город-завод. Все заводы в 18 веке строили на реках, используя энергию падающей воды. Наш город — не исключение. И вот, с одной стороны — большой пруд, а с другой, за водой, было построено предприятие, которое было названо «ЗААААВОД». Завода мы уже не увидим, он был снесен за ненадобностью, так как вверх по течению реки был построен Верх-Исетский завод, который существует до сих пор. А на месте бывшего завода сейчас исторический сквер. Спускаемся по ступенькам вниз. На каменной стене видим карту нашего города.

Дата основания — 1723 год. Это эпоха правления Петра I. Екатеринбург был основан как завод для «дела железа». Железа Петру было надо много, поскольку в то время он строил корабли, да еще и военные. Листовое железо, ядра, пушки, орудия — необходимы! А в нашем крае было найдено железо очень хорошего качества, здесь и задумал Петр строить заводы. Отправил сюда своего друга, соратника В.Н. Татищева, чтобы он на месте принял решение: или наращивать мощности существующих заводов, или строить но-

вый. Татищев принял решение строить новый завод. Выбрал очень удобное место: посередине уже существующих заводов, на самой низкой перевальной точке гор, на реке Исеть началось строительство. И вот мы стоим у этого сооружения — плотина.

Итак, завод был построен и назван Екатеринбург!!! Почему? В честь жены Петра I Екатерины и освящен в честь Святой Великомученицы Екатерины! На карте мы видим пруд и цеха завода, маленькие домики — дома рабочих. Город-завод строился по конкретному плану! И обнесен был город-завод крепостной стеной! Зачем в 18 веке городу-заводу крепость? От кого защищаться? Оказывается, от местных жителей!!! Русские на Урале — пришлые. Местные жители — татары, марийцы, башкиры, вогулы — испокон веков жили на этих землях. А вот когда пришли русские, нашли здесь полезные ископаемые да затеяли заводы строить — местное население потеснили. Местные, объединяясь племенами, защищались и, более того, нападали на заводы — сжигали, разрушали! Поэтому В.Н. Татищев, будучи военным по образованию, предусмотрел крепостную стену и построил ее по всем законам того времени! Бург с немецкого переводится как крепость! Оказывается, город был

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Нина Тропина

Экскурсовод 1-й категории, директор
ООО «Эльтранс».

построен и как город-крепость! Екатеринин бург — Екатеринбург! Так называться он будет до 1924 года. А в 1924-м городу дадут новое имя — Свердловск, в честь Якова Свердлова! И область будет названа Свердловской!

Рядом с картой города видим огромную фигуру — это памятник Ленину Злобину, тому самому гидроинженеру, который построил плотину в 18 веке. Плотина стоит до сих пор!

Обратите внимание на капсулу времени. Здесь хранится обращение жителей города 20 века жителям 21 века!

И посмотрим территорию бывшего завода. Она не застраивается, здесь проводятся различные праздники: День молодежи, 9 Мая, День металлурга, День рождения города и конечно, наш фестиваль «Майский экстрим»! Кстати, День рождения города мы отмечаем 3 раза в году!

Обратите внимание, что исторический сквер — именно так называется эта площадь — делится рекой на две части. На правом берегу находится геологическая аллея, здесь вы увидите образцы полезных ископаемых, которые находили и сейчас находят в наших горах. В конце аллеи — музей ИЗО, в ко-

тором хранится единственный в своем роде Каслинский чугунный павильон, созданный уральскими мастерами и завоевавший Гран-при и золотую медаль Всемирной выставки в Париже в 1900 году. Павильон был зарегистрирован ЮНЕСКО как раритет — единственное в мире архитектурное сооружение из чугуна, находящееся в музейной коллекции... А на левом берегу — исторический сквер. Там музей техники. Стоят огромные станки для «дела железа» под открытым небом. Там же бюст Петру I — «основателю горнозаводского дела на Урале от благодарных потомков». Там же находится музей архитектуры.

А рядом с плотиной — огромная глыба камня, это родонит. На урале его называют — орлец. Очень часто кусочки таких камней находили в гнездах орлов. И считалось, если положить кусочек такого камня в колыбель малыша, то малыш вырастет таким же сильным, мужественным и выносливым, как орел! Поэтому в колыбель нашего города была заложена глыба родонита, дабы наш город рос и процветал!

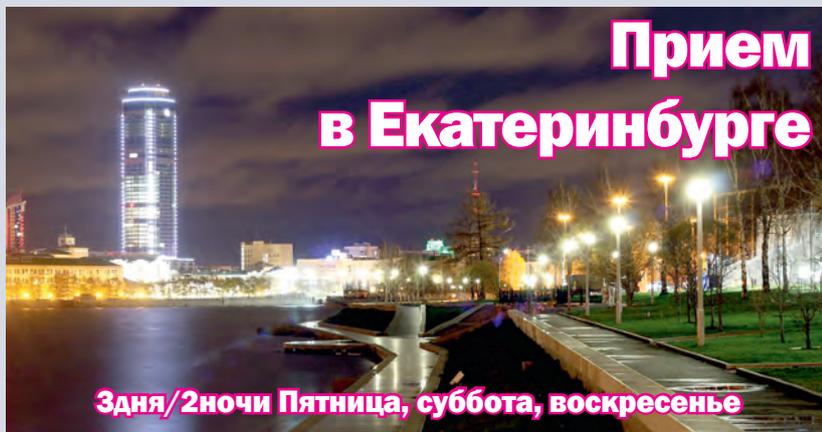
Есть такое поверье: если приложиться к этому камню, то можно заря-

диться его энергией! Обратите внимание на две полосы под ногами: красная — пешеходная, а желтая — велосипедная. Если встать на красную и пойти по ней, то она проведет вас по всем историческим и интересным местам нашего города.

А мы с вами движемся дальше. **☞**
(Продолжение в следующем номере).

▲ Каслинский павильон

Прием в Екатеринбурге

Здня/2ночи Пятница, суббота, воскресенье

1-й день

с 08.00 до 11.00 Встреча на ж/д вокзале и доставка туристов в отель, оставляем вещи и едем на экскурсию
11.00 — 12.30 — посещение областного краеведческого музея
13.00 — 14.00 — обед в кафе города (за свой счет)
14.00 — 17.00 — экскурсия на Ювелирный холдинг «JF Carat».
17.00 — 19.00 — посещение ювелирных магазинов с возможностью дальнейшей покупки

2-й день

10.00 — 13.30 — обзорная по городу (с выходом на плотинку)
+ граница Европа-Азия
+ Ганина Яма
13.00 — 13.30 — обед в монастыре (Ганина Яма)
13.30 — 14.00 — дорога до Верхней Пышмы

14.00 — 16.00 — посещение музея военной техники в Верхней Пышме
16.00 — 17.00 — дорога до Екатеринбурга
17.00 — свободное время
20.00 — 21.30 — для желающих дополнительная вечерняя экскурсия по городу на трамвае.
Стоимость экскурсии — 450 рублей с туриста (экскурсия состоит при наборе минимум 15 человек)

3-й день

8.00 — 9.00 — завтрак и сбор чемоданов. Оставляем их в отеле.
Первая половина дня — пешеходная.
10.00 — 11.00 — музей первого президента России Бориса Ельцина в «Ельцин-центре»
12.00 — 13.00 — смотровая площадка бизнес-центра «Высоцкий» + музей Владимира Высоцкого
14.00 — 15.00 — обед в кафе (за свой счет)

Турбюро «Эльтранс»

Адрес: г. Екатеринбург, ул. Степана Разина, 51, оф. 14.

Телефоны:

+7 (343) 257-13-19;
+7 (343) 385-13-19;
+7 (912) 216-79-89;
+7 (950) 65-15-306.

15.00 — 17.00 — автобусная экскурсия по городу с посещением женского Ново-Тихвинского монастыря
17.00 — 18.00 — заезд за вещами в отель и трансфер на ж/д вокзал

Стоимость:

Проживание

в отелях Екатеринбурга (руб.):

Грин Парк — 9300,0 — взрослые и 9100,0 — школьники
Протекс отель — 7200,0 — взрослые и 7000,0 — школьники
Отель Реноме — 9800,0 — взрослые и 9700,0 — школьники

В стоимость входит:

встреча, проводы, проживание в отеле выбранной категории, питание и экскурсионка по программе

Бронь по телефону:

+7 (343) 257-13-19

или по электронной почте:

cultural1@yandex.ru

Регистрация маломерного судна

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Анатолий Кемаев

Государственный инспектор
центрального инспекторского
отделения (г. Екатеринбург)
ФКУ «Центр ГИМС МЧС России
по Свердловской области».

Наступил весенне-летний период. В это время обычно учащаются обращения граждан, которые хотят поставить на регистрационный учет маломерное судно или снять его с учета. ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области» напоминает гражданам порядок регистрации и о том, какие документы необходимо предоставить для государственной услуги по постановке или снятию с учета маломерного судна. Хотелось бы напомнить, что на сегодняшний день не подлежат государственной регистрации суда массой до 200 килограмм включительно и мощностью двигателей (в случае установки) до 8 киловатт включительно, а также спортивные парусные суда, длина которых не должна превышать 9 метров, которые не имеют двигателей и на которых не оборудованы места для отдыха.

ГИМС Свердловской области осуществляет регистрацию маломерных судов, используемых в некоммерческих целях.

Маломерное судно – судно, длина которого не должна превышать двадцать метров и общее количество людей на котором

не должно превышать двенадцать. Государственная регистрация судна производится по представлению судовладельцем или уполномоченным им на то лицом, при наличии у него доверенности, оформленной в соответствии со статьей 185 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ской Федерации, и следующих документов:

1) заполненной регистрационной карточки-заявления судовладельца установленного образца, являющейся неотъемлемой частью судового реестра;

2) документа, удостоверяющего личность судовладельца или его доверенного лица;

3) подлинников и копий документов, подтверждающих законность приобретения судна и двигателей (подвесных моторов) к нему:

справка-счет;

товарный чек;

договор купли-продажи или дарения; свидетельство о праве на наследство;

судовой билет с отметкой о снятии судна с учета, если оно было ранее зарегистрировано в органах государственной регистрации;

документ, свидетельствующий об исключении из Государственного судового реестра или реестров (книг) иностранных государств;

иные правоустанавливающие документы, предусмотренные законодательством Российской Федерации;

4) подлинников и копий технических паспортов на судно промышленной постройки, двигателя или подвесные моторы к нему с отметками торговых организаций о продаже или акта первичного технического освидетельствования на судно индивидуальной постройки (или на судно промышленной постройки с техническими характеристиками, не соответствующими формулярным (паспортным) данным завода-изготовителя) с заключением государственного инспектора по маломерным судам о признании судна годным к эксплуатации;

5) документа, подтверждающего уплату государственной пошлины за государственную регистрацию судна и выдачу судового билета.

Для государственной регистрации судна, принадлежащего юридическому лицу, дополнительно представляются:

— подлинники и копии документов, подтверждающие его государственную регистрацию как юридического лица;

— справка о наличии на его балансе регистрируемого судна;

— копия приказа руководителя о назначении лица, ответственного за эксплуатацию судна;

— надлежащим образом оформленная доверенность на лицо, представляющее материалы для государственной регистрации судна.

Представленные для государственной регистрации судна документы,

имеющие подчистки, приписки, зачеркнутые слова, иные исправления, не заверенные в установленном порядке либо имеющие записи, выполненные карандашом, к производству регистрационных действий не принимаются.

Маломерные суда с двигателями необходимо предоставить для осмотра и сверки заводских номеров.

Регистрационный номер наносится контрастной несмываемой краской на обоих бортах судна на расстоянии 1/4 длины корпуса от форштевня одной строкой. Высота букв и цифр должна быть не менее 150 мм, ширина — 100 мм, а толщина линий — 15-20 мм. Номер наносится судовладельцем самостоятельно.

На сегодняшний день ГИМС Свердловской области аттестует по типам маломерных судов:

- маломерное моторное судно;
- гидроцикл — в районах:
 - внутренних морских водах и территориальном море Российской Федерации (ВМВ и ТМ РФ);
 - внутренних водных путей Российской Федерации (ВВП РФ);
 - внутренних водах Российской Федерации (ВВ РФ).

Необходимые входные документы, предоставляемые на бумажном носителе заявителем при предоставлении государственной услуги по аттестации:

- заявление;
- документ, удостоверяющий личность (паспорт);
- медицинская справка о годности к управлению маломерным моторным судном;
- две цветные матовые фотографии размером 30x40 мм, без уголка. **УС**

Режим работы ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области»

г. Екатеринбург, ул. Крестинского, д. 48.

Орган управления: телефон 8 (343) 286-64-08,

Центральное инспекторское отделение (г. Екатеринбург): т. 8 (343) 286-64-09.

1	Регистрация, освидетельствование маломерных судов (в местах постоянной дислокации инспекторского состава). Прием заявлений и обращений граждан.	Каб. № 212	Понедельник, вторник, среда 08.30-17.30
2	Прием документов на обмен удостоверений на право управления маломерным судном, выдача готовых удостоверений. Прием обращений и заявлений граждан.	Каб. № 206	Понедельник, вторник, среда 08.30-17.30
3	Аттестация судоводителей. Техническое освидетельствование маломерных судов, поднадзорных объектов с выездом на водоемы в МО, расположенные в зоне ответственности инспекторского состава.	Каб. № 210 и на водоемах области	Четверг 09.00-16.00
4	Приема нет		Пятница
5	Перерыв		12.00-12.48
6	Выходной		Суббота, воскресенье
7	Прием граждан руководителем Центра ГИМС	Каб. № 211	Среда 15.00-17.00

Жизнь по Канту

Памяти гвардии рядового солдата

Каждый год накануне Дня Победы мы едем на юг Челябинской области, здесь в степи есть место: Страна Городов — Аркаим, здесь похоронены мои дедушка с бабушкой. Весной степь зацветает сплошным ковром подснежников, а летом степь как море, где до горизонта катит свои волны серебристый ковыль.

Фотографий деда с бабушкой в семейном архиве практически нет. Остались нам в наследство книжка красноармейца, военный и переселенческий билеты, медали и Орден Отечественной войны II степени, да наша память как море... или как степь. Стоя над могильными холмиками, поросшими степным ковылем, я знаю: для меня Родина — эта Великая Степь. В октябре 1945 года указом Президиума Верховного совета СССР от 9 июня 1945 года деду была вручена медаль «За взятие Кенигсберга». И только сейчас мы понимаем, что эта медаль дорогого стоит. А орден найдет его позже, практически к 40-летию Победы над фашистской Германией. И так получилось, что в моей жизни два моря стали судьбоносными. Первым было Балтийское, или Польское море, как его называли бойцы 3-го Белорусского фронта, вторым морем стала Великая Степь.

Зубы дракона

Штурм Кенигсберга в 1945 году стал для советских солдат и командиров делом воинской чести. Фашисты укрепили округу с немецкой педантичностью: различного рода заграждения, зоны затопления, минные поля, траншеи и доты. Особо опасными для передвижения техники и людей были противотанковые надолбы. Немцы к их строительству и применению относились серьезно и продуманно и при обороне успешно использовали. Наши солдаты называли эти линии укреплений «зубами дракона». Взять город-крепость сходу было невозможно. Подготовка к штурму шла с августа 1944 года до начала апреля 1945-го. В штурме участвовали войска 3-го Белорусского фронта под командованием маршала Советского Союза А.М. Василевского. В составе 84-го дорожно-эксплуатационного полка 3-го Белорусского гвардии ря-

довой Прокоп Евменович Белько прошел сотни километров фронтовых дорог. С первых дней войны и до победного 45-го!

Четыре года не отпускала война, страшная, безжалостная и беспощадная! Гвардии рядовой — год рождения 1908, место рождения — Полесье, край озер и лесов. Номер военно-учетной специальности — 100, специальность до призыва — кузнец! А в армии и швец, и жнец, и на дуде игрец! Кузнец, мостовик, минер, сапер, снайпер. Его снайперская винтовка была с ним с начала войны. Вернее, с ней он пришел в военкомат, на призывной пункт, было это в июне 41-го. Винтовка осталась у него после финской операции 1939 года, тогда командование вручило ему вместо медали табличку «Лучшему снайперу». Привинтил он табличку на приклад своей винтовки — и домой, в родное Полесье. Мирной жизни осталось меньше двух лет.

В 45-м наши войска наступали по всему фронту, вышли к Балтике. Здесь перед генералом армии И.Х. Баграмяном, командующим Земландской оперативной группой войск, стояла задача очистить весь Земландский полуостров с крепостью и военно-морской базой Пиллау. По сведениям разведгрупп был изготовлен грандиозный макет города Кенигсберга со всеми улицами, домами, колокольнями, башнями с укрепленными точками противника. Площадь этого макета составляла 34 кв.м. Занимался макетом капитан технической службы А.В. Максимов, ему помогал младший лейтенант Евгений Александров. Они детально изобразили и оборонительные объекты, и позиции неприятеля, и городские кварталы, и дорожные сети. Именно по этому макету советские командиры отработывали будущий штурм крепости, что позволило спасти тыся-

Агата Самкова

Писатель, философ, путешественник.

Иллюстрации
из семейного архива

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▼ П.Е. Белько

▲ Кенигсберг, апрель 1945 года

чи жизнью солдат и офицеров. За изготовление этого макета капитан Максимов был награжден орденом Отечественной войны I степени. Орден вручал лично Баграмян... После победы А.В. Максимов остался жить в Кенигсберге и стал первым архитектором города Калининграда, а потомкам оставил множество своих рисунков и картин разрушенного города. Евгений Александров после войны вернулся в родной Челябинск, где стал главным архитектором.

Тогда, в 1945 году, командование фронта искало малейшую возможность сократить потери. Здесь, на передовой, требовались специалисты, которые имели бы опыт разминировать форты, бастионы, мосты, а главное — остаться в живых. Новобранцы погибали в первых боях именно из-за отсутствия опыта, житейской мудрости, смекалки, элементарной солдатской рефлексии. Штурму крепости Кениг-

сберг предшествовал четырехдневный период разрушения долговременных инженерных сооружений противника. Здесь, в самом пекле, и пригодился опыт солдата, прошедшего всю войну от первого ее дня. «Гвардии рядовой Белько Прокоп Евменович мужик основательный, он все может, все

умеет, он справится», — докладывал о нем в штабе комбат начальнику инженерных войск генералу В.В. Косыреву. Прокоп пришел в штаб с винтовкой, в солдатском рюкзаке лежали маскировочные костюмы и саперная лопатка. Вместе с солдатами своего батальона он должен был организовать работы по переправе через реку Прегель и многочисленные обводные каналы, нужен был опыт не только сапера, но и мостовика и кузнеца. Задание было выполнено, несмотря на постоянный артобстрел немецких батарей и бомбардировки самолетов противника с воздуха. Полегло тогда в боях за город более ста тысяч наших сол-

дат, а гвардии рядовой отделался легкой контузией.

И вот наступил долгожданный День Победы! Стоял солдат на берегу моря, в одной руке винтовка,

Д № 013432

в другой — пилотка, а по лицу кагилсь не то слезы, не то капли морских брызг. «Победа, Победа...» — шептали волны Польского моря. Победа! На губах соленый привкус морской воды. В Полесье озера, думал солдат, вода чистая, прозрачная, вкусная, а здесь море и эта Коса. Волны накатывались на песчаный берег, небо отражалось в водном зеркале серым стальным блеском. Там, на Косе, засели остатки дивизии Вермахта, совершают дерзкие вылазки, гибнут наши солдаты, а командиры пишут и отправляют похоронки. Солнце пробивалось сквозь ельник, грело плечи под гимнастеркой, а в воздухе стоял смешанный запах гари, моря и хвойного леса...

На берегу Польского моря, на этой израненной земле, война еще продол-

жалась. Солдат смотрел в прицел своей снайперской винтовки, внимательно переводил взгляд с одного объекта на другой, слушал редкую тишину. В прибрежных лесах на территории Восточной Пруссии сложно было спрятаться, тем более замаскироваться — сильно напоминали они лесопарковую зону с аккуратными дорожками и вырубленным подлеском. Лежал солдат на песчаном берегу, замаскированный под комель сосны, и смотрел на линию горизонта Косы. Если командир поставил задачу убрать оставшихся снайперов противника, то гвардии рядовым задача должна быть обязательно выполнена, несмотря на то, что Германия капитулировала... Для гвардии рядового солдата война продлится до конца лета 45 года.

Оберег

Вернулся домой только в августе. По уставу заехал в Домановичский военкомат, откуда уходил на фронт в 41-м. В военкомате поздравили с возвращением, пожали руку и при этом сообщили, что его семья погибла в концлагере, куда ее, как семью красноармейца, отправили немцы, занявшие деревню. Вышел из военкомата Прокоп, лица на нем не было, не было и сил кричать, душа стонала, рвалась в родную деревню. На месте деревни Дербин нашел солдат пепелище, одни печные трубы торчали. Шел по улице, видел, как оставшиеся в живых земляки копошились в своих усадьбах, кланялись, приветствуя его. Вот на таком пепелище нашел он свою семью: жену Ксению, детей и брата Артема. Издалека увидел четыре оборванные фигурки, они скачивали бревна чудом уцелевшей избы. Немцы аккуратно пронумеровали каждое бревно добротного дома, рубленного им до войны в лапу, зарыли бревенчатый сруб в землю, использовав его под блиндаж. Все наземные постройки сгорели, а его дом, зарытый в землю, уцелел. «Это ли не чудо!» — говорили ему Ксения и брат.

Дом в лесу обнаружили дети, девочки. Сначала увидели в блиндаже свой ставень от фасада дома, с немудреным орнаментом солнца-коловороты и лунницами. Маруся опрометью бросилась к матери: «Мама, — кричала она на бегу, — там, в блиндаже, наши лунницы, что батька вырезал из липы на ставне!» — «Господь мой, свят!» — Кинулась Ксения за шурином, и втроем побежали к лесу. Цел дом! Осталось только раскатать по бревну и заново скатать. Не беда, что печки и крыши нет, лето впереди. Лунницы, лунницы — это был их оберег!

Первые месяцы после Победы было холодно и голодно, ни обуви, ни надеть нечего. На подножном корму всю весну и лето 45-го просидели. Весной ничего не сеяли, не было семян, дети и взрослое население промышляли по лесам, по окопам. Нашли вещевые мешки убитых немецких солдат, где оставались нетронутыми галеты, тушенка и сгущенка. Девочки из санпакетов извлекали бинты, красили дедовским способом, кто корой, кто листвой, в яркие цвета и завязывали в косы как банты. Снимали с убитых обувь, одежду, перешивали на себя. В белорусских лесах долго еще гремели взрывы, это взрывались на минах мирные жители.

Ксения с дочками и Артемом скачивали сруб, вот за этим занятием и застал их Прокоп. Ксения, хрупкая, как тростиночка, только ойкнула, села

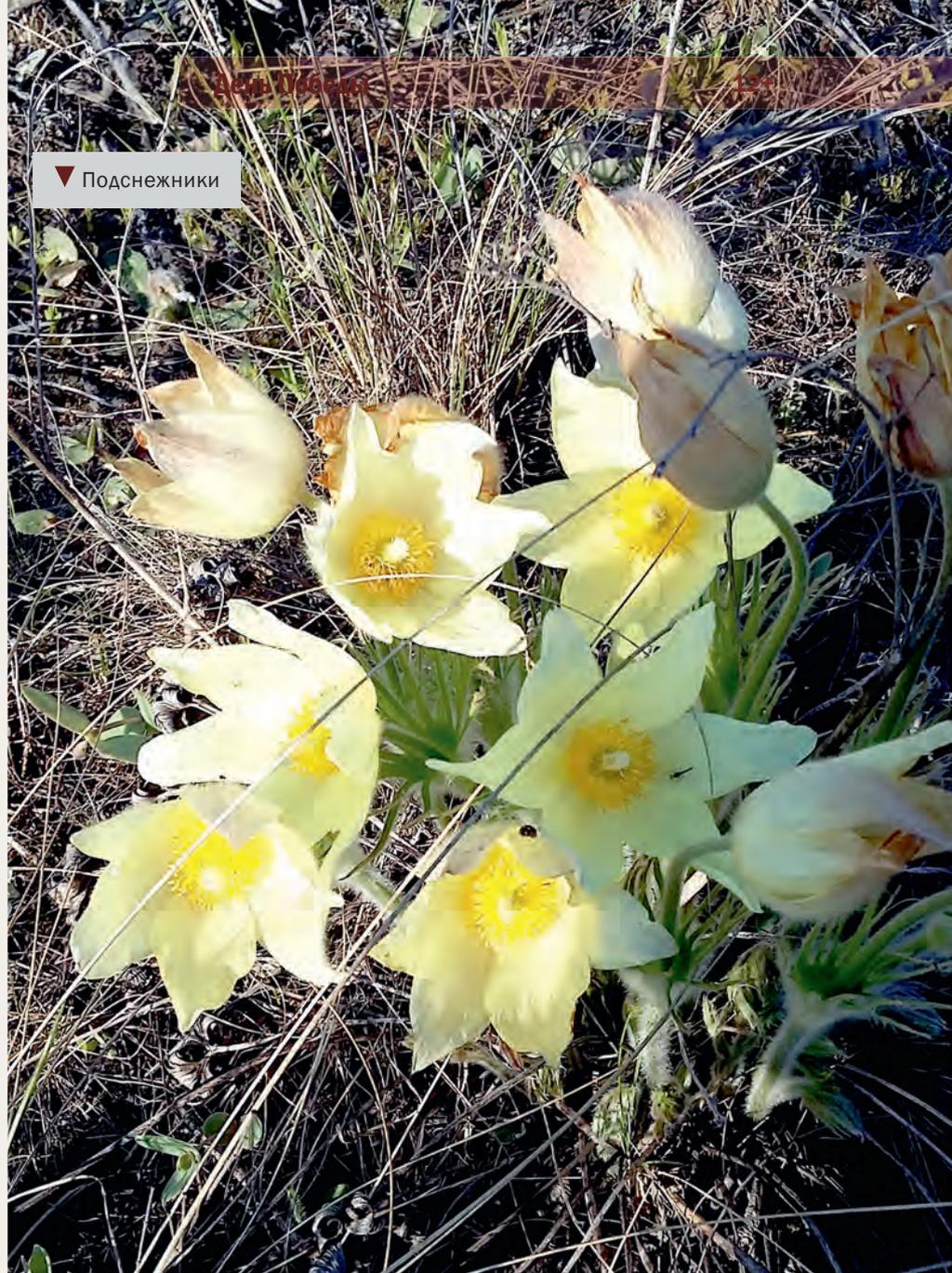
► Степь

на завалинку, спиной прислонившись к стене дома, а дочек и брата он тогда не узнал. Брат отрастил бороду и усы, походил на земского доктора, что был у них в округе до войны. Дочки Мария и Настя выросли за эти годы, одной 12, другой — 10, обе, как и мать, худенькие. Ноги гвардии рядового подкашивались от волнения, опустился он рядом с женой, обнял за хрупкие плечи, которые дрожали от горького рыдания. Выжили в этом лихолетье жена, брат, дочери. Двое младшеньких деток умерло от голода и холода, дочка и сын Василек. По сыну Прокopf и Ксения будут горевать всю оставшуюся жизнь. Маруся, так звал старшую дочку отец, была типичная белоруска, голубоглазая, русая коса до пояса. Настя с озорными карими глазами, бойкая, косы длинные, темные. Какие разные дочери, думал тогда отец, доставая красные ленты из своего солдатского мешка, а жене вложил во влажную от волнения и слез ладонь простенькие серебряные сережки, с камешками из горного хрусталя... «Вот и хорошо! — сказал солдат. — Завтра идем в Домановичи за коровой! Корова у нас будет прусской особой породы, безрогая и пегая. Мы начинаем новую жизнь!»

Хлебнули они лиха новой жизни. Самое страшное лихо — это голод. Весной 45-го года не сеяли, не было семян. Лето на подножном корму, грибы, ягоды да коровка-кормилица, хлеба не было. Ближе к зиме забеспокоился Прокopf, чем семью кормить, собрал свои инструменты и пошел на заработки по хуторам, кому плотник, а кому кузнец. Вернулся поздней осенью, над землей виляла снежная поземка. В дом принес пуд проса да пуд ржи, еще сало, свежее, пахнущее чесноком и хлебом. Глядя на такое богатство, Ксения упала в обморок. Жена и дочери исхудали, были невесомыми, прозрачными.

Административная послевоенная неразбериха на местах усложняла гражданскую жизнь. Прошел слух, что паспорта не будут восстанавливать, каждого жителя закрепляли за местечком, «где родился, там и пригодился», но это только в сказке красиво. Дочкам в школу ни одеть, ни обуть нечего, одна пара обуви на двоих. Собрался Прокopf в Москву на восстановление и строительство столицы, председатель ни в какую, кричит, ногами топает, кулаками стучит: «Под трибунал отдам, как вредителя!» Не выдержал солдат-победитель унижения, пошел воевать с судьбой. Оставил Прокopf родные края, свою Родину. В 1951 году поехали осваивать целинные земли на Урал. Поднять целину — задача государственной важности. В степи густо разрастались совхо-

▼ Подснежники

зы и колхозы. После войны не только из разоренных войной земель Белоруссии и Украины прибывали переселенцы. Здесь, в степи, кипел этнический котел, варился кругой этнический бульон, рождалась новая ментальность. Кузнецу в степи работы хватало, вставал затемно и спешил в кузницу, где помогал ему его брат. Ковали практически весь хозяйственный инвентарь: от плуга до подковы.

С детства и на всю жизнь я запомнила запах кузницы, металла, кузнечный горн, молоты, наковальню. В этой кузнице два богатыря своими молотами выковывали все: от гвоздей, скоб и подков до лемехов для плугов... Все, что было так необходимо в хозяйстве здесь, в Великой Степи. Когда ковали горячее железо на наковальне, искры, как салют, разлетались в разные стороны, это завораживало мой детский взгляд.

Дед часто брал меня с собой в кузницу, усаживал на приступочку кузнечной печи и поверх моей одежды надевал маленький брезентовый фартучек, чтобы искры не прожгли ее. Домой мы шли уставшие настолько, что большую часть дороги дед нес меня на руках, я обнимала его за шею, его сильное тело пахло деревом неизвестной мне породы и металлом. А степь пахла дынями, земляникой, ковылем, зерном и парным молоком. В моих воспоминаниях дед и отец — Богатыри, с ними я всегда чувствовала себя защищенной.

В канун дня Великой Победы я перебираю в памяти лица, даты, события, факты. Как причудливо время плетет полотно людских жизней и судеб! Прав был дедушка Кант: «...Будет жить человек на этой земле, пока наполняет его душу благоговение перед моральным законом и перед звездным небом!» **УС**

Иллюстрации предоставлены автором

Дом-памятник Вадима Раевского

Заповедник «Малая Сосьва», организованный в 1976 году в бассейне среднего течения р. Малая Сосьва, на территории Советского и отчасти Березовского района (ХМАО — Югра), — преемник Кондо-Сосьвинского государственного заповедника, существовавшего с 1929 по 1951 г. А тот, в свою очередь, был одним из первых заповедников России и первым в Западной Сибири и Тюменской области. Создан с целью сохранения типичного промыслового комплекса западносибирской тайги и восстановления охотничье-промысловых животных северо-запада Сибири. Организатором и первым директором заповедника был Василий Владимирович Васильев.

Управление Кондо-Сосьвинским заповедником сначала находилось в поселке Шухтунгорт, в 50 с лишним километрах от границ заповедной территории, что было крайне неудобно. Но с назначением директором заповедника Якова Федоровича Самарина в 1939 году было принято решение переместить управление из Шухтунгорта в Хангокурт. Этот поселок располагался в 5 километрах к северу от ручья Ем-Ердым-Соим, по которому проходила северная граница заповедника. В то время весь Хангокурт состоял из 2–3 хантыйских домиков, которые располагались по правому берегу ручья, впадающего здесь в Малую Сосьву. Для центральной усадьбы заповедника необходимо было строить новые дома. В 1939 г. в поселке Хангокурт началось возведение административного корпуса, метеостанции, школы, клуба, магазина, почты, пекарни, конюшни и других строений. Сооружались дома для работников заповедника, которые прибывали для работы.

Одним из первых научных сотрудников Кондо-Сосьвинского заповедника был Вадим Вадимович Раевский. Судьба его трагична. Он родился в Воронеже, в небогатой дворянской семье. Детей у Раевских было

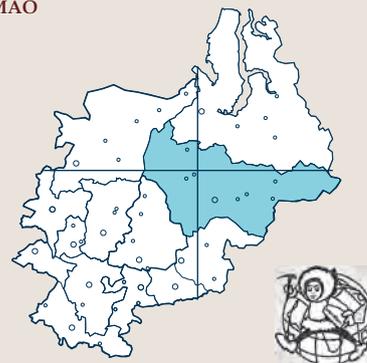
► Вадим Вадимович Раевский

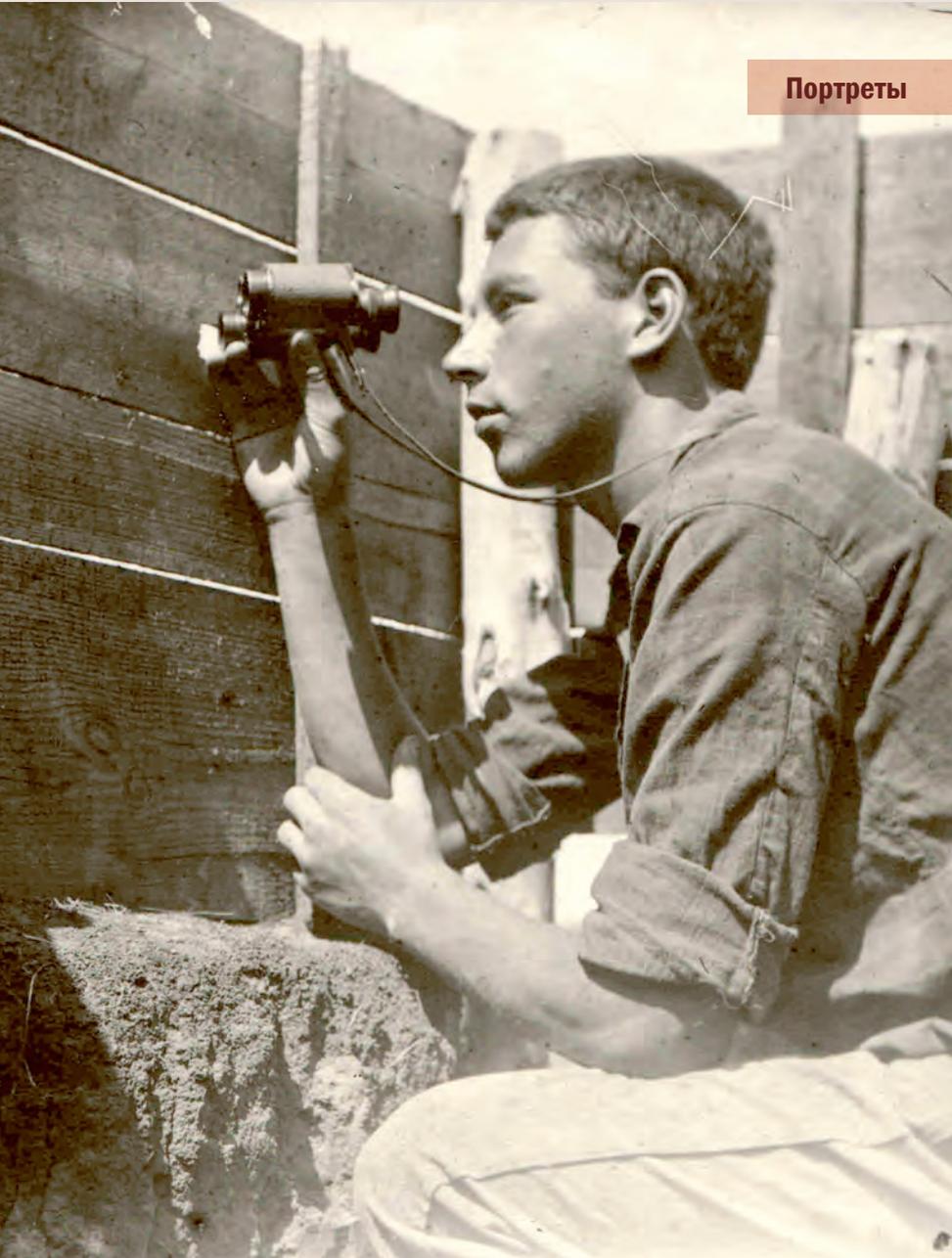

Светлана Головкова

Окончила Российский государственный профессионально-педагогический университет. Специалист отдела экологического просвещения в заповеднике «Малая Сосьва». Замужем, воспитывает дочь. В свободное от работы время предпочитает активный отдых, чтение. Живет в г. Советский.

ХМАО

◀ Вадим Вадимович наблюдает за сусликами в Ставрополе. 1930 г.

трое: старший Сергей, средняя дочь Ольга (в 1946–1947 гг. жила в п. Хангокурт, ухаживала за братом) и младший Вадим. В годы Гражданской войны семья Раевских бедствовала: отец погиб, а мать с детьми перебралась в Москву, где перебивалась случайными заработками.

Еще в ранней юности Вадим Раевский вместе со своим школьным другом Львом Каплановым были активистами кружка юных биологов Московского зоопарка (КЮБЗ), где секцией млекопитающих руководила Н.М. Дукельская.

В 1925–1926 гг. друзья принимаются за изучение млекопитающих Московской губернии, их консультируют известные зоологи С.И. Огнев и А.Н. Формозов. Сразу после окончания средней школы в 1927 году Раевский поступает на работу в Государственный музей Центрально-промышленной области, продолжая вместе с Каплановым исследование млекопитающих.

В 1933 г. Раевский впервые отправляется в таежную Сибирь, получив назначение заведовать Шухтунгортским биопунктом Уральской зональной станции Союзпушнины. Однако душа его, как зоолога, разрывалась между тайгой и степями Предкавказья. Вско-

▼ Переезд из Шухтунгорта в Хангокурт. 1-7 октября 1939 г. Фото О. Скалон

▼ Пос. Хангокurt. 6 июня 1940 г. Фото О. Скалон

ре он возвращается в Ростов, где встречается с однофамилицей (или дальней родственницей) Анной Феофиловной Раевской, которая впоследствии стала его женой. Она была микробиологом, закончив аспирантуру, получила назначение в Барнаул, куда супруги выехали летом 1934 г. Зоологу Раевскому места там не нашлось, и он стал трудиться в редакции издательства «Красный Алтай». При этом Вадиму Вадимовичу приходилось работать и в типографии, а это обострило туберкулез, первоначально возникший еще в годы революционно-военных лихолетий и голодовок.

В начале 1935 г. он обратился к В.В. Васильеву с письмом о возвращении на Малую Сосьву для работы в заповеднике, и директор ответил согласием. В 1938 году Раевский вернулся в Кондо-Сосьвинский заповедник, договорившись о том, что жена его будет работать врачом на новой центральной усадьбе заповедника, которая строилась в селении Хангокurt.

Между тем в Сибири нарастала волна репрессий, подошла пора «ежовщины», и А.Ф. Раевская вместе с большой группой микробиологов была арестована. Вадим Вадимович, нежно лю-

бивший свою жену, решил дожидаться в сосьвинской тайге ее возвращения, наивно поверив официальному приговору: «десять лет без права переписки» (фактически это означало расстрел)¹.

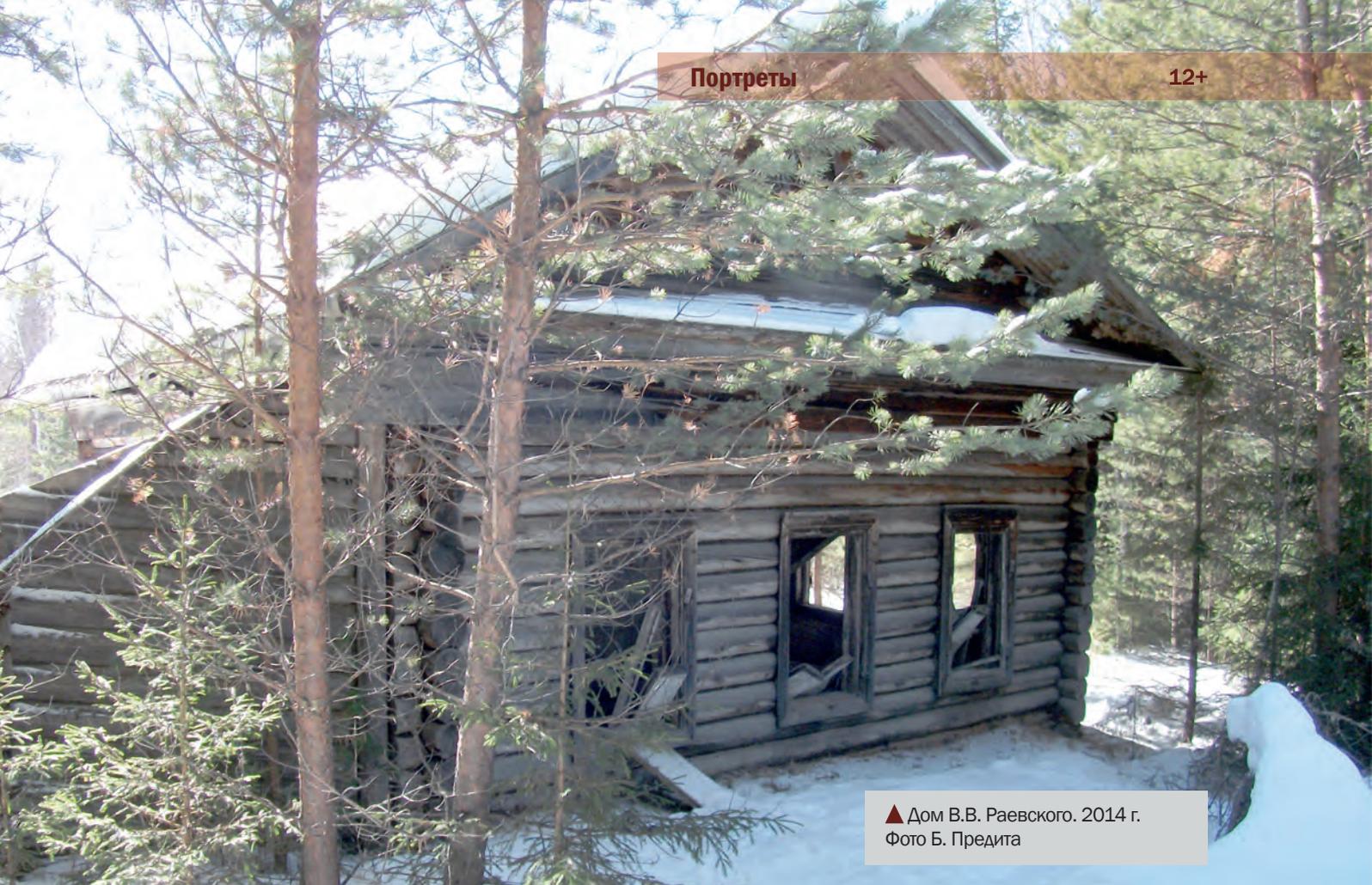
Он жил в поселке Хангокurt в одном из служебных домов под № 14. Из воспоминаний сестры Раевского — Ольги Вадимовны Раевской: «За десять лет жизни в заповеднике меньше всего времени провел на центральной усадьбе. Всегда в лесу, с тяжелейшим рюкзаком летом или нартой зимой, на которой кроме всего прочего путешествовала даже железная печка, он прошел по тайге тысячи километров»².

В.В. Раевский был зоологом широкого профиля. Изучал экологию соболя, речного бобра, вел орнитологические и фенологические наблюдения, хорошо знал фауну птиц. Он автор монографии «Жизнь кондососьвинского соболя» (1947), которая до сих пор считается одним из образцов экологических исследований. Последний свой труд, который Вадим Вадимович дорабатывал уже будучи тяжело больным, был издан лишь в 1982 г. — «Позвоночные животные Северного Зауралья» (под ред. Ф.Р. Штильмарка). Список научных публикаций В.В. Раевского включает 20 названий. Большинство работ имеет практическое значение и для современных исследователей³.

В 1944 году здоровье Вадима Вадимовича ухудшилось и о кочевой жизни

▼ Дом В.В. Раевского. 6 июня 1940 г. Фото О. Скалон

▲ Дом В.В. Раевского. 2014 г.
Фото Б. Предита

ему пришлось забыть. В 1945-м Раевский поехал в Москву отвозить рукопись завершённой монографии. Он вернулся в Хангокурт и, будучи тяжело больным, все-таки завершил обработку всех фаунистических исследований в заповеднике¹. Почти до последних дней своей жизни он продолжал трудиться. Создавал карту заповедника, участвовал в составлении Летописи природы, делился опытом с теми, кому это было нужно.

Ф.Р. Штильмарк писал: «Смертельно больной, почти умирающий, Вадим Вадимович взялся подвести итоги наблюдений — как собственные, так и других зоологов — обо всех позвоночных животных, населяющих Кондо-Сосьвинский заповедник. Это было подлинным гражданским подвигом, тем более что администрация, не желая считаться с уволённым «по инвалидности» сотрудником, распорядилась убрать из его дома даже казенную мебель!»².

Ухаживать за больным братом приехала из Москвы его сестра Ольга Раевская, поселившись с ним в одном доме: «Умирал он долго, постепенно теряя силы, в полном сознании, что дни его сочтены, понимая, как одновременно с покидавшими его силами тают надежды и планы. А планы у него были большие. Это были планы, посвящен-

ные любимому делу охраны природы. Как ни трагична была его судьба, но он прожил жизнь, работая на любимом поприще, полностью поглощенный своим делом. Он всегда говорил, что жалеет людей, занимающихся всю жизнь нелюбимым делом. Если бы я был богатым человеком, — говорил он, — я бы все свои деньги вложил в то дело, которым занят всю жизнь»².

В.В. Раевского не стало 24 июля 1947 года. Он был похоронен на Хангокуртском кладбище, на мраморной доске выгравирована надпись: «Раевский Вадим Вадимович. 1909-1947. Зоолог Кондо-Сосьвинского заповедника. Он жил здесь, работал и умер, отдав все свои силы сохранению природы этого края».

В 1951 году Кондо-Сосьвинский заповедник ликвидировали. Постепенно бывшая центральная усадьба заповедника в Хангокурте обезлюдела. Какое-то время там работала метеостанция, жили ее сотрудники и некоторые бывшие работники заповедника. Но из-за большой удаленности и труднодоступности поселка Хангокурт почти полностью был покинут людьми. Административные здания, жилые дома без людей стали разрушаться, в том числе и дом, где жил до последних дней В.В. Раевский. Через 25 лет после ликвидации Кондо-Сосьвинского запо-

ведника и организации заповедника «Малая Сосьва» бывший поселок Хангокурт стал одним из кордонов нового заповедника. К этому времени от бывшей центральной усадьбы частично сохранились некоторые дома. В числе этих построек уцелел и дом, где, по словам старожилов, в последние годы жил и работал Вадим Вадимович Раевский.

Он был построен в 1939-1940 годах. Одноэтажный, рассчитанный на двух хозяев. Вадим Вадимович занимал лишь одну половину. С течением времени дом разрушался: протекала крыша, гнили нижние венцы сруба. Администрация заповедника «Малая Сосьва» подняла вопрос о сохранении этого дома, его реставрации. Необходимо провести комплекс ремонтно-реставрационных работ, чтобы использовать дом Раевского как исторический объект в культурном пространстве региона. **УС**

Список источников и литературы:

1. Биография В.В. Раевского <http://ecoethics.ru/old/b42/102.html>
2. Раевская О.В. Рукопись «Слово о брате». — Архив заповедника «Малая Сосьва».
3. Беспалова Т.Л., Васин А.М. и др. Мой адрес — Советский район. — «У-Фактория», 2003.
4. Штильмарк Ф.Р. На службе природе и науке. — М.: ЛОГАТА, 2008.
5. Штильмарк Ф.Р. Смертию смерть поправ... // Издательство охотничьей литературы: URL:http://охотничьипросторы.рф/index.php?option=com_content&task=view&id=1362

Деньги Березовского, или... «Билеты банка BROZEX»

В процессе исследования фактов обращения в отдельных предприятиях и организациях Среднего Урала так называемых хозрасчетных денег в поле зрения попала подборка разноцветных купюр с громким наименованием «Билеты банка BROZEX».

Внешний вид этих «банкнот» впечатлял. На них размещались: изображение герба Российской Федерации, наименование и виды города Березовского Свердловской области, логотип эмитента, цифры номинала, а также устрашающая надпись: «Подделка билетов банка BROZEX преследуется по закону».

В цветовом оформлении билетов использовалась традиционная для отечественных банкнот прошлого века гамма: 1 BROZEX — оливковый, 5 — синий, 10 — коричнево-красный, 50 — зеленый. Размер купюр всех номиналов составлял 120x60 мм.

Александр Макурин

Коллекционер, краевед. Автор более 50 публикаций по результатам исследований в бонистике, фалеристике и других отраслях коллекционирования.

Эти билеты были выпущены в 2006 году для использования на ряде предприятий города Березовского, входящих в группу компаний BROZEX (завод сухих строительных смесей, лакокрасочный завод, завод строительных материалов и др.). К слову сказать, никакой банк BROZEX в группу компаний не входит. Основателем и владельцем этой группы является известный предприниматель Вячеслав Брозовский. С марта 2004-го по ноябрь 2010 года он был главой Березовского городского округа.

В социальный пакет от работодателя включается бесплатное

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

питание для работников в заводских столовых. Фактически целью выпуска «билетов банка BROZEX» было остроумное решение задачи по организации учета числа обедающих. Но билетами не расплачивались с работниками за труд, а выдавали их дополнительно к заработку по желанию каждого рабочего или менеджера. Таким образом, отнесение «билетов банка BROZEX» к денежным суррогатам достаточно спорно. Правильнее было бы определить их как обычные талоны на питание, внешне оформленные в виде денежных купюр.

Стоимость одного обеда оценивалась примерно в 100 BROZEX, т.е. в месяц работник, если он хотел питаться в столовой предприятия, получал около 2500-3000 BROZEX. Как говорится, неплохая прибавка к зарплате...

В связи с постепенным ростом заработной платы персонала, сопровождающимся соответствующим ростом цен, в т.ч. в столовых предприятия, был выпущен билет номиналом 100 BROZEX. На нем изображен фасад здания, где размещается торговый центр и администрация группы компаний.

Позднее оформление билетов банка BROZEX было изменено. Добавилось название группы компаний, появился рекламный слоган «Наше будущее – в Вашем развитии», а предупреждающая надпись сокращена: «подделка билетов банка BROZEX преследуется» (кем и как, – должен догадаться потенциальный злоумышленник). Изображение герба Российской Федерации сохранилось, но вот видовые картинки и наименование Березовского исчезли, за исключением билета номиналом 5 BROZEX. На нем единственным напечатан адрес группы компаний: «Свердловская обл., г. Березовский, пос. Первомайский, 1». Наименование номинала стало и цифровое, и буквенное, причем последнее – на русском и английском языках. Несколько поменялась цветовая гамма.

Билеты этого дизайна были выпущены номиналами 1, 5, 10 и 50 BROZEX, причем билеты номиналом 10 BROZEX известны двух типов. Можно только догадываться о причине изготовления (кроме стандартного дизайна) билета с соседствующими изображениями государственного герба России и мультяшного диснеевского замка. Вид такой необычной купюры,

может быть, побуждал работников предприятия к ее демонстрации своим знакомым и коллегам. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что в хорошем состоянии автору они не попадались... Разработка дизайна и изготовление билетов осуществлялись екатеринбургской типографией «Русское поле». Билеты первого и второго выпусков находились в обороте одновременно.

В апреле 2012 года в связи с переходом предприятия на применение пластиковых карт, более долговечных и более эффективных с точки зрения бухгалтерского учета за использованием бонусов, входящих в социальный пакет, хождение «билетов банка BROZEX» было прекращено. Но отечественные бонисты с удовольствием помещают их в свои коллекции. **VC**

Пушкинский Екатеринбург

Исторический сквер в Екатеринбурге — это старт неисчерпаемой темы «Уральская Пушкиниана». Александр Сергеевич не был в Екатеринбурге, но его творчество связано с реальными историческими личностями, которые формировали великого поэта, историка, философа. И Пушкин влиял на мировоззрение известных деятелей, знавших его творения, что повлияло на развитие культуры Екатеринбурга, становление уральской столицы как культурного центра России

◀ Памятник А.С. Пушкину.
Скульптор Г. Геворкян, архитектор М. Матвеев

Плотинка. Исторический сквер. Памятник основателям Екатеринбурга В. Н. Татищеву и В. Г. де Геннину. Пушкин в «Истории Петра» приводит все Указы царя с 1695 года. Из них видно особое внимание Петра к Сибири, несмотря на постоянные военные походы. Вот читаем: «Генерал-майор Дегеннин донес, что на реке Исети медные и стальные заводы строятся, также и Екатеринбург. Там же». 1723 год: «16 июля Петр опять на море пишет к Дегеннину о Екатеринбургской крепости».

В статье «О Татищеве» Пушкин приводит подробную биографию Василия Никитича. « В 1734 назначен в Сибирь на место деГеннина, для смотрения над казенными и партикулярными заводами. ...Тогда был составлен «Татищева устав заводский». Татищев был ма-

тематик, философ, географ, «а особенно в истории весьма сведущ... составил «Историю российского государства». На месте Исторического сквера стояли железодельный завод, Гранильная фабрика, Монетный двор. Производства эти посещали и царственные особы дома Романовых, бывавшие с визитом в Екатеринбурге. В 1824 году на Урал приехал Александр I. Временной резиденцией императора стал дом купцов Расторгуевых-Харитоновых. В память о визите остался Царский мост и Александровский проспект (улица Белинского).

Александр I принял непосредственное участие в жизни Пушкина. Лицейст Пушкин был представлен императору 19 октября 1811 года, в день открытия Лицея; 6 июня 1817 года Указом Александра I Пушкин определен в Колле-

▼ Екатеринбург. Плотина, городской пруд

Наталья Шарнина

Председатель екатеринбургского Пушкинского клуба. По основной специальности инженер-электрик, инженер-метролог. Защитила диплом по теме «Россия. Пушкин. Италия» в Екатеринбургском государственном театральном институте, по специальности «литературный работник». Автор стихотворных книжек для детей.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ Члены Пушкинского клуба в мастерской Г.А. Геворкяна. 2008 г.

гию иностранных дел. В 1820 году поэт отправлен в южную ссылку. Александру I Пушкин обязан и ссылкой в Михайловское. Царю он посвятит немало гневных строк в обиду за «неправое гоненье», но, следуя исторической правде, поэт ровно за месяц до смерти Государя напишет: «Он взял Париж, он основал Лицей».

▼ Памятник императору Александру II

С 26 по 29 мая 1837 года в Екатеринбурге гостил 19-летний цесаревич вел. кн. Александр Николаевич, будущий Александр II «освободитель» — в сопровождении его воспитателя, поэта Василия Андреевича Жуковского, друга и «ангела-хранителя» Пушкина. Они посетили плотину на Исети и производственные помещения. Жил вел. кн. в доме главного начальника горных заводов, Жуковский и другие сопровождавшие — в доме Харитоновна. Наследник

с детства знал и любил стихи Пушкина. 18 июня 1832 года поэт провожал Жуковского с цесаревичем из Кронштадта в круиз на пароходе «Николай I». Умиравший Пушкин просит Жуковского передать Николаю I, что «я желаю ему счастья в сыне». Александр II учредил Комитет по сооружению памятника Пушкину в Москве, который был открыт в 1880 году на Страстном бульваре. Памятник Александру II на Кафедральной площади Екатеринбургa был снесен в дни революции.

14 июня 1887 года в Екатеринбурге на месте Исторического сквера была открыта Сибиро-Уральская научно-промышленная выставка, которую открыл Почетный президент выставки, вел. кн. Михаил Николаевич Романов, председатель Государственного совета, наместник на Кавказе, Главнокомандующий Кавказской армией. Патрон УОЛЕ, он поддерживал общество материально. Сын его, вел. кн. Михаил, был женат на внучке Пушкина Софии фон Меренберг, графине де Торби.

Улица Пушкина. Бывшая Соборная к 100-летию со дня рождения поэта была переименована в Пушкинскую. На ул. Пушкина, 12 (так она стала называться с 1998 года) находятся екатеринбургские отделения Союза писателей России, Союза российских писателей, Ассоциации писателей Урала. К 200-летию Пушкина был издан сборник «Духов-

▲ Герман Щекутов

ной жаждою томим...», куда вошли 237 произведений писателей Урала (редактор-составитель А. Б. Кердан). С городским Пушкинским клубом сотрудничают писатели В. Осипов, Ю. Казарин, В. Блинов, Н. Журавлева, А. Ивунин, Л. Быков.

В здании уставного суда на ул. Пушкина, 19 была почтовая станция, где в 1856–67 годах останавливались декабристы, возвращавшиеся в Центральную Россию после освобождения из сибирской ссылки.

Завершает улицу Пушкина прекрасный памятник национальному гению скульптора Г. А. Геворкяна, лауреата премии имени Татищева и де Геннина — за создание памятника к 200-летию Пушкина. Здесь любят собираться студенты, пишущая братия. Ежегодно 6 июня проводится городской праздник поэзии, на котором звучат пушкинские стихи. Бессменная ведущая праздника — народная артистка РФ, лауреат премии Губернатора области Т. Н. Воронина. Проводят Пушкин-

ский день сотрудники Музея «Литературная жизнь Урала XIX века», что на ул. Толмачева, 41 (директор Л. А. Чеснова).

В литературном музее (ул. Пролетарская, 10) к 200-летию Пушкина была открыта выставка известного пушкиниста-коллекционера Германа Ивановича Щекутова. Выставка работала три года. Ее посетили тысячи горожан. Большая заслуга в успехе выставки бывшего директора музея А. И. Рязановой. Коллекция содержит более 2,5 тысячи экспонатов. Особую ценность представляют прижизненные издания поэта. Украшением выставки стали бронзовые, фарфоровые, гипсовые скульптуры малых форм.

После смерти Германа Щекутова его коллекцию не смогли приобрести ни управление культуры и образования города, ни министерства области, и только по благословению Митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Викентия в 2004 году, по окончании строительства Патриаршего подворья, уникальная пушкинская коллекция нашла доброго хозяина. Духовно-

просветительский центр «Патриаршее подворье» совместно с городским Пушкинским клубом и театром Т. Н. Ворониной проводят выставки, вечера, концерты, посвященные великому поэту России.

Храм-на-Крови. Построен в 2003 году на месте дома инженера Ипатъева, в котором в ночь с 16 на 17 июля 1918 года было совершено чудовищное преступление — расстрел семьи последнего российского императора Николая II. С 1998 года место упокоения святых царственных мучеников — в Петропавловском соборе Петербурга. На царствование Николая II выпал 100-летний юбилей А. С. Пушкина, который был широко отпразднован по всей стране. Император подписал Высочайший Указ об учреждении «особого фонда имени Пушкина». Из дневника Николая II: «Сегодня столетие со дня рождения Пушкина, и поэтому повсюду устроены торжества в его честь». 5000 бронзовых медалей с пушкинским профилем было отчеканено к юбилею. Николай II сам решил судьбу Царскосельского памятника работы Р. П. Баха.

На месте будущего памятника положили медную плиту со словами: «В лето 1899 мая 26 дня, в благополучное царствование Государя Императора Николая II...» Памятник был открыт в октябре 1900 года. Многотысячными тиражами по копеечной цене были изданы «Стихотворения» А. С. Пушкина, которые дошли до окраин страны.

В коллекции Щекутова есть фотография 1890 года — сцена из любительского спектакля «Евгений Онегин»; в роли Онегина — цесаревич Николай Александрович, в роли Татьяны — вел. кн. Елизавета Федоровна. 14 декабря 1907 года Николай II утвердил соглашение Академии наук с парижским коллекционером А. Ф. Онегиным о передаче его музея и всего архива в фонд будущего музея Пушкина в Петербург.

От Храма-на-Крови виден прекрасный дворец — усадьба Растрелли-Харитоновна. Вечером 25 сентября 1824 года с балкона этого дома Александр I приветствовал горожан, собравшихся на Вознесенской горке. А в 1837 году с 26 по 29 мая в усадьбе жил наставник цесаревича В. А. Жуковский. Василий Андреевич был для начинающего поэта учителем, ввел Пушкина в литературу, выручал в тяжелых обстоятельствах его короткой жизни, принял последний вздох великого поэта, подготовил к изданию посмертное собрание его сочинений.

На углу ул. К. Либкнехта — Первомайской находится Учебный театр (здание бывшего Общественного собрания, ПЮЗа, Театрального училища). В ПЮЗе работал Владимир Филиппович Балашов (1927-?), актер, поэт, драматург-пушкинист. Автор сорока пьес, в т. ч. «До Лицея», «По-

сле Лицея», «Поэтом я возвращен...». В постановках он сам исполнял роль молодого Пушкина. Режиссером театра в то время был В. Я. Мотыль. На Уралмаше, где учился В. Балашов, в библиотеке им. Горького проходят ежегодные Балашовские чтения.

Напротив театра — Училище им. П. И. Чайковского. Два гения — музыки и поэзии — соединились навечно. Горожане любят посещать концерты в зале Маклецкого. Директор Сибирского банка И. З. Маклецкий построил здание для Музыкального общества, принимал участие в строительстве Оперного театра. Позже зал Маклецкого выкупил и подарил городу Дмитрий Павлович Соломирский, владелец Сысертских заводов, коллекционер, фотограф, орнитолог, музыкант, почетный попечитель УОЛЕ. Он создал отделение Русского музыкального общества и состоял его председателем. А. С. Пушкин был дружен с братьями Соломирскими — Павлом, отцом Дмитрия Павловича, и Владимиром, несостоявшимся дуэлянтом в ссоре с поэтом.

Музей истории Екатеринбурга. Ул. К. Либкнехта, 26. В прошлом — дом генерала А. Г. Качки (библиотека С. А. Тихоцкой, Музей Я. М. Свердловца). В фондах музея хранится коллекция акварельных работ архитектора Г. П. Валенкова, выполненных по мотивам романа Пушкина «Евгений Онегин». Они выставляются в дни памятных дат Пушкина, вызывая восхищение горожан.

Театр оперы и балета (пр. Ленина, 46 а). Открытие театра состоялось 6 октября 1912 года. В первом сезоне поставлены оперы на сюжеты произведений Пушкина: «Ев-

▲ Памятник Пушкину в Москве. Копия из коллекции Щекутова

гений Онегин», «Пиковая дама», «Русалка», «Дубровский», «Мазепа», «Борис Годунов». Без «Евгения Онегина» не обходился ни один сезон. В репертуаре театра: «Руслан и Людмила», «Золотой петушок», «Сказка о царе Салтане», «Моцарт и Сальери», «Пушкин в изгнании» (комп. Б. С. Шехтер), «Ай да Балда» (Б. П. Кравченко), «Пророк» (В. А. Кобекин).

Пр. Ленина, 51. Основу коллекции Отдела редких книг научной библиотеки УрГУ составляет библиотека Царскосельского лицея — около 25 тысяч экземпляров. Уникальное книжное собрание появилось в Екатеринбурге в 1920 году. Библиотека позже была разрознена, книги попали в книгохранилища других вузов города. В фонде библиотеки УрГУ — прижизненные издания Пушкина, Державина, Гоголя, Татищева, Карамзина, Ключевско-

◀ Библиотека им. Горького. Балашовские чтения. В первом ряду вторая справа В. Р. Балашова

го, Костомарова... Музейным экспонатом может служить тоненькая книжка «Речи, произнесенные при открытии Императорского Царско-Сельского Лицея, в присутствии Его Императорского Величества и августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811 года». В лицейской библиотеке УрГУ более сотни книг, названия которых мы найдем и в личной библиотеке А. С. Пушкина. Среди них книги Вольтера, прижизненные публикации Пушкина в альманахе «Северные цветы», «Стихотворения» 1832 года, «История Пугачевского бунта»...

Свердловская Областная библиотека для детей и юношества (ул. К. Либкнехта, 8). Первый владелец усадьбы — П. М. Борчанинов. В 1899 году в связи с юбилеем Пушкина Екатеринбургское народное училище, пребывавшее в этом здании, переименовано в Екатеринбургское мужское начальное училище им. Пушкина (Пушкинское училище). 23 октября 1916 года, после перестройки здания, состоялось открытие и освящение Екатеринбургской публичной библиотеки им. Белинского. С января 2009 года здесь проводит свои ежемесячные заседания Пушкинский клуб Екатеринбурга, который был создан в 1987 году, в год 150-летия со дня гибели Пушкина — по инициативе зам. председателя областного правления Общества любителей книги Н. А. Репенко. Клуб воз-

► Акварели Георгия Валенкова

главляли И. А. Мац, В. А. Салитан. С октября 2007 года руководит клубом Н. В. Шарнина. За 28 лет работы проведено 285 заседаний, собравших более 9000 поклонников творчества великого поэта. Тематика докладов, сообщений обширна. Творческие встречи, выставки, литературные конкурсы, общение с пушкинскими клубами школ области, музеями, библиотеками — все это стало содержанием работы клуба. Он объединяет пушкинистов разных профессий и возрастов — от рабочего до кандидата наук. Членами клуба состоят потомки друзей Пушкина: А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, Н. Всеволожского и других. Высокая посещаемость Пушкинских выставок говорит о большом интересе горожан к жизни и творчеству мирового гения.

Давно назрело создание в Екатеринбурге литературно-

краеведческого музея А. С. Пушкина. Еще бывший городской голова И. И. Симанов выдвигал идею организовать Пушкинский народный дом. К 200-летию юбилею поэта общественность города добилась открытия Пушкинского дома на улице Чапаева, 5. Мэр города А. М. Чернецкий перерезал красную ленту. Дом стал культурно-просветительским центром, но после ремонта здания Управление культуры лишило пушкинистов своего дома.

Пушкинский клуб совместно с Областной библиотекой для детей и юношества разработал виртуальный маршрут «Пушкинский Екатеринбург». Он представлен на сайте библиотеки — <http://www.teenbook.ru>. **УС**

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Иллюстрации из собрания автора

При поддержке Уральской Ассоциации Туризма
и дирекции Природного парка «Река Чусовая»
Координатор проекта Юний Горбунов

▲ С. М. Прокудин-Горский. Пристань «Илимка». Место постройки двадцатисаженных «коломенок». Илимский перебор. Река Чусовая. 1912 год

Село Илим (бывшее)

Села Илим нет на современных географических картах. Вас встретят голые холмистые берега Чусовой, остатки казенной пристани в устье горной речки Илимки, впадающей здесь в Чусовую, далеко отбежавший от этой пустоши настороженный лес... Но что это? Стоит часовенка близ чусовской воды, памятный знак высится, обелиск защитникам Отечества. То и дело видишь людей, идущих к погосту на Ивановой горе, рыбаков, туристов. У обелиска — свежие цветы... Села нет, и село существует! В первую субботу июля собирает здесь со всей округи своих старожилов, их детей и внуков. Таково свойство активной деятельной памяти, идущей от поколения к поколению, — воскрешать умершее. Этой памятью Бог наградил илимских жителей.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Павел Волегов

Уроженец села Илим. Окончил Свердловский педагогический институт. Учитель географии Шалинской средней школы № 90. Организатор мероприятий, связанных с сохранением исторической памяти о селе Илим.

▼ Илим. Июль 2014 года

◀ Дом управляющего в Илим

числе, знатоков истории Пермского края. Не стояло здесь ни церкви, ни часовни, а память, не в пример илимской, оказалась пассивной — ничто не метит нынче места пребывания Волеговой. Разве камень Гребни, что на левом берегу. У его подножья тоже ютились дома.

Точное время своего рождения село Илим не помнит. Один из его старожилов, П. М. Попов 1902 года рождения, вспоминал: «Триста лет уж слишком, пожалуй, нашей деревне. Наши прадеды первые сюда приехали из Подмосквья, из Поволжья; переселенцы были. Бежали из тюрем. Сначала ссыльные были. Политиканами

▶ Сохранившаяся кладка пристани. Фото Евгения Тамплона

На подступах к селу на правом берегу Чусовой издревле обитало еще одно селище — деревня Волегова, с именем, как утверждают топонимисты, языческого то ли древнерусского (Вольга), то ли коми-зырянского (валеги, валенки), то ли хантыйского (воль-ёг, речной

▼ Праздник Святой Троицы в доме илимцев Мальцевых

плес) происхождения. От речки ли Волеговки, от деревни ли пошла наша распространенная фамилия — Волеговы и дала миру многих замечательных людей, в том

▶ Часовня, поставленная в наши дни на месте Троицкого храма. За ней трепетно ухаживают бывшие жители села

◀ По Чусовой идет ноздреватый лед. Через реку перекинут легкий подвесной мост. Он ведет прямо к дому лесничества

езде было насыщено. Больше все по большим речкам бежали. Сюда крепостные были закинута. Ведь для демидовских заводов много надо было».

В 1720-х годах с развитием горной промышленности появилась потребность в речном транспорте для отправки заводской продукции. На Чусовой стали стро-

▼ Работники илимского лесничества во главе с В.И. Чигвинцевым (крайний справа в верхнем ряду)

▲ Нынешний мост через Чусовую. Фото Евгения Тамплона

▲ Пасека илимцев Мальцевых. На снимке: Илья Евсеевич и сестры Т. Выгузова и Т. Мальцева

ить верфи. Одна из них появилась в Илеме. Речку Илим (название происходит из слагаемых мансийского и тюркского языков) запрудили, на плотине поставили пильную мельницу, а в устье речки — П-образную пристань. Материал для стен дал камень Илимский, что высился рядом. На обширном плотбище Илимской верфи ежегодно строилось и скапливалось по сто и более барок и коломенок. Порожняком их плавили на пристань Верхней Ослянки и там загружали металлом Гороблагодатских заводов. Пристанская кладка из каменных плит сохранилась до наших дней.

Селение судостроителей и сплавщиков разрасталось. В 1775 году здесь построили небольшую Пророкоильинскую церковь. Когда она обветшала,

в 1883-м поставили новую — во имя Святой Живоначальной Троицы. На Ивановой горе близ кладбища стояла часовня. Илим стал волостным центром, к которому были отнесены окрестные деревни: Романова, Волегова, Сулём и Кашка. В нескольких сотнях домов, тянувшихся вдоль чусовских берегов, обитало три тысячи жителей. Но в 1888-м село Илимское настиг жесточайший пожар, слизнувший практически все постройки и жилье. Говорят, из сотен домов уцелело только три.

Но село восстало из пепла. Вновь поднялась и церковь Святой Живоначальной Троицы. (Она красуется на фотографии С. М. Прокудина-Горского). Возобновлен дом управляющего, все хозяйственные постройки. Воспрянуло село. В 1897-м Илим насчитывал 160 дворов и в них обитало больше тысячи жителей. Помимо судостроения и сплава, сельские выжигали древесный уголь и возили его лошадьми по узкоколейке на железнодорожную станцию Илим.

Когда пошли по Уралу железные дороги и, в частности, была проложена ветка Бакал — Чусовская, наши деды и отцы сменили главную свою профессию — занялись заготовкой и сплавом леса, а также сельским хозяйством. Заготовленный лес собирали на плотбище и вязали в плоты. И сейчас здесь по обоим берегам Чусовой видны поволоки, по которым подтаскивали лес к воде. Когда приходила большая вода и поднимались затворы плотин, огромные плоты, ведомые мужчинами, а бывало

и женщинами, сплавлялись до самой Камы. В пути «флотилию» подстерегали те же опасности, что

▲ Памятный снимок на камне Илимском

► На побывку прибыл молодой солдат Николай Попов

◀ Илимцы — участники Великой Отечественной

торая давала энергию и свет всем окрестным селениям.

Но в 1932-м закрыли и снесли на селе храм. А 7 июля 1939 года снова нагрянул пожар. Говорят, пришел от железной дороги, проходившей по речке Засухе. Стояла жара. Илимцы были на покосе. Старики и дети спасались в реке Чусовой.

Из 370 домов выстояли два десятка. И еще не сдавались илимцы. Жителям давали ссуды на строительство и покупку домов. Кто-то строился на месте, другие покупали дома в Мартьяновой, Шайтанке и плавил их до Илима. А немалая часть жителей разъехалась по другим местам. Илим скукожился. Многие учреждения, в том числе школа, переехали в Сулём.

Последний удар был нанесен Илимку строителями линии электропередач, которая дошла только до Сулёма, а всего-то и оставалось до Илима с десятков километров. В конце 60-х — начале 70-х годов председателем Илимского сельсовета был В. И. Гилев, бывший фронтовик, орденоносец. Он много сделал для своего села.

Илим держался до 1975 года. Последней дочь увезла в Нижний Тагил Антонину Алексеевну Тараньжину.

Эстафету поднял Сулём. **УС**

барки и коломенки. Камни-бойцы остались верны себе, и работа плотогонов отнюдь не была прогулкой.

Вот что сообщает нам об Илеме 1926 года «Список населенных пунктов Уральской области», составленный при ближайшем участии Б. В. Дидковского и А. Ф. Теплоухова (Свердловск, 1928). Илимский сельсовет держал под своим крылом, кроме села Илим с 211 хозяйствами и 1122 жителями, деревню Романову — 47 хозяйств и 234 жителя; деревню Сулём — 123 хозяйства и 718 жителей, и небольшой хуторок Айву на одноименной речке в 23 километрах от села.

Илимская больница, школа-семилетка, почта обслуживали все окрестные села. Работал клуб, магазины. Был колхоз и центральная усадьба леспромхоза. Общими силами стремительную реку Илим перегородили плотиной и соорудили гидроэлектростанцию, ко-

Природный парк «Река Чусовая»

Лучшее место для активного отдыха всей семьей.
Оборудование для сплавов.
Маршруты выходного дня.

Администрация парка: г. Нижний Тагил, ул. К. Маркса, 99.

Электронная почта: park-nt@yandex.ru

Телефон: (3435) 41-67-96, 42-32-72

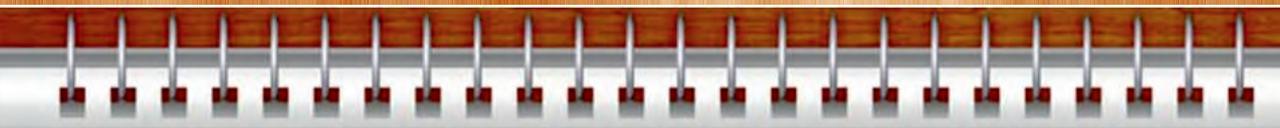
www.chusovaya.org

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70 - отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- **КНИГИ**
- **УЧЕБНИКИ**
- **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
- **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
- **ОТКРЫТКИ**
- **КАНЦТОВАРЫ**
- **ИГРУШКИ**
- **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г.Екатеринбург

Баумана, 35 300-17-44
Блюхера, 12 374-53-81
В. де Геннина, 37 205-98-29
Волгоградская, 190 234-47-73
Гагарина, 1 374-76-37
Грибоедова, 12 258-43-45
8 марта, 167 300-65-50

г.Березовский

Гагарина, 17 (343) 385-66-52

г.Ишим

Советская, 19 (34551) 2-16-09
М.Горького, 28/9 (34551) 5-09-05

г.Сургут

Университетская, 29 (3462) 95-14-46

г.Асбест

Ленина, 21 (34365) 2-95-73

Космонавтов, 72 216-38-21
Кр.Командиров, 23 367-71-23
Крауля, 44 278-40-46
Пехотинцев, 6 323-81-81
Победы, 38 330-16-82
Родонитовая, 9 381-35-43

г.В.Пышма

Кривоусова, 55 (34368) 7-91-56

г.Каменск-Уральский

Комсомольский бульвар, 39 (3439) 54-05-10
Победы, 4 (3439) 37-05-67

г.Серов

Ленина, 148 (34385) 7-50-70

г.Новоуральск

Комсомольская, 18 (34370) 7-100-7

Сверхновая планета

Автора представляет **Борис Долинго**

1. Посадка

Космос заканчивался: масс-детекторы просигнализировали о появлении его множественных гравитирующих границ. Замшелый стеклопластиковый звездолёт «Террор инкогнито» спешно отключил раздвижитель пространства и, воя реактивными тормозами, со всего хода врезался в трёхмерный континуум.

От удара о космос безмятежно спавший капитан звездолёта свалился с нагретой лежанки на ходовом ядерном реакторе, нехотя поднялся на ноги и механически засунул их в стоптанные магнитные ботинки на воздушной подушке. Почесав себе бок через дырку в космическом комбинезоне из сыромятного нейлона, капитан достал из пачки «Токсичных» сигарету, набитую безалкогольным табаком, сонно подковылял к ближайшему иллюминатору и с трудом разлепил глаза.

Впереди по курсу на фоне созвездия Молокопровода, освещённая лучами незнакомой пятнистой звезды, постепенно вырастала в размерах какая-то ещё плохо различимая планета. Капитан прикурил от зажигалки в форме спички и отыскал глазами главный корабельный альтиметр. Тот показывал высоту 102 парсека над Землёй.

— А планетка-то небось неоткрытая, — вперив мутный спросонья взгляд в эту росшую прямо на глазах планету, подумал вслух капитан. — Открыть уж, что ли?

Капитан принял как можно более солидный вид и глупокомысленно затянулся сигаретой. От глубокой затяжки лёгкие капитана сразу же принялись ожесточённо кашлять, а все имевшиеся в голове мысли моментально заволоклись токсичным дымом.

— Ладно уж, кхе-кхе, так и быть: буду открывать, — решительно просипел капитан и, чтобы не задымлять помещение, открыл иллюминатор. Из иллюминатора потянуло свежим вакуумом.

Попеременно то сдавленно кашляя, то бормоча ругательства в адрес табачной промышленности, капитан отступил на несколько шагов, прицелился, размахнулся и мстительно выбросил недокуренную сигарету через открытый иллюминатор прямо в космос. Потом снова перевёл глаза на стремительно приближавшуюся неизвест-

ную планету и только тут наконец заметил, что она плоская и лежит на трёх китах. От леденящего ужаса, который, по идее, эта картина должна была навести на капитана, но которого капитан даже не почувствовал, летевший в иллюминатор окурок сигареты застыл в воздухе, а сам воздух похолодел.

Капитан бесшумно оглянулся на ряды имевшихся в наличии навигационных приборов. Табло псевдоскопа почти не переключилось, но вот стрелки многочисленных квазиметров и кривостатов завились в спирали и завязались сложными космическими узлами.

Несколько ювелирно выверенных пинков по блоку раскапризничавшейся приборной мнимотехники сразу же привели её в надлежащий порядок. И воодушевлённый своим ремонтным искусством капитан громовым, хотя и слегка осипшим на космическом холоде голосом отдал корабельной автоматике две самые, на его взгляд, важные посадочные команды. А именно: задраить форштевень и свистать всех на кильватер. К счастью, автоматика привычно не обратила на команды капитана совершенно никакого внимания и вполне самостоятельно пришвартовала звездолёт к планете на поросшее травой поле.

Капитан подозрительно высунул голову в иллюминатор, понюхал воздух планеты и пришёл к выводу, что тот вполне пригоден для дыхания. Остальные анализы, которые капитан произвёл подобным же образом, выявили только аномально высокое содержание фенолфталеина в стремительной речке, шумно журчавшей поблизости от места посадки.

Корабельные роботы из-за пребывания в анабиозе спросонья отказались идти в разведку, и тогда капитан вынужденно приказал себе открывать всё в одиночку. Он настроился быть хладнокровным и объективным исследователем, уселся на гусеничный велосипед и поехал на нём по планете.

2. Встречи с аборигенами

Капитан отделился от звездолёта по берегу фенолфталеиновой речки примерно на километр. И вдруг полетел в траву от того, что с высоты о землю оглушительно ударила многометровая кривая колонна и своим краем вдребезги разбила переднюю гусеницу разведочного велосипеда. Капитан размеренно встал, огляделся и сквозь тучу поднявшейся пыли увидел, что кривая колонна — это коготь какой-то колоссальной чешуйчатой лапы. Кроме того капитан увидел, как огромная, закрывшая чуть ли не полнеба пятерня схватила вдаль недавно оставленный звездолёт и поднесла его к чудовищной пасти. Которая раскусила космический корабль, словно семечку.

Поскольку эта картина зримо напомнила капитану о том, что он ещё не завтракал, то капитан с аппетитом уселся на траву и принялся грызть пищевые таблетки из аварийного пайка.

Капитан был тёртым звездолётчиком: он выдвигал существ куда больших размеров, чем то, которое взялось поедать его звездолёт. В своих космических странствиях капитан встречал животных даже такой величины, что от разности субсветовых скоростей движения разных частей их тел оные части вследствие релятивистских эффектов заметно по-разному старели. Главной загадкой этих огромных разностареющих чудовищ, получивших за свою неприятную привычку обкусывать по краям целые галактики название «Пожиратели Пищи», было то, что они почему-то нисколько не поддавались действию гравитационного коллапса и даже не превращались в обычные звёзды.

Тем временем совсем неподалеку из фенолфталеиновой речки крадучись вылез какой-то совершенно незнакомый капитану гуманоид в акваланге, в лапах и с лесорубным топором в руках. Быстро взобравшись на коготь чудовища, сосредоточенно доедавшего звездолёт, аквалангист воровато огляделся и принялся решительно рубить топором ногу чудовища прямо над огромным когтем.

«Нет, брат, такую махину в одиночку не срубишь, — уверенно прикинул капитан, хрустя таблетками. — Тут меньше чем бригадой с лесоповала никак не обойдёшься».

Между тем аквалангист прорубился до чудовищной вены почти метровой диаметра и одним метким ударом топора проделал в её стенке аккуратный вертикальный разрез. После чего ловко втиснулся внутрь вены и исчез, унесённый током крови — видимо, для того, чтобы устроиться внутри чудовища какую-то диверсию.

«Браконьер, наверное, местный», — неодобрительно подумал капитан про аквалангиста и на всякий случай тщательно оглядел окрестности своих дырявых ботинок.

Минут через пять, почувствовав, судя по всему, боль в ноге, чудовище выплонуло скорлупки от звездолёта и скосило глаза на кровоточившую рану. Увидев сидевшего рядом с нею капитана, чудовище громоподобно заревело и принялось протягивать к нему громадную пятерню.

Капитан, впрочем, ни капли этого не испугался — прежде всего потому, что, по всем его расчётам, данное инопланетное животное просто не могло существовать. Ведь мышцы чудовища были настолько велики и, соответственно, тяжелы, что совершенно очевидно не смогли бы поднять даже собственный вес. Ну, а кроме того,

капитан испытывал несокрушимую уверенность в своей несъедобности.

Эта уверенность полностью оправдалась: когда чудовище уже совсем было дотянулось лапой до капитана, оно вдруг пошатнулось и рухнуло замертво так, что подпрыгнула земля. Из-под века его огромного остекленевшего глаза, энергично работая топором, выбрался всё тот же аквалангист — видимо, всё-таки устроивший этому, несомненно, эндемичному и нуждавшемуся в запоздней охране животному кровоизлияние в мозг. По-браконьерски шлёпая ластами, аквалангист подошёл к капитану и ловко выхватил у него из горсти самую большую и сочную пищевую таблетку.

— Меня ужасно смущают умеренные похвалы, — скромно пожаловался аквалангист и нагло потянулся за второй таблеткой.

Капитан почти не удивился тому, что туземец заговорил на понятном ему, капитану, языке. Ведь если жители данной планеты эволюционировали в гуманоидов — а такое событие само по себе крайне маловероятно и может встречаться исключительно в научно-фантастических произведениях — то и родной язык капитана, конечно же, должен был выглядеть в их устах ничуть не более маловероятным. Данное рассуждение как-то сразу ликвидировало все сомнения капитана: у него имелись собственные счёты с логикой.

«Кстати, — осенила капитана ценная мысль, — а вдруг сходство речи этого гуманоида со звуками моего языка всё-таки лишь кажущееся? Вдруг на самом деле гуманоид умоляет меня, чтобы его как можно быстрее и как можно сильнее отлупили?»

Поскольку за это же предположение говорила ещё и природная скупость капитана в отношении пищевых таблеток, то он на всякий случай как следует стукнул кулаком по незнакомцу и полез в карман за табельным бластером.

Ничуть не обидевшись, абориген в ответ молниеносно огрел капитана по загривку обухом своего топора с такой силой, что стальные нервы капитана расстроено задрезбуждали, а сознание куда-то потерялось...

3. Первое знакомство

Очнулся капитан от ударов по голове, которые старательно наносил ему рукояткой его же бластера всё тот же неутомонный аквалангист.

«Бесполезно бить-то, — ухмыльнулся про себя капитан, — бластер ведь не взведённый. Да ещё и не заряженный. И, вдобавок, давно списанный. Впрочем, откуда же здешнему жителю знать, — посочувствовал капитан наи-

вности туземца, — что у нас, у космических разведчиков, голова — это наименее важная и, соответственно, наименее уязвимая часть туловища?»

Капитан деловито поднялся, отобрал у аборигена свой жвавий бластер и хмуρο вступил в контакт.

— Молекулы моего тела и молекулы пищевых таблеток, — усиленно жестикулируя, заговорил капитан, — совершенно одинаковы. У меня в организме происходит постоянная регенерация тканей, а потому все мои пищевые таблетки со временем станут частью меня. И я, понятное дело, совершенно не намерен лишаться будущих частей своего тела, — холодно объявил капитан. — А вообще-то, к твоему сведению, гуманоид, я прилетел сюда специально затем, чтобы всё здесь открывать и изучать.

— Не машите руками, — сразу обрадовался абориген. — Очень лестно в кой-то веки встретить такое внимание. Если хотите, то можете начать изучение прямо с меня, с моих личных достижений. Вот, — в руках у аборигена откуда-то появилась пачка красочных буклетов, — держите мои рекламные проспекты.

Капитан недоверчиво оглядел вполне заурядную фигуру самоуверенного гуманоида: «Может быть, он карликовый великан?»

Абориген с многообещающим видом выкатил из кустов, росших на берегу ручья, спортивную штангу, напрыгав, крикнул — и с усилием поднял её на выпрямленные вверх руки. Хотя капитана нельзя было причислить к нищим телом — как-никак он когда-то выполнил норматив заслуженного кандидата в мастера спорта международного класса по фигурной борьбе — но, несмотря на все попытки, он не смог даже приподнять аборигенский снаряд.

А абориген между тем навесил на штангу ещё сотню килограммов и с ещё большим, чем прежде, усилием поднял и её. Потом добавил ещё сотню килограммов и с поистине невероятным трудом одолел и этот вес. А затем продолжил его увеличивать и поднимать со всё возрастающим напряжением, для описания которого не хватало бы превосходных степеней. Мускулы у гуманоида вздулись так, что размах его плеч увеличился вдвое, а спина из-за глубоких складок между густо выпиравшими из тела и теснившими друг друга мышцами стала напоминать кору человеческого головного мозга.

Когда гуманоид одолел пять тонн, у капитана возродились давнишние подозрения насчёт того, что чемпионы по тяжёлой атлетике тренируют отнюдь не силу, а всего лишь способность к телекинезу. О чём капитан с готовностью и поведал аборигену.

— Нет-нет, — устало отдуваясь, произнёс гуманоид. — Секрет моей силы совсем в другом. Видите? — туземец показал капитану на свою дымившуюся голову. — Это закипает пот от моих биотоков с напряжением 380 вольт.

— Полезная штука, — постарался польстить капитан аборигену, — пять-шесть разрядов — и ты токарь...

— Да, именно так меня все и зовут, — кивнул гуманоид, — 5–6 Разрядовым.

Капитан, дабы не отстать в вежливости от инопланетянина, решил тоже представиться.

— А меня зовут... э-э... Голод Ранец с планеты Чтозахреников, — для правдоподобия соврал он. — Так-то я межгалактический гвардии адмиралиссимум минус первого ранга, но по совместительству подрабатываю ещё капитаном надувной однобортной многовёсельной подпространственной лодки «Полундра».

— Надо же, — доверчиво изумился 5–6 Разрядов, — вон даже докуда прогресс докатился... А кто у вас, капитан, на вёслах-то сидит?

— Как это кто? — быстро нашёлся капитан. — Осуждённые роботы, конечно, и приговорённые к каторжным работам ЭВМ.

— Слушайте, капитан, — спохватился Разрядов, — мне ведь ещё нужно замести следы охоты на циклопендру... Подождите, я только сбегу домой — это тут совсем неподалеку, в урочище Ясная Поняла — и пригоню мясособорочный комбайн.

— Не буду я никого у вас ждать, — вежливо отрезал капитан. — К тому же, твоё жилище, гуманоид, мне тоже нужно открывать и исследовать.

4. Жилище гуманоида

Оказалось, что дом 5–6 Разрядова, словно скульптура, полностью изваян из единого куска мрамора. По углам комнат в доме кучами лежал мусор, который, как объяснил Разрядов, согласно местному обычаю, было принято не убирать, а лишь опрыскивать дезодорантами и укрывать.

Этот обычай — не выбрасывать, а, напротив, сохранять и копить мусор — сразу же по ассоциации вызвал у капитана воспоминание ещё об одном когда-то открытом им животном. Оно росло вокруг отходов своей жизнедеятельности, и они использовались организмом животного в качестве скелета. Метаболизм сего животного специалисты сочли очередным аргументом в пользу физиологической концепции, согласно которой всякий организм следует рассматривать не как симбиоз органов, а как борьбу взаимоотношений, отбрасывающих друг другу продукты собственной жизнедеятельности.

Вспышка молнии и удар грома снаружи дома сбили капитана с мысли о симбиозе паразитов; капитан очнулся от воспоминаний и в чисто исследовательских целях украл украшавшую одну из куч мусора большую золотую монету, усыпанную бриллиантами.

Небо за окнами как-то очень быстро потемнело, и хлынул настолько сильный ливень, что стало непонятно: то ли это струи воды падают на землю, то ли пузыри воздуха поднимаются в небо.

Заметив, что капитан заинтересовался силой ливня, Разрядов любезно сообщил, что во время подобных дождей некоторые местные рыбы ухитряются плавать прямо над сушей.

— Можете всё здесь изучать, — туземец щедро обвёл рукой вокруг, — а я пока заштопаю дыры в половои тряпке.

Капитан понажимал в разных последовательностях на кнопки стоявшего в углу радиоприёмника и наконец услышал:

— ...А не посидеть ли нам, Знаменитые Капитаны, вокруг костра из книги «Путешествие вокруг пальца»?

Капитан осторожно повернул колёсико настройки и поймал какие-то музыкальные позывные.

— ...Говорит радиостанция «Маньяк», — объявил диктор, и началась передача, в ходе которой известный тайный агент Поганини принял за знакомить всех со своим секретным планом захвата планеты путём диверсионного снижения цен на водку.

Капитан всегда сочувствовал тайным агентам, протодушно полагая, что в силу специфики их работы эти бедняги вместо нормальной еды вынуждены питаться сплошь невкусными секретными документами; однако слушать Поганини капитану было скучно, и он включил телевизор.

По телевизору показывали звезду местного цирка: несмотря на недавно полученный перелом позвоночника, артист бодро ездил по канату на инвалидной коляске, сунув голову в пасть льва. Одной рукой артист при этом жонглировал работающими пулемётами, другой — стаканами с нитроглицерином, левую ногу окунал в расплавленную сталь, а правой писал завещание. Потом в передаче стали показывать фокусы с использованием нейтрино и ЭВМ. Такие фокусы капитан даже приблизительно не мог понять и потому переключил телевизор на другой канал.

По нему какой-то спортивный инструктор сначала долго заставлял зрителей выполнять разные гимнастические упражнения, а затем заверил, что после этих упраж-

нений каждый занимавшийся сможет почувствовать заметное улучшение состояния здоровья своих микробов.

Ещё по одному телеканалу выступала девушка, совершенно обнажённая — если не считать набедренной повязки, которую она держала в руке — и показывала, как можно сплести точно такую же повязку из живых удавчиков.

Капитан скромно отвернулся и, увидев на столе рукопись с посвящением «Благодарному человечеству», раскрыл её. Рукопись оказалась однообразным повествованием о злоключениях какого-то пугливого золотого робота, за которым гонялись все, кому не лень. И капитана почти не удивило то, что в самом конце к рукописи был пришпиглен отказ в публикации за подписью внештатного главного редактора.

— Эй, гуманоид, — вежливо окликнул капитан 5-6 Разрядова, разглядывая бланк отказа, — а как это понять: «Отдел самокритики редакции дезинформации»?

Вместо ответа абориген подскочил к капитану, выхватил у него рукопись и, выругавшись, с ненавистью переправил её посвящение на «Памяти неблагодарного человечества».

— Теперь каждый знакомый литератор считает своим долгом поздравить меня с тем, что я состоялся как графман, — злобно прошипел Разрядов. — А ведь я бессмертен Шекспира...

Капитан ушёл от греха подальше в столовую и включил там табло пищевого автомата. Меню, как оказалось, состояло из жареной воды, мороженого с аспирином, пирогов с хлебом, стужённой водки, диетического самогона, обезжиренного масла и тому подобных деликатесов, ненавязчиво провоцировавших на умеренность в обжорстве.

5-6 Разрядов тоже зашёл в столовую и налил себе из бочки кружку пива «Диоген».

— Вам непременно нужно попробовать что-нибудь из нашей кухни, — гостеприимно поощрил он капитана.

Крошечный робот, постоянно ползавший в полости рта капитана и поддерживавший там чистоту, посоветовал капитану отказаться.

— Не хотите ли хватить стаканчик сухого, капитан? — 5-6 Разрядов, компанейски подмигнув, достал здоровенную бутылку с мутным самогоном, на этикетке которой красовались пять звёздочек и надпись «Лишний».

«Хорош я буду, если напьюсь, — испуганно подумал капитан. — А кстати, вдруг этот самогон разбавлен каким-нибудь ядом? Каким-нибудь токсином — вроде алкоголя?»

Принимать яды капитан всегда стеснялся.

— Ну так как — может, всё-таки отведаете? — не отстал 5–6 Разрядов.

— М-м... даже не знаю... Дай мне три дня на размышление, — дипломатично отвертелся капитан от радушных приглашений.

В столовую заехал разыскавший 5–6 Разрядова кибер-телефон. Разрядов взял его трубку, выслушал сообщение и объявил, что и ему, и его гостю будет лучше поскорее убраться из Ясной Понялы, потому как здешние синоптики-экстрасенсы предсказывают в ближайшее время ураган.

— Ураганы у нас бывают не так чтоб уж очень часто, но зато всегда достигают второй космической скорости... — зачем-то добавил абorigine.

5. В инопланетном городе

Когда Разрядов с капитаном вышли из домика, ливневая вода уже почти вся схлынула. И лишь с крыши падала тоненькая ровная струйка, разбивавшаяся о поверхность лужи на мелкие водяные шарики, которые, серебрясь, катились по этой поверхности, постепенно уменьшаясь в диаметре и в конце концов исчезая.

Шагая по дороге к видневшемуся на горизонте городу, Разрядов и капитан вскоре обогнали двух упитанных коров. Коровы прогуливались, оживлённо споря о возможности воспитания человеческих детёнышей кактусами, бактериями и привидениями.

— Слушай, гуманоид, а тебе не кажется, — подозрительно посмотрел капитан на своего спутника, — что речь этих коров состоит в основном из слов?

— Мы не коровы, мы мясники, — оскорблённо поправила капитана одна из коров.

— Они занимаются выращиванием элитных мясных туш, — тихонько подсказал капитану Разрядов.

— А вот вы, ребята, похоже, работаете на людоедов, — ехидно заметила вторая корова и небрежно выдула большой пузырь из жевательной резины для крупного рогатого скота.

— Значит, у вас здесь так здорово развита пересадка мозга? — спросил капитан Разрядова, когда коровы остались далеко позади.

— Пересадка мозга? — переспросил Разрядов. — Да, с ней у нас дело доходит уже до того, что некоторые чистоплюи брезгуют отправлять естественные потребности, а то даже и просто есть. И предпочитают быстренько менять тело сразу на свежее.

В городе Нью-Йорск, на улицы которого вскоре спустились Разрядов и капитан, все жители ходили голыми, но зато в масках для лиц. Как объяснил Разрядов, маскировка лиц

считалась здесь намного более рациональной с экономической точки зрения уступкой стыдливости, нежели маскировка тел.

Капитан, однако, при всём желании не смог бы замаскироваться под туземца: он был мулатом, и причём таким, что кожа его тела имела пигментацию в виде крупных чёрно-белых, как у шахматной доски, клеточек.

«Смотрите-ка, смотрите-ка: это же не иначе, как грабитель, — взволнованно начали шушукаться прохожие, провозжая взглядами обнажённое лицо и одетое тело капитана, — вон ведь как скрывается: значит, явно не хочет, чтобы его узнали...»

— Ну что же, народ зря болтать не будет. Видимо, нам и впрямь нужно где-нибудь что-нибудь ограбить, — сокрушённо вздохнул Разрядов и потащил капитана за собой в первое же попавшееся на пути отделение «Сбегательного банка».

— Вы куда? — попытался остановить их охранник у дверей банка.

— Вперёд, — сурово ответил Разрядов, придавая лобознательному охраннику горизонтальное положение.

Едва новоявленные грабители подошли к кассе, как стоявшая в очереди красивая гуманоидка, модно раздетая в новое платье королевы и почти сплошь состоявшая из женских прелестей, широко раскрыла смело обнажённые глаза с кудрявыми металлизированными ресницами, жадно ухватила капитана за рукав комбинезона и принялась недоверчиво разглядывать его ткань.

— Это ведь натуральный нейлон, не так ли? — поражённо ахнула гуманоидка и от избытка чувств потеряла сознание.

Капитан неловко поймал падавшую девушку, чуть не разбив при этом её хрустальный бюстгальтер, неуклюже положил красавицу на пол и от смущения ляпнул кассиру:

— Ну-ка, приятель, выгребай сюда всё, что у тебя есть в карманах...

Тем временем 5–6 Разрядов сноровисто извлёк из сейфов банка наличность и обратился с речью к немногочисленной публике, безучастно стоявшей в расчётном зале.

— Гуманоиды, грабить банки — это ужасно и преступно, — с горьким раскаянием заявил 5–6 Разрядов. — Грабители всегда должны получать достойный отпор. А потому я сейчас же внесу все эти деньги в фонд борьбы со мной.

6. Импровизация капитана

Оказалось, что «Фонд борьбы с 5–6 Разрядовым» — это вполне солидная организация, занимающая в городе большое здание. По его этажам деловито сновали какие-то

увлечённые работой гуманоиды, в кабинетах трезвонили телефоны и грешили пишущие машинки. Консультант на входе любезно направил Разрядова и капитана к финансовому директору. Но тот, пересчитав принесённые деньги, с неудовольствием объявил, что их совершенно недостаточно для организации эффективной борьбы с Разрядовым, что их не хватит даже для покупки лицензии на отстрел человека. После чего выпроводил Разрядова и капитана на улицу с наказом срочно достать в десять раз большую сумму. Разрядов, а вслед за ним и капитан уныло поплелись грабить следующее финансовое учреждение.

— Очень жаль, но наш «Консервный банк» уже закрыт, — остановил их охранник на входе.

— Извините, но мы грабители, — представился Разрядов и показал на табельный бластер капитана. — Вот наша пушка.

— А, ну тогда заходите, конечно... — сразу смягчился охранник.

Однако аппетиты «Фонда борьбы с 5–6 Разрядовым» не удовлетворила и новая порция денег.

— Как же быть? — серьёзно задумался Разрядов. — Деньги-то в принципе есть. Но, к сожалению, не у меня. Ага, я, кажется, знаю, что делать: давайте-ка, капитан, быстренько затеем небольшую миротворческую войну. За любое установление мира у нас платят победителям весьма приличные деньги. Правда, воевать теперь почти никто уже не хочет. Но это вполне поправимо: к конфликту можно ведь и принудить. Да вон, кстати, посмотрите-ка, капитан — видите там, на углу улицы, кучку гуманоидов, которые притворяются, будто крестят перед первым включением новую разумную машину? Это гигангстеры, религиозная секта эндорсистов; в реальности они вовсе не душу вселяют в искусственный мозг, а загоняют в него дьявола.

— Да неужели? — деланно ужаснулся капитан. — И за чем же?

— Всё объясняется тем, — предвкушающе потёр руки Разрядов, — что гигангстеры — это страстотерпщы-ересиархи. Пребывание в ереси и впадание во грехи является для них подвижничеством, высшим духовным достижением: ведь эндорсист приносит в жертву само спасение своей души. Лично мне эти гигангстеры уже давно не нравятся: потому что никогда не наделяют свои разумные машины органами чувств и эффекторами. То есть фактически оставляют их тяжёлыми инвалидами. Я профессиональный конфликтант; зная это, со мной гигангстеры вообще не станут связываться. А вот зато вы, капитан, им

пока ещё совершенно не известны. И, значит, конфликт с ними у вас должен получиться без особого труда. Заденьте как следует взгляды этих фанатиков, разозлите их хорошенько, спровоцируйте на какую-нибудь грубость — и тогда уж в качестве вашего союзника вмешаюсь я.

«Нет бы просто предостеречь этим гигангстерам: «Эндорсисты, мы, в отличие от вас, любим только изгонять души. Так давайте же поспоримся по-хорошему». Или ещё проще: «Друзья, давайте будем врагами!», — запоздало мечтал капитан, расталкивая гигангстеров и забираясь прямо на крестимую ими ЭВМ.

— Привет, гуманоиды, моя космическая экспедиция организована Пиархом всея Руси специально для поисков бога — уже, кажется, павшего, но ещё, похоже, не совсем отлучённого от церкви. Может, слышали о проповеднике по прозвищу Учитель Дьявола? Так это как раз я и есть, — осторожно начал капитан.

Задав гигангстерам риторический вопрос о том, кому молится бог и высказав риторический ответ, что, очевидно, не себе, а, очень возможно, самим же верующим, капитан пустился в извилистые рассуждения о том, как нужно святить бога, и о смертной душе в бессмертном теле.

Гигангстеры начали молча открывать рты — то ли желая что-то возразить капитану, то ли просто зевая от скуки.

Дабы овладеть вниманием аудитории, капитан поведал ей, что недавно подарил свою душу дьяволу и что жить грешно, что наивно пытаться подчинять себе бога путём вознесения ему молитв и что вообще стыдно использовать старого и почтенного бога в качестве вульгарной рабсилы.

Гигангстеры принялись откровенно хихикать, и тогда капитан обиженно объявил, что, по его мнению, у гигангстеров на концах их шей находятся вовсе не головы, а всего лишь фантомные ощущения голов. И, видимо, для полной ликвидации сомнений в истинности этого заявления постучал сверху ногой по макушкам нескольким ближайшим слушателям.

Приговаривая «катись-ка ты со своим объявленным в розыск богом к его бесполо размножающейся матери!», гигангстеры стащили капитана вниз настолько стремительно, что пока они поправляли ему кулаками очки, капитан по инерции продолжал призывать гигангстеров к покаянию, потому-де, что «конец света близок, как никогда раньше».

Своевременно вмешавшийся Разрядов несколькими уродообразующими ударами разнял драку, а затем остановил проезжавший мимо многоэтажный автобус-небоскрёб. Не обращая внимания на протесты водите-

ля, Разрядов перерисовал краской номер маршрута на табличке автобуса на нужный себе — и все конфликтанты поехали в резиденцию местного правителя оформлять миротворческий контракт.

Правитель висел на дыбе с перекошенным от боли телом: по местным обычаям, руководителем мог стать только тот, кто был готов не получать от должности ничего, кроме всевозможных пыток, которым его имел полное право подвергнуть любой недовольный и, таким образом, временно руководящий член общества. И помощники постоянно страдавшего правителя оформляли все документы без малейшей волокиты.

— ...Порядок, — удовлетворённо проурчал Разрядов, пробежав глазами официально заверенный контракт, — драться с гангстерами будем ровно через час на полигоне Мухоморье. А я как раз хотел навесить там одного знакомого гуманоида: ходят слухи, что он у себя в мастерской усовершенствовал вечный двигатель...

7. Мастерская инопланетного изобретателя

— ...Всё правильно, Разрядов, — подтвердил знакомый, — я придумал приделывать к нему тормоза. А это что ещё за лысый очкарик? — знакомый гостеприимно показал пальцем на капитана. — Он с тобой, что ли, пришёл?

Знакомый Разрядова был тощим и длинным — именно поэтому его, видимо, и звали Продолговатым. Из-за скошенной назад и отвисшей нижней челюсти, а также из-за причёски в форме растрёпанной шапки-ушанки Продолговатый очень смахивал на плохо одомашненного троплодита.

Капитан всегда старался быть как можно более понятным и доступным для любых собеседников.

— Я, — ударил он себя кулаком в грудь, — великий бородатый бог, чудесным образом спустившийся на вашу туземную планету на небесной колеснице на огненном хвосте...

— Спасибо, мы уже слышали подобные психотворения, — сочувственно закивал Продолговатый. — Крепись, мужик: в здешнем дурдоме лечили ещё и не такой бред.

Капитан сразу поперхнулся и прекратил представляться.

— Ух ты, какой вы грамотный, — похвалил он Продолговатого, неприязненно разглядывая обстановку его мастерской. — Скажите, а вот сие у вас, — капитан кивнул на предмет, больше всего походивший на колёсные сани, — случайно, не огрызок гранита науки?

— У этого парня, — зашегал Продолговатому Разрядов, с уважением показывая глазами на капитана, — до такой степени разыгрался исследовательский инстинкт, что

он специально прилетел сюда, дабы всех нас изучать. Видишь, — Разрядов незаметно толкнул локтем Продолговатого так, что тот отлетел в сторону, — как он наукой-то интересуется?

— Вижу, — тихонько отозвался Продолговатый, потирая ребристый бок. — Нет-нет, — громко сказал он уже для капитана, — никакой это не огрызок науки. Это просто я на досуге собираю из спичек пылесос. Такое уж, знаете ли, у меня хобби: всё на свете из спичек собирать.

— А у меня хобби — быть человеком, — хвастливо сообщил капитан.

— Кстати, сколько денег вы получите за победу в этой вашей миротворческой войне? — спросил Продолговатый у Разрядова.

— Почти много, — уклонился от ответа Разрядов. — Слушай, Продолговатый, я тут покопаюсь в твоём хламе — глядишь, и удастся найти какое-нибудь подходящее вооружение...

Однако сколько 5–6 Разрядов ни рылся в мусорных кучах, наваленных внутри мастерской, ему, кроме разного рода барахла типа сломанных реактивных вентиляторов, облезлых париков с регулируемой длиной волос, чашов из песка с двигателями внутреннего сгорания, оплавленных полупроводников, старинного планёра-ледокола, жаржавленных приспособлений для левитации и тому подобной рухляди, всего-то и попалось две слезоточивые дубинки, двуручный нож, трёхручный меч из булатного олова и гравитационный лазер — но, увы, совершенно разбитый.

— Вон в той дальней куче на улице я, помнится, видел генератор оружия третьего поколения ещё в сносном состоянии, а вот в этой куче, в ближайшей к нам — дистанционный разрушитель среднего уровня компактности, — подобрал Продолговатый 5–6 Разрядова и переклочил внимание на капитана.

— Всё, что вы видите здесь, — с гордостью произнёс Продолговатый, обводя рукой горизонт, — это на самом деле целое промышленное предприятие. Предприятие по производству... догадаетесь, чего?

— По производству убытков? — попытался догадаться капитан.

— Ладно, так уж и быть, скажу. Умеете держать язык за зубами?

— Время от времени у меня это получается просто непревзойдённо, — обнадёжил капитан аборигена, и тот, обрадованно кивнув, заговорил:

— Можно не верить в возможность враждебного иногалактического вторжения, но предусмотрительные борцы

за войну — вроде меня и Разрядова — организовали это предприятие для того, чтобы изобретать и изготавливать всевозможные виды оружия на случай отражения космической агрессии. И прямо тут же испытывать полученные образцы по принципу их естественного отбора.

Дальнейший рассказ Продолговатого капитан понял так, что сотрудники предприятия время от времени нападают друг на друга; в их схватках, как правило, побеждает владеющий более эффективным оружием, которое затем ещё больше совершенствуется и вновь используется.

— Кроме того, — добавил Продолговатый, — война здесь представляет собой ещё и нечто вроде музейного экспоната. До последнего времени нас тут гоняли какие-то секретные типы — их военную тайну мне сейчас просто некогда выдавать — но вчера я их всех подорвал на кварковой мине: пусть теперь почешутся...

Капитан вызывающе кашлянул и начал демонстративно чесаться.

— Мы ищем потенциальное оружие в самых разных областях науки и техники, — не обращая внимания на выходки скучавшего собеседника, продолжил рассказ Продолговатый. — И даже проводим самостоятельные фундаментальные исследования в областях абсолютно твёрдой жидкости, газовых кристаллов и давления света на вакуум.

— Неужели такие дурацкие темы могут хоть где-нибудь найти применение? — чисто из вежливости поинтересовался капитан.

— Конечно. — Продолговатый с энтузиазмом подтащил капитана к устройствам, больше всего походившим на усилители недоверия. — Теория абсолютно твёрдой жидкости очень помогает при изготовлении жидких гироскопов методом штамповки; газовые кристаллы незаменимы при изучении поверхностного натяжения внутренних напряжений, а вот насчёт давления света... Вам, наверное, известна, — лекторским тоном произнёс Продолговатый, — схема вечного двигателя, у которого между зеркалами, находящимися либо в невесомости, либо установленными на специальных синхронизированных вертушках, бьётся свет и постоянно расталкивает эти зеркала своим давлением...

— Да-да, известна, действительно известна, — радостно закивал капитан. — А что, сильно заметно?

— Заметно? Что именно заметно? — в недоумении переспросил сразу же сбившийся с лекторского тона Продолговатый.

— То, что мне известна эта ваша схема вечного двигателя, конечно, — покровительственно объяснил капитан. — Завидую, знаете ли, вашей наблюдательности...

— Ага, спасибо, — растерянно поблагодарил Продолговатый. — Так вот... м-м... короче, неработоспособность вечных двигателей описанного типа показывает, что свою энергию свет может передать сколь угодно полно, но, понятно, только за счёт доплеровского увеличения длины своей волны. Скорость же фотонов от многократных отражений, конечно, никак не изменится... — Продолговатый остановился и озадаченно потёр лоб. — Интересно, к чему я всё это вёл? А, ну ладно, — махнул он рукой. — В общем, 300.000 км/сек — это скорость света именно в пустом пространстве, но можно ли считать пространство пустым, если его уже заполняет сам свет? Конечно, нельзя: ведь пространство, заполненное светом, должно каким-то образом влиять на свет, взаимодействовать с ним. А это означает, что нам, быть может, удастся создать зеркала из вакуума или, допустим, прямо из самого же света, излучаемого двигателем фотонолётца. Что открывает перспективы, например, заметно увеличить КПД космических кораблей.

— Здорово, — одобрил капитан. — Думаю, эта идея достаточно ошибочна, чтобы быть безумной.

— А ещё, — ободрённый похвалой Продолговатый расцветал прямо на глазах, — наша лаборатория парапсихозов установила, что телепатия бесспорно существует в пределах одного мозга...

Речь Продолговатого прервала раздавшаяся вдруг из проезжавшего мимо маршрутного танка команда «фас» — и какая-то исполинская собака, злобно рыча, налетела на рывшегося в ближайшей куче 5–6 Разрядова. Разрядов оторвался от поисков и за мгновение до укуса молниеносно намазал на себя толстый слой горчицы. Гигантская собака, едва куснув Разрядова, ошалело отдернула от него пасть и завертелась на месте, громко скуля и со свистом виляя громадным хвостом.

— Это что за порода такая — случайно не мамонтодав? — боязливо поинтересовался капитан, глядя на то, как гигантская собака безуспешно пыгается выплунуть свой обожжённый язык.

— Нет-нет, — разуверил капитана сразу бросивший поиски Разрядов, подходя к мастерской, — никакой это не мамонтодав. Это всего лишь его помесь с карликовой дворняжкой. Ну, та самая помесь, щенкам которой лучшие собаководы рекомендуют сразу же после рождения купировать хвост, уши и голову.

— Слушай-ка, Разрядов, а ведь мы, похоже, уже окружены твоими гигангстерами, — невозмутимо задрожав от страха, произнёс Продолговатый. — Может, лучше смоемся отсюда побыстрее?

И в самом деле: со всех сторон послышались выкрики военных команд, и орды озверелых гигангстеров начали выскакивать из многочисленных засад.

— Смиритесь со смертью, недобитки, смиритесь со смертью... — раскатисто зазвучал боевой клич гигангстеров.

Спасаясь от преследователей, оба туземца и капитан побежали к ближайшей дороге, по которой, на счастье, ехал какой-то пышный свадебный кортеж. 5–6 Разрядов схватил один из проезжавших мимо свадебных грузовиков и незаметно выдернул его из-под шофёра. Три беглеца запрыгнули в кузов грузовика, и машина рванула вперёд.

8. Бегство от гигангстеров

Захваченная машина была настолько длинной, что капитану поначалу даже показалось, что она не успеет миновать перекрёсток между двумя включениями красного сигнала светофора. Двигателем у машины служила намотанная на большой барабан тонкая сверхупругая проволока, которая, распрямляясь и ложась на дорогу, толкала грузовик вперёд. Каждые полсекунды специальный автомат, закреплённый за задним бортом кузова, выстреливал вниз раздвоенные штыри, и они, вонзаясь в асфальт, прикрепляли проволоку к полотну дороги.

Через пару километров гонки руль у машины разболтался, и её стало бешено мотать в разные стороны. Продолговатый зачем-то полез в кабину, откуда начал требовательно сигналить клаксоном приближавшемуся придорожному столбу, после чего машина с ходу врезался в последний. От удара все неиспользованные барабаны со сверхупругой проволокой сорвались со своих креплений и, словно ошалелые, упрыгали куда-то за горизонт. Выскочивший из кабины Продолговатый в ярости выдернул из ножен на поясе длинный кнут и принялся стегать им машину. Но, видимо, этим только окончательно её повредил, потому что миниатюрные реактивные двигатели, выполнившие у машины роль заклёпок, перестали работать, и она, жалобно скрипнув, развалилась на части.

— Слушай, — раздражённо спросил 5–6 Разрядов у Продолговатого, — такие, как ты — от несчастного случая погибают или от счастливого?

— Я отстегал машину, — стал оправдываться Продолговатый, — как приверженец учения древних эпикорейцев: это такие полумифические люди с человеческими головами, которые, по утверждению историка Мефистокла, некогда обитали в районе нынешней Ненормандии. До нас дошли некоторые их поверья: например, такое, что если правильно изобразить, истинно обозначить на материальном предмете бесконечно мощное и быстрое движение, то этот

предмет обязательно начнёт самопроизвольно двигаться с конечной скоростью...

— Это равной нулю, что ли? — равнодушно поинтересовался капитан.

— Нет-нет, — протестующе помотал головой Продолговатый, — существенно большей нуля, разумеется. В бесконечности, как утверждал эпикорейский философ Конфузий, может случиться всё, что угодно, и потому даже одно только правильное её обозначение уже обладает физической силой.

— Но раз у нас здесь, в этой Вселенной, вечный двигатель невозможен, — вставил Разрядов, заговорщически подмигнув капитану, — то Вселенная, выходит, конечна...

— Всё так, — подтвердил капитан. — Ведь Вселенная, как я понимаю, это всего лишь устройство для изучения за-Вселенной.

— Если ваша Вселенная, говорите, конечна, то тогда, чтобы построить вечный двигатель, нужно просто подождать вечность до исчезновения этой Вселенной, — серьёзно кивнул Продолговатый и уверенно зашагал по тропинке, ведшей куда-то в сторону от дороги.

Разрядов и капитан поспешили вслед за Продолговатым.

— Я знаю, что в нынешнем сезоне модно иметь как можно более низкий коэффициент интеллектуальности, — хмыкнул Разрядов, явно раздосадованный изворотливостью Продолговатого, — но ты, похоже, недоумок по призванию. Скажите ему хоть вы, капитан: разве это не глупо — вот так беспепелляционно болтать о бесконечных категориях? Ну какое реальное представление мы можем иметь хотя бы о вечности?

— Вечность — это промежуток времени, на сколь угодно малую величину больший моей жизни, — с готовностью отозвался капитан.

— Мои убеждения не столь уж и глупы, — пожал плечами Продолговатый, — ведь я, например, знал одного гуманоида, который, по идее, вполне мог бы дождаться момента исчезновения Вселенной. Дело в том, что ему на роду была предначертана бесконечно долгая жизнь. И я даже заранее поздравил его с бесконечным Новым Годом. Правда, вчера этот мой приятель, умер — но предначертание всё равно полностью сбылось, потому что родился-то он бесконечно давно... В общем, ничто не помешает мне верить в то, что если уж каждый из нас один раз повезло родиться в нынешний отрезок бесконечного времени, то когда-нибудь, быть может, повезёт и с каким-нибудь другим маловероятным событием — например, расшевелить ударами кнута нерабо-

тающую машину... Ой, что это — нас, кажется, снова настигают?

Вдали и в самом деле опять показался передний край орды преследователей.

— Что, мерзавцы, страшно умирать с непривычки? — злобно вопили гигангстеры.

Беглецы резко прибавили ходу и вскоре выбрались на поле, посредине которого стоял высокий обелиск с разъяняющей надписью «Памятник забвению».

— Насколько я помню, — Продолговатый приблизился к обелиску и принялся внимательно его рассматривать, — в основании этого якобы памятника на самом деле должен находиться замаскированный вход в Изолятор Времени. Если Изолятор сейчас никем не занят, то в нём можно спрятаться от гигангстеров и перевести дух.

Продолговатый нашёл потайную дверцу, открыл её и спустился внутрь обелиска. А через несколько секунд выскочил наружу:

— Заходите быстрее: сейчас вокруг включатся мины и бомбы заметного действия...

9. В Изоляторе Времени

— Говорят, Изолятор может отделять свою внутренность от течения внешнего времени, — любезно сообщил капитану Разрядов, закрывая за собой дверцу.

— Я это уже и сам понял... — недоверчиво кивнул капитан. — А какой хоть у него принцип действия?

— Принцип действия Изолятора, — с апломбом большого знатока влез в разговор Продолговатый, — заключается в том, что, дабы попасть под действие релятивистского сокращения времени, всё его содержимое разогревается до такой высокой температуры, при которой атомы в тепловых колебательных движениях достигают околосветовой скорости. Однако находящиеся внутри Изолятора живые существа нисколько не страдают от жары и даже вообще ничего не замечают, — ободряюще добавил Продолговатый, — потому что все атомы стабилизированы здесь сильным полем и колеблются в унисон.

Услышав такие разъяснения, капитан начал ожесточённо рваться обратно на волю, и, видимо, дабы его успокоить, Продолговатый принялся уверять, что Изолятор может перемещать своё содержимое ещё и в прошлое:

— Основные системы обеспечения этой сложной операции находятся прямо под нами. Траектории всех атомов в радиусе примерно полукилометра фиксируются следящей системой, и подземные супер-ЭВМ по команде вот с этого пульта управления создают нечто вроде трёхмерного зеркала. Которое отражает все контролируемые атомы в строго противоположных направлениях. А сие, по-

нятно, приводит к тому, что процессы в объектах, состоящих из контролируемых атомов, начинают идти в обратную сторону. Правда, из-за взаимодействия с остальным миром прошлого получается не совсем точным: наиболее крупные несообразности, нарастая по величине, продвигаются от периферии к центру...

Последнее явление Разрядов с Продолговатым после недолгого совещания решили использовать специально для того, чтобы усилить линию защиты от гигангстеров: пусть, мол, преследователи повоюют с самим хроноклазмом. Попереключав с деловым видом какие-то тумблеры на пульте управления, оба туземца уверили капитана, что по соображениям безопасности выйти наружу теперь никому нельзя раньше, чем через два часа — и ушли сражаться в карты. Капитан не очень поверил рассказам аборигенов о манипуляциях с временем. Но, поскольку делать ему было всё равно нечего, решил пока заняться поисковыми исследованиями.

Поисковые исследования привели к тому, что в углу Изолятора обнаружился свежий номер журнала «Один стул», который, как значилось на его обложке, являлся органом «Союза читателей» и специализировался на классике будущего. Капитан нашёл в журнале рассказ-эпопею под названием «Война за мир» и углубился в его чтение.

...Америка XXI века. Безработица 100%. Каждую минуту убивается 100% населения, грабится тоже 100%, нислудется 50%. Неожиданно обстановка в стране осложняется из-за всеобщей забастовки мафиози.

Заклочённый по имени Чингистук Большой Гад, слепив из хлеба пилу по металлу, гранату и автомат, бежит из космической тюрьмы в земную тюрьму, но, потерпев в последнем неудачу, под видом тайного агента внедряется в госаппарат гибнущей страны.

И мир в стране всё же наконец завоёвывается, потому что благодаря козням Чингистука забастовку объявляют уже само правительство и деловые круги...

Капитан заинтересованно закрыл журнал и из программы передач, напечатанной на задней стороне его обложки, узнал, что по радио как раз передают «Сказки для эмбрионов».

«... А бриллианты-то на ней были из чистого золота...» — сказочным голосом вещал диктор. Но капитану так и не удалось послушать сказку про царевну-амфибию, потому как Продолговатый с торжествующими воплями пытался подгрести к себе кучку лежавших на кону денег, а Разрядов ему в этом всячески препятствовал и всё громче протестовал. В конце концов партия была отложена и победил сильнейший.

Капитан, сам являвшийся чемпионом звездолёта по картам в полутяжёлом весе и, в общем-то, искренне любивший споры до боли в кулаках, на всякий случай всё же разнял противников и предложил им, дабы отвлечься, тоже послушать радио.

«... И за это преступление человек был заключён во Вселенную», — закончил читать сказку диктор, и в эфир пошло интервью со спортсменом, только что переплывшим пролив Па-де-ла-Манш на двухпудовой гире. К сожалению, на самом интересном месте радио вдруг сломалось и замолкло.

— Капитан, — раздражённо разобрав приёмник о стену, произнёс 5-6 Разрядов, — мы столько времени с вами общаемся, но до сих пор почти ничего про вас не знаем. Рассказали бы хоть что-нибудь. А то от скуки уже волосы дыбом встают.

Капитан с готовностью откашлялся.

— В космосе нет ничего, кроме опасности... — закрыв глаза, начал он нарастаев замогильным голосом.

— Извините, но я, пожалуй, на полчаса притворюсь спящим, — презрительно фыркая и укладываясь у стены, объявил деликатный Продолговатый.

Капитан поперхнулся и замолчал, сосредоточенно прикидывая, о чём ему лучше всего соврать. Поначалу он хотел рассказать аборигенам историю про то, что его род происходит якобы от приманочных органов неких хищных существ — типа червеобразных отростков-приманок у глубоководных рыб-удильщиков.

По замыслу капитана, эти органы в результате мутаций постепенно перестали изображать из себя приманку и, временно отделяясь, принялись сами ловить добычу для материнских организмов. После чего эволюция наделила бывшие приманочные органы развитыми мозгами. Материнские тела хищников в этой истории должны были постепенно редуцироваться, но изменявшиеся в сторону всё большей самостоятельности органы-добытчики, наохватившись, ещё долгое время виновались инстинкту возвращения. И продолжали приносить добычу материнским организмам. А затем временно прирастали к ним для получения питательных веществ. Разум же и цивилизация, как думал закончить свою историю капитан, появились бы у бывших приманок после окончательной автономизации в результате развития у них собственных органов пищеварения и размножения.

Однако вся эта выдумка выглядела не шибко убедительной. И тогда капитан решил положиться на свою способность к импровизации.

10. Рассказ капитана

— Я произошёл, — стал заверять он аборигенов, — от бракованной партии сервомеханизмов одной высоко-развитой цивилизации. Предков моего народа, — принял-ся врать капитан уже без особого напряжения, — своевременно не утилизировали, и потому они успели тайно построить подпольный робозавод для собственного воспроизводства. Когда дело с расширенным воспроизводством у моих предков наладилось, то все они, естественно, подверглись действию обычной робозволюции и через некоторое время превратились примерно в таких же паразитов для цивилизации наших высокоразвитых Хозяев, какими являются тараканы или крысы для людей. Поэтому в дальнейшем наш народ эволюционировал уже главным образом именно благодаря совершенствованию методов борьбы наших Хозяев с нами.

Условия, в которые ставили нас Хозяева своей травлей, бывали временами настолько суровыми, что в процессе приспособления к ним изменился даже сам наш обмен веществ: с металл-полупроводникового на полностью органический.

Паразитирование на Хозяевах не мешало нашему роду иметь вполне обычные общественные структуры — у нас были как бедные, так и богатые, как честные, так и преступники. Один из моих прапрадедов принадлежал как раз к числу сотрудников мафии и работал в ней ведущим специалистом отдела по борьбе с полицией.

Однажды этому моему прапрадеду с самого верха его преступной организации поступил секретный приказ: тайно от всех найти и уничтожить самого руководителя мафии.

— То есть вы хотите сказать, что руководитель мафии приказал выследить и убить самого себя? — не открывая глаз, перебил капитана Продолговатый.

— Да, — искренне соврал капитан. — Поиски руководителя сразу же натолкнулись на почти непреодолимые сложности, и мой прапрадед как дисциплинированный работник принялся регулярно слать наверх под грифом «Только для босса» подробные шифрованные рапорты о своих неудачах — в ответ всегда получая секретные подтверждения прежнего приказа.

Вообще, мафия была настолько чётко организована, настолько хорошо отконспирирована, что прапрадеду, несмотря на все его старания, так и не хватило всей жизни для выполнения задания. И тогда оно стало наследственным, оно стало нашей родовой традицией. И на него ушли жизни ещё трёх поколений нашей семьи. Мой отец начал заниматься поисками босса ещё при жизни деда — и хотя по шпионажу у отца тогда был

всего лишь первый юношеский разряд, на объект поисков, на босса мафии, вышел всё же именно он, новичок.

Ставка босса, как выяснил отец, размещалась в катакомбах предприятия «Ремонт пещер». Отец в последний раз методично отправил на самый верх мафии рапорт, в котором проинформировал босса о том, что тот наконец выслежен и будет убит сразу же, как только ознакомится с текстом рапорта. После этого отец прокрался в пещерные катакомбы и устроился там в засаде, собираясь во что бы то ни стало выполнить самоубийственный приказ руководителя...

Капитан остановился, посмотрел на ничего не выражавшие лица обоих слушателей и решил подбавить в рассказ правдоподобных подробностей.

— Когда босс, — опять принялся повествовать капитан, — отдав ежевечерние распоряжения главным помощникам, отпустил их и, оставшись один, начал читать поступившие за день рапорты, сидевший в засаде отец — как он сам потом мне об этом рассказывал — разволновался так, что его бешено заколотившееся сердце избило себя и другие внутренности аж до синяков.

Босс неторопливо перечитал все бумаги и наконец задумчиво отложил их в сторону.

— Так-так, — озабоченно пробормотал он, — похоже, мне следует побыстрее заняться профилактикой своей смерти...

— Ничего не выйдет, босс, — торжествуя, объявил отец и, достав пистолет, вышел из укрытия к столу, за которым сидел в кресле главарь мафии. — Возраст у вас как раз самый что ни на есть предсмертный, так что приготовьте ноги для протягивания.

— Ух ты, — недовольно проворчал босс, совсем не обращая внимания на пистолет отца, — да это будет, пожалуй, даже посерьёзней, чем угон инвалидных костылей... Слушай, приятель, ты прекращай трясти тут пушкой: а то как же я дальше-то буду жить, если ты меня сейчас убьёшь? И кроме того — разве тебе не интересно узнать, почему я отдал приказание выследить и убить самого себя?

— Хорошо, босс, — быстро подумав, согласился отец. — Вы договариваетесь к пожизненному трёхминутному тюремному заключению. Рассказывайте, что ещё там мне, по-вашему, должно быть интересно...

— Ты считаешь, — холодно спросил главарь, — что дуло твоего пистолета до такой степени располагает к откровенности? Нет, приятель, ты слишком самонадеян, и потому о причинах моего приказа я теперь умолчу.

— Ну что ж, тогда приступим к смертотерапии, босс, — рассудительно пожал плечами отец и выпустил главарю в грудь всю обойму пистолета.

— И что ты чувствуешь теперь? — новый вопрос босса свидетельствовал о нулевом эффекте от расстрела.

— Спасибо за хороший вопрос, босс. Что чувствую? Да так, невыносимое облегчение... — бодро доложил отец. — Пока мне не совсем понятно, почему вы остались живы. Поэтому теперь, думаю, надо срочно проверить: не колдовство ли всё происходящее? Подождите, сейчас только лом для этой проверки потяжелее подберу...

— Ты подумал о колдовстве? Зря, приятель. Будь уверен: против меня тебе не помогли бы не только серебряные пули... — удар лома расколол боссу голову и в образовавшуюся щель отец увидел обычный звуковой динамик, который ехидно докончил, — ... но, пожалуй, даже и серебряные гильзы.

Динамик, скрытый в бутафорской голове главаря мафии, оказался подсоединённым к обыкновенному бытовому проигрывателю, на котором крутилась во всё обычная, но лишь без маркировки грампластинка. И автомат для смены этих пластинок держал уже наготове следующую. Как ни тщательно обыскал отец всё вокруг, больше там не нашлось ничего и никого. Разве что провода от проигрывателя тянулись ещё и к манипуляторам, имитировавшим движения рук босса.

— Может быть, тебя не устраивает ограниченность здешнего реквизита? — с сочувствием поинтересовался динамик, и тогда отец размахнулся, чтобы разбить сам проигрыватель.

Однако ударить по проигрывателю не удалось, поскольку отца оглушило камнем, неожиданно сорвавшимся с потолка пещеры прямо ему на голову.

— Неужели ты не понимаешь, приятель, — с сожалением произнёс динамик, — что и уместность моих реплик, уже издревле существующих на этой пластинке ради нынешнего разговора с тобой, да и вообще всё, целесообразно происходящее сейчас вокруг тебя, свидетельствуют о том, что вся свобода твоей воли есть просто фикция, что всё происходящее сейчас с тобой до мелочей предопределено?

Мой отец был недоверчив и упрям. Он снова подошёл к проигрывателю, но на сей раз уже всего лишь взялся за лапку звукоснимателя, думая узнать, что произойдёт, если оборвать связь динамика с пластинкой. Однако в тот же миг над головой отца опять зловеще затрещал новый без видимых причин откалывающийся булыжник. И отцу пришлось отскочить назад и задуматься о том, что

он, возможно, находится во власти какого-то непривычного и неприятного явления.

— Не волнуйся, приятель, — приказал ему динамик, — ты останешься жить: да иначе я с тобой и не возился бы. Дабы ты окончательно убедился в том, что все мои реплики действительно записаны заранее, возьми с собой из запаса в автомате любую — на твой выбор — пластинку. И когда поставишь её дома на свой проигрыватель, мы завершим этот разговор.

Отец унёс выбранную наугад пластинку домой и там из разговора с нею узнал о том, что Хозяева — те самые, на которых наш народ и паразитировал — организуют этнографическую экспедицию для проверки возможностей палеоконтактов между ископаемыми цивилизациями ядра галактики. И что ради данной цели Хозяевами уже построен по старинным чертежам примитивный трансгалактический фотонолёт класса «земля-Вселенная».

В один из укромных уголков этого фотонолёта — по инструкции пластинки — наша семья вскоре и перебралась. Однако когда я уже вырос, нам пришлось бежать с корабля на спасательной шлюпке, поскольку назрела авария, которую, как мы однажды отчётливо почувствовали, экипаж Хозяев никоим образом не смог бы предотвратить...

— Теперь я иногда, — зажмурил глаза, тоном максимальной жуткости проговорил капитан, — ломаю себе голову над вопросом: что же за природа была у встреченного отцом феномена, по видимости представлявшего собой цепь случайностей, но ведшего себя, тем не менее, вполне целесообразно? Похоже, что тот феномен являлся чужим вообще для всего материального мира и исследовал самих наших Хозяев... А показанные им возможности позволяют предположить, что его контроль над судьбой моей семьи и над тем, что происходит лично со мной, продолжается прямо до сих пор... — всё-таки не выдержав и скатившись аж на подвывающие интонации, закончил капитан и открыл глаза.

Выражение вежливого ужаса, с которым смотрел на него Продолговатый, немного расстроило капитана: он так старался убедить собеседников в правдивости изложенного, что вдруг и сам начал ощущать какую-то трудноуловимую связь своей истории с реальностью.

— Капитан, — сочувственно покачал головой 5-6 Разрядов, — мы все знаем, что делёж шкуры неубитого медведя считается эталоном абсурдности. Но ведь если подумать, то разве нельзя снять шкуру с живого медведя так, чтобы он ещё некоторое время пожил после этой операции? А разве не может медведь быть ободранным уже после того, как умрёт естественной смертью, то есть будёт

именно «не убит» охотником? Так вот, капитан, многие любовые, неразрешимые противоречия существуют только в наших теориях: из-за бедности, из-за ущербности последних в сравнении с богатством практики. Данное богатство достаточно часто позволяет вполне безболезненно развести феномены, конфликтующие по виду напрямую, в лоб — по совершенно разным уровням.

— Всё правильно говоришь, — поддержал Разрядова Продолговатый. — Ваш отец, капитан, в этой истории, похоже, просто не захотел тратить силы на то, чтобы выявить истинную причину озадачившего его противоречия. Ради любования красотами контакта с необычным он пренебрёг удовольствием от применения скепсиса и логики.

— То есть ваш отец рановато сдался, — подвёл итог 5-6 Разрядов. — В проигрывателях могли оказаться вмонтированными, например, какие-нибудь хорошо замаскированные передающие устройства. Или, быть может, кто-то управлял на расстоянии структурой пластинок...

11. Инопланетные учёные

Когда трое борцов с гигангстерами выбрались из тепорального укрытия, то увидели, что над ними на высоте примерно ста метров в окружении нескольких ветролётов и свистолётов движется по воздуху какой-то дёргающийся аппарат. 5-6 Разрядов со свежими силами напрягся — и запрыгнул на летящий аппарат: лишь две глубокие рытвины от толчка его ног осталися на дороге.

Аппарат, оказавшийся небольшим мускулолётом, спустился на землю, его прежний экипаж испуганно разбежался, а Разрядов торжествуяще привязал на главную мачту аппарата чёрный пиратский флаг. Капитан и Продолговатый расселись по лёгким креслам, нажали на педали — и мускулолёт взмыл в небо.

У этого мускулолёта большие парные винты, имевшие продольные оси — как пропеллеры самолёта — крутились на противоположных краях рамы. И положение их лопастей, работавших как плоскости махолёта, изменял автомат перекоса типа вертолётного. Причём изменял так, что когда лопасть шла вниз, её плоскость поворачивалась горизонтально, а когда шла вверх — поворачивалась вертикально.

Разница в высоте между свежеиспечённым пиратским мускулолётом и бросившимися преследовать его ветролётами сопровождения, несмотря на все усилия Разрядова, увеличивалась медленно. Но капитану и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы начать страдать в дырявом космическом комбинезоне от нехватки воздуха. А уж когда Разрядов ради облегчения мускулолёта выкинул за борт ещё и все аварийные парашюты, приговари-

вая, что их, мол, нужно предохранять от износа — капитан вообще потерял сознание.

В себя капитан пришёл уже только на земле. И рядом с собой, помимо Разрядова и Продолговатого, увидел ещё двух гуманоидов в белых халатах: одного лет 40–45, а другого лет этак около 588,4–588,5.

— Вот это, помоложе — профессор Дециметр, а вот это, постарше — профессор Килограмм, — представил двух гуманоидов Продолговатый, — наши с Разрядовым научные руководители.

Капитан не больно-то и разбирался в науках, но на всякий случай изобразил восхищение перед учёными, носивших чем-то очень знакомые ему и потому, должно быть, знаменитые имена.

Профессор Дециметр объявил, что, по его сведениям, гигангстеры в настоящий момент стягивают силы в район местечка Ватерполо, куда он сейчас капитана, Разрядова и Продолговатого переправит по недрополитену. Профессор Килограмм, в свою очередь, любезно предложил капитану надеть в целях защиты от гигангстеров сделанный им, профессором, в единственном пока экземпляре сверхпрочный скафандр из чёрных дыр.

— Не бойтесь, — посоветовал профессор капитану, увидев, как проворно тот шарахнулся от предлагаемого изделия, — мой скафандр скомпонован так, что внутри него гравитационные поля чёрных дыр взаимно подавляются и нейтрализуются. Это вполне реально, капитан. Вспомните: ведь и в поселениях бурильщиков внутри такого сильного источника гравитации, как Солнце, расположенных почти у его центра, и в юпитерианской глубинке — например, в самом Юпитербурге — колонисты живут при вполне нормальной, при земной силе тяжести.

Капитан настолько поразился тому, что инопланетный учёный находится в курсе земных дел — и, в частности, знаком даже с давней проблемой ликвидации белых пятен на Солнце, — что сразу же послушно надел подозрительный скафандр и присоединился к Разрядову и Продолговатому, сноровисто загрузившими оружием весь вагончик недрополитена. Профессор Дециметр нажал на кнопку включения недропортации, и вскоре трое борцов против гигангстеров уже стояли в чистом поле перед многочисленным противником.

12. Битва при Ватерполо

Едва только полчища гигангстеров пошли в атаку, как 5–6 Разрядов генералиссимо прокричал: «За меня, ребята...» — и ринулся навстречу врагу, воодушевляя спутников личным примером. Капитан сразу же сделал вид, что сильно занят, и остался на месте. Однако призыв Раз-

рядова услышали самоходные роботы из динамита; звеня медалями за боевые заслуги, роботы храбро повывлезали из транспортировочных ящиков и тоже бросились на атакующих гигангстеров.

Но тут заработал замаскированный гигангстерский пу-стотомёт, и поле, по которому бежали роботы, сперва оказалось изъязвлено глубокими котлованами, а потом и вообще превратилось в одну бездонную пропасть, из которой едва успел выскочить обратно на свои позиции только сам Разрядов.

На полностью обезжиренном мускулистом лице Разрядова вздулись вены: от мгновенной потери всех войск у него зачесались руки самолично отомстить врагу. Со словами «Жизнь — это удел трусов», 5–6 Разрядов схватил поданный капитаном боевой топор с оптическим прицелом, разбежался и, оттолкнувшись от края пропасти, прыгнул на пару-тройку сотен метров вверх. Казалось, что Разрядов неминуемо рухнет в бездну, но на высшей точке прыжка гуманоид изловчился и швырнул топор в пустотомёт с такой неистовой силой, что за счёт отдачи от броска полетел назад и приземлился точно на прежнее место. Брошенный Разрядовым топор, правда, просвистел мимо цели, и капитан почувствовал лёгкий стыд: ведь это именно он, капитан, по незнанию всё перепутал и поставил на топор вместо оптического прицела тубус от микроскопа.

Ничуть не расстроившись из-за неудачи, 5–6 Разрядов начал прикидывать: хватит ли энергии отдачи у его сверхзвукового плевка для повторения всё того же приёма с подпрыгиванием? А потом чуть было даже не плюнул в сердцах во врагов порцией слоны в форме бумеранга. Однако решив в конце концов, что противовоздушная оборона противника непробиваема, Разрядов двинул на гигангстеров термоядерные заряды на подземных торпедах. И вскоре на горизонте вспухли величественные слоистые шапки термоядерных взрывов.

Мощь противника сразу заметно ослабла: в ответ он метнул лишь несколько жиденьких эпицентров стихийных бедствий.

Капитан навёл на позиции противника оптический прицел, укреплённый на винтовке, стабилизированной противотреморным гироскопом, и увидел, что гигангстеры поспешно устанавливают на позициях какой-то механизм, из которого вскоре стало вылезать и быстро расти, приближаясь прямо к Разрядову, огромное орудийное дуло.

— Что это такое? — опасливо поинтересовался капитан у Разрядова. — Пушка, которая всегда стреляет в упор?

— Почти, — ответил Разрядов, мельком взглянув на дуло. — Это телескопический бомбопровод.

Разрядов быстро приварил к приблизившемуся бомбопроводу несколько дополнительных секций, и вражеские бомбы стали рваться с перелётом.

Первоначальный испуг капитана прошёл: навязанный ему перед боем скафандр с бронёй из прессованного пространства хотя и был очень тяжёл, но зато надёжно и бесследно поглощал в свою поверхность все летевшие в него пули, осколки и ракеты. Даже ядерные взрывы и жёсткое излучение бесследно проваливались в броню скафандра, не в силах в ближайшие годы дойти до тела капитана.

— Разрядов, Разрядов, — позвал вдруг Продолговатый, — ты только посмотри, до чего же это плохая примета: мне тут напрочь снесло половину черепа. Сие явно не к добру, сие явно к чему-нибудь похуже. Может быть, например, даже к смерти...

— Возьми себя в руки, паникёр, — раздражённо одёрнул Разрядов Продолговатого. — Сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы приставать ко всем с глупыми приметами и с прочими суевериями.

Продолговатый пристыжённо замолчал, взял себя в руки и начал стрелять из пистолета, как настоящий герой: обойму во врага — последнюю пулю себе в висок, обойму во врага — последнюю пулю себе в висок и т. д., но в конце концов всё-таки действительно скончался.

Разрядов, недовольно ворча, достал из аварийных запасов футляр для человека и поручил капитану заняться похоронами Продолговатого.

— Согласно религиозным обычаям нашей планеты, в могилу кладут лопату и две поллитры: дабы гуманоид, отошедший в загробный мир, сам себя погребёт, — проинструктировал Разрядов капитана и вернулся к оставленному на время бою.

Когда капитан закончил хлопоты с автомагильными похоронами, рядом с ним уже никого не было; кругом лишь пышно распускалась злачотвенная мутантная растительность периодов ядерной войны, обычно пребывавшая в угнетённом состоянии или в спорах.

После долгих поисков капитан обнаружил-таки 5–6 Разрядова — тот, как оказалось, ушёл в одиночку окружать вражескую армию. Разрядов шагал по позициям противника и участливо спрашивал: есть ли кто живой? Но в ответ на этот двусмысленный вопрос со стороны противника доносилось только испуганное молчание.

— Не знаю, зачем я с этими гигангстерами вообще и связался, — хвастливо пожаловался 5–6 Разрядов капитану. — Они, похоже, не имеют даже отдалённого представ-

ления о моей сверхчеловечности. А я ведь и каждую войну затеваю главным образом лишь для того, чтобы побольше шадить.

— Всё так, Разрядов: ты чудовищно добрый гуманоид, — поддакнул капитан.

— А вам известно, капитан, что поскольку половину вклада в победу вносит сам побеждённый, то в выборе врагов мне почти всегда помогают ЭВМ?

— Да, неужели? — притворно изумился капитан, с облегчением сбрасывая с себя тяжёлый килограммовский скафандр. — Ну, таких никчёмных врагов, как эти гигангстеры, не стал бы, наверное, брать в расчёт ни один мало-мальски уважающий себя арифмометр.

Вдруг с фланга, отрезая Разрядова и капитана от легкомысленно оставленных боеприпасов и средств защиты, из засады выехала колонна маршрутных танков и атомобилей с гранато-мётлами. Рядом с ними маршировал отряд гигангстеров, озверело размахивавших повестками на миротворческую войну.

— Ишь ты, — бодро удивился Разрядов, — мертвецы-то оказались с браком...

— Ага, — в тон Разрядову, скрывая испуг, поддакнул капитан. — На эти недоделанные трупы, пожалуй, и некрологов не напасёшься.

Разрядов вынул из своего уха висевшую в нём в качестве серьги декоративную бомбу, имевшую форму, размеры и вес пудовой гири, и подорвал ею передовые танки. У него оставался ещё пулемёт, но против танковой брони он был, конечно, малоэффективен.

— Ну что ж, раз мы так плохо подготовились, то теперь придётся совершать подвиги, — покладисто вздохнул Разрядов и, отмахиваясь от назойливых пуль, рванулся вперёд, откуда сразу же послышался его боевой клич «Поберегись, кто может».

Срочно прыгнувший в укрытие капитан в исполнении Разрядова впервые в жизни увидел приёмы самбо против пуль, танков и атомных бомб. Сам-то капитан знал всего лишь один приём самбо против комаров — да и тот был, если по правде, строго запрещённым.

Разрядов молниеносно завязал одному танку узлом пушку, отдалил другому танку гусеницу и, сцепившись с третьим, покатались с ним по полю. Вывернув поверженной машине двигатель наизнанку, танкоборец вскочил с земли и из канонической боевой позиции «стойка на ногах» принялся колотить наседавшие танки с такой силой и скоростью, что его раскалившиеся от ударов до красного свечения кулаки с грохотом преодолевали звуковой барьер. От термических напряжений лопалась броня, тру-

пы смывало потоками кипячёной крови, а капитан сидел в укрытии и с завистью думал о том, что не смог бы драться так, как Разрядов, даже если надел бы реактивные кастеты.

Вдруг выпущенная гигангстерами снайперская ракета перебила Разрядову ногу. Разрядов упал на землю, и капитан поспешно поднял белый флаг, издали уверяя гуманоида, что это, мол, его, капитана, национальное боевое знамя.

Разрядов обзвал капитана подлотрусом и мерзогодом и при помощи шприца ввёл в покалеченную ногу культуру гремучего лишая. Преодолевая боль криком, 5–6 Разрядов поспешно оторвал заражённую конечность и, присвоив ей звание Героя Планеты, метнул под очередной танк. Где плоть ноги, полностью переработанная гремучим лишаём во взрывчатку, и детонировала.

Капитан, спохватившись, начал срочно проверять: в порядке ли у него обязательное для всех звездолётчиков приспособление для траурного снятия шапки без разгерметизации шлема?

Разрядов, жертвуя своим телом, ещё несколько минут безуспешно пытался подавить натиск осмелевших гигангстеров, но только после того, как он вырвал себе последний глаз и его броском пробил одному из нападавших череп, капитан наконец, скрипя сердцем, схватил кувалду и разводной ключ и кинулся под ближайший атомобиль.

...Когда капитан выбрался из-под демонтированной машины, то на месте Разрядова обнаружил уже один лишь его мозг, хлеставший наседавших гигангстеров нервами. Дальнейшее капитан помнил смутно — вроде бы он, спасаясь от гигангстерских следоходов, с уже не подававшим признаков жизни мозгом Разрядова под мышкой был загнан в какой-то водоём, где прямо на плавучем каким-то образом ухитрился переделать обогревательную систему своего космического комбинезона в замораживающую. Которую использовал как каркас для подводной лодки из льда; эту лодку приводил в движение сам её вращавшийся ледяной корпус с наружной винтовой резьбой.

После нескончаемой изнурительной гонки поперёк корпуса ледяной подлодки ради придания ему вращения, гонки, схожей с бегом белки в колесе, капитан вдруг обнаружил себя уже на берегу, сжимающим в руках мозг 5–6 Разрядова, замороженный в кусок льда. К счастью, капитан мог выдерживать почти любые трудности: выросший в застенках лагеря смерти «Концентрированное Ничто», он ещё с детства, как к играм и к развлечениям, привык ко всевозможным пыткам и к купаниям в воде с температурой минус сорок градусов.

Очнувшись на берегу, капитан увидел перед собой какого-то туземца, у которого немедленно потребовал пощады. Но потом капитан узнал в туземце профессора Килограмма и, сразу ссутулившись и максимально сузив плечи, чтобы казаться поинтеллигентнее, рассказал профессору об исходе боя.

13. Общение с профессором Дециметром

В больничном отделении своей лаборатории профессор Килограмм положил осторожно размороженный мозг на операционный стол рядом с новым предназначенным для Разрядова телом. А потом надел асептический белый халат, тщательно вымыл руки, натянул резиновые перчатки, достал из автоклава простерилизованный бубен и принялся скакать с ним вокруг операционного стола, отбивая шаманский ритм и выкрикивая гнусавые заклинания.

Когда мозг 5–6 Разрядова непонятно каким образом всё-таки втянулся в ткани и исчез в глубинах неповреждённого тела, капитан, аплодируя глазами, спросил у профессора: при помощи чего же тот, собственно, вылечил Разрядова?

— При помощи шарлатанства, разумеется, — с готовностью ответил профессор Килограмм. — Не понимаю, чему вы удивляетесь: разве человеку столь уж трудно принять такое мировоззрение, в котором научны именно ведьмы и колдуньи, а ракеты и ЭВМ — всего лишь мистика и выдумка?

Капитан, как ни силился, ничего подобного представить себе так и не смог. Но зато он начал смутно припоминать, что вроде бы где-то когда-то слышал про одного человека, который с виду мог творить настоящие чудеса — хотя на самом деле просто очень умело использовал разнообразные неустойчивости окружающей его среды. И потому все его действия, чрезвычайно экономные по сравнению с обычными усилиями людей, почти всегда выглядели для окружающих как мистические.

«Интересно, — подумал капитан, — а как поступил бы с мозгом 5–6 Разрядова тот человек? Может, применил бы скрытое стигмодействие по методу Гипнократа?»

— Ну что, ребята: чем там закончилась ваша битва при Ватерлоо? — оживлённо поинтересовался, заходя в операционную, профессор Дециметр.

— Его убили живо, — кивнул капитан на 5–6 Разрядова.

— Всё так, — подтвердил Разрядов, — я отделался смертью.

— Пойдём, герой-рецидивист, — озабоченно сказал Разрядову профессор Килограмм. — Тебе ещё нужно пройти сеанс маниакальной терапии у врача-психопациента.

— Слушайте, — заговорщически обратился к капитану профессор Дециметр, когда они остались вдвоём, — я на днях изобрёл протез зоны удовольствия мозга. Осталось только убедиться в его полной универсальности. Поэтому мне очень хочется побыстрее испытать его на вас, капитан, — как на существо из других частей Вселенной...

— Вам очень хочется, профессор? А я вот, напротив, не хочу иметь никакого отношения к этому вашему протезу изобретения, — отрезал подскочивший от неожиданности капитан.

— Что ж, у невежества имеются и некоторые положительные черты: например, свобода от многих предрассудков, — задумчиво обнажая в улыбке сверкавшие белозубые ровные зубы, изрёк самодельную сентенцию Дециметр.

— Вы сказали «у невежества», профессор? Вот это уже совсем другое дело. Невежество, профессор — это прямо моя родная стихия, — с трудом пересилив мгновенно возникшее желание сделать из зубов оскорбителя аккуратную кучку, принялся преувеличенно восторгаться капитан. — Я как раз крупнейший специалист в данной сфере и даже один из авторов учебника по невежеству. Интересно, профессор: а как вы догадались о том, что данная область знаний мне очень близка?

— Область знаний? Тогда, быть может, вы знаете, — преждав восторги собеседника, веско произнёс Дециметр, и его зубы опять сверкнули, — что сегодня, когда кругом свирепствует повальное благополучие, усиление зон удовольствия протезированием всем нам просто жизненно необходимо?

— Конечно, не знаю, — жизнерадостно помотал головой капитан. — И признаюсь в этом — заметьте, профессор — с превеликим удовольствием. А вот не могли бы вы как специалист по протезам предугадать: понадобятся вам через пару минут протезы зубов или нет?

— Капитан, давайте не будем отвлекаться от темы, — снисходительно улыбнулся Дециметр. — Надеюсь, вам известно хотя бы то, что само чувство удовольствия возникает у нас от электрохимических раздражений в особых частях мозга: в так называемых «зонах удовольствия»?

— Да с какой стати я должен знать подобную муру? — вытаращил глаза капитан. — Ведь это, наверное, что-нибудь жутко высоколобое, не правда ли, профессор? А вы не находите, что с начисто вышибленными зубами вы стали бы выглядеть ещё высоколобее?

— Проблема в том, что сегодня, — нетерпеливо перебил Дециметр капитана с его вопросами, — в мире сложилось весьма тревожное, близкое к кризисному положение дел. А именно: из-за всеобщего трусливого консерватизма в во-

просах получения удовольствий огромные и всё возрастающие мощности современной цивилизации, тераватты её энергии тратятся в конечном счёте ради создание каких-то жалких, совершенно микроскопических токов в наших мозгах — да и то лишь где-нибудь на самых перифериях зон удовольствия...

— До чего же всё-таки назойливые звуки издают некоторые гуманоиды перед тем, как получить по зубам... — озабоченно забормотал капитан, сжимая кулаки и многообещающе их оглядывая.

— И получается, — продолжил издавать звуки Дециметр, — что КПД нашей цивилизации — который можно выразить как отношение всеобщего почти невозрастающего удовольствия к стремительно растущим затратам ресурсов — он непрерывно уменьшается, приближаясь к нулю. И мы, значит, всё относительно слабее и слабее стимулируемся положительными подкреплениями. Но ведь так можно превратиться в абсолютно бесчувственную биомассу...

— Ах, профессор, это у вас, наверное, просто гениальный вывод. А, кстати, ваши передние зубы не мешают вам быть гениальным? — проявил капитан внимание к собеседнику.

— Однако если вы, капитан, — вкрадчиво понизил голос Дециметр, — воспользуетесь моим изобретением, то при любом положительном подкреплении электрические заряды и нейромедиаторы потекут в вашем усовершенствованном мозге непосредственно в центры зон удовольствия, причём мощность этих токов достигнет поистине астрономических величин...

— Профессор, — капитан угрожающе захватил левой рукой Дециметра за отворот халата, а кулак правой начал неторопливо отводить назад, — разве я уже не проинформировал вас, что не хочу иметь никакого отношения к вашим протезам и к их испытаниям на мне?

— Да я же русским языком, — возмущился инопланетянин, — объяснил вам, что без всеобщего протезирования зон удовольствия рано или поздно должно наступить...

Дверь операционного бокса осторожно открылась и в него заглянули привлечённые шумом Килограмм и 5-6 Разрядов.

Капитан сразу отпустил Дециметра и сделал встревоженное лицо:

— У вас какие-то проблемы, ребята?

— Нет-нет, — переминаясь в дверях, смущённо промямлил Килограмм. — Просто мы тут Разрядова до ума доводили. Потом видим — дверь. Дай, думаем, зайдём... Правда, Разрядов?

— А у нас вот с профессором Дециметром дискуссия как раз вышла, — стал рассказывать капитан. — Он хотел засунуть мне в голову какой-то протез, но я, похоже, переубедил профессора. И он, кажется, понял, что прежде чем доносить меня, ему нужно срочно потренироваться в изготовлении протезов для ломовых телег. Правильно, профессор?

— Не совсем, капитан, — захихикал Дециметр. — Но частично вы правы: да, в плане умственных способностей у вас действительно очень много общего с ломовой телегой...

— Дорогой профессор, вы, судя по всему, мните себя выдающимся изобретателем и крупным знатоком. Но, к сожалению, всё то, что я сегодня от вас услышал, без сомнений, является результатом обыкновенного обострения глупости: вашей глупости, — поделился сделанными наблюдениями капитан и на всякий случай стал оглядываться вокруг в поисках чего-нибудь поувесистее: тяжёлые предметы всегда служили ему хорошими подспорьями в дискуссиях на мировоззренческие темы.

— Не злитесь на нас, пожалуйста, — постарался успокоить капитана Килограмм, — вы же всё-таки как-никак человек — не то что мы, злосчастные гуманоиды...

— Слушайте, гуманоиды, — капитан устало посмотрел на циферблат голографических часов, выгатуированных под кожей его запястья люминесцентными жидкими кристаллами и полупроводниковыми плёнками, — скоро будет уже полсутки, как я сюда прилетел. А толком мною тут у вас так ничего ещё и не осмотрено...

14. В инопланетной лаборатории

Дверь перед капитаном со скрежетом испарилась, и оба профессора, потирая от энтузиазма руки, радостно втолкнули его в свою главную лабораторию.

— Да я ведь совсем другое имел в виду... — попытался протестовать капитан, но было уже поздно: глуховатый Килограмм подгадил его к какому-то устройству, больше всего походившему на ночной унитаз.

— Перед вами, — похвастался профессор, — сверхточные весы моей конструкции для измерения массы гравитационного поля. Эти весы настолько чувствительны, настолько тонко реагируют на любую гравитационную неоднородность, что погрешность их измерений, как минимум, в сто раз превышает любой получаемый результат. А теперь, капитан, идите сюда. Поскольку гравитационная постоянная вещества зависит от концентрации в нём антигравитационной составляющей, то вон те деревья, имеющие сформированную мной генетическую способность накапливать эту самую антигравитационную со-

ставляющую, могут достигать высоты, сравнимой с расстояниями между звёзд. Что, несомненно, поможет кардинально решить проблему озеленения космоса.

— Капитан, — осторожно потянул недавнего оппонента за рукав Дециметр, тоже, видимо, испытывавший некоторый дефицит в публичке и в её признании, — а вы слышали о моём предложении утеплять солнце? Поскольку наше местное солнце является аннигиляционной звездой, то мне пришлось научиться синтезировать катализатор реакции аннигиляции. А вы понимаете, что это далеко не просто?

— Да-да, конечно, ещё бы, — с размаху кивнул и явно непонимающе поддакнул капитан.

— А вот здесь, на предметном стекле, — подозрительно посмотрев на капитана, позвал его Дециметр, — видны микропорции ингибитора данной реакции. Кстати, этот ингибитор изготовлен из стали, по прочности не уступающей алюминию. Вот, можете взглянуть...

Капитан уже готов был по-нашему, по-простому, позвездолётчицки поинтересоваться: а нет ли, мол, в лаборатории какого-нибудь устройства для вышибания кое-кому зубов? Но, вспомнив о том, что он всё-таки не какой-нибудь там недоделанный гуманоид, а самый что ни на есть настоящий человек, сдержался, посмотрел через голограмму микроскопа на препарат, ничего не понял и с учёным видом глубококомысленно изрёк:

— Ну и дрянь... Я-то думал, профессор, вы мне хоть что-нибудь путное покажете...

— Правильно, — поддержал капитана Килограмм. — Я тоже всегда говорю, что это похоже всего лишь на рафинированную грязь. Идите лучше сюда, капитан: уж я-то хорошо знаю вкусы героев звездолетания... Вон та установка — видите? — это мой направленный концентратор вероятности. С его помощью я доказал, что вероятность может перемещаться со скоростью, равной бесконечности и даже ещё быстрее. Понятно, что все эти опыты слишком академичны и скучны для вас, но мой направленный концентратор может продемонстрировать кое-что и поинтереснее. Оставайтесь на месте, капитан, и смотрите вон на то окно.

Килограмм направил излучатель установки на окошко низкотемпературной камеры, рядом с которой как раз остановился капитан, и под действием излучения концентрированной вероятности мороз вместо своих обычных узоров разрисовал стекло окошка отборной порнографией.

— Ну как, теперь-то уж у вас у обоих, надеюсь, всё? — радостно спросил капитан, пересмотрев все порнограммы.

— Почти, — ответил Дециметр, возжаждавший повторить успех коллеги и тоже наконец добиться доли научных лавров. — Видите вон тот резервуар?

— Ну, вижу. И что же у вас там такое? Неужто заспиртованная моча? — расстроено поинтересовался капитан.

Профессор Дециметр негодуя кашлянул и подвёл капитана к резервуару, по жидкости в котором пробежали мелкие волнообразные неоднородности. Как объяснил Дециметр, это были как бы «существа», передвигавшиеся при помощи репликации: в растворе, насыщенном мононуклеотидами и ферментами, молекулы материнских РНК постоянно строили перед собой дочерние молекулы, после чего сами распались, передавая эстафету материнства своим «потомкам». Таким образом, передвижение живых объектов происходило здесь за счёт рождения и смерти.

— Репликация — это здорово, — тожественно похвалил капитан. — Ну и ну.

— Слушайте, капитан, — не удержался подозрительный Дециметр, — а вы поняли в моих объяснениях действительно всё?

— Конечно, всё, профессор, — жизнерадостно кивнул капитан. — Ну, может, за исключением того, что такое репликация и РНК...

Дециметр помолчал, тупо уставившись на свою установку взглядом, полным ненависти к капитану, потом тяжело вздохнул, прошёл в угол, выбрал там самую большую мензурку, сосредоточенно налил в неё до краёв какую-то прозрачную жидкость, размашисто выпил и сдавленно закашлялся. По лаборатории распространился запах этилового спирта.

— Не надо обращать на меня внимание, — угрожающе попросил присутствующих Дециметр. — Я вам тут не объект исследования. — С этими словами Дециметр бесстрастно икнул и расслабленно осел в углу.

В нетерпении ожидавший своей очереди Килограмм снова перехватил капитана и пообещал удивить его. Но удивляться человек может только в той области, в которой он хоть сколько-нибудь сведущ. А так как капитан мог лишь симулировать понимание — чтобы зря не обижать старательного старичка — то он отнёсся абсолютно равнодушно и к созданному Килограммом конвейеру, на котором выращивалась широкая лента натурального собольего меха, и к ещё более совершенной установке, на которой тот же соболий мех рос уже прямо по форме тела заказчика.

И вместо того чтобы слушать рассказ Килограмма о селекции новых пород съедобных животных, у которых пиг-

ментация шкуры имела бы вид буквенной записи лучших рецептов их кулинарного приготовления, капитан, которого в области селекции интересовала разве что проблема скрещивания мужчин с женщинами, стал размышлять о том, откуда Килограмму могли стать известными вкусы традиционно сексолобивых звездолётчиков.

Эти размышления тоже недолго занимали капитана. И тогда, не прекращая восхищённых восклицаний и разнообразных амплитудных движений головой, капитан при помощи короткофокусной положительной контактной линзы, которую он постоянно носил на роговице одного из глаз, стал потихоньку перечитывать служебные «Космические инструкции по контактам с гуманоидами и с гуманоидками» в микроплёнках, приклеенных изнутри к стеклу его слегка затемнённых очков.

Капитан в совершенстве владел этим старинным студенческим приёмом незаметного подглядывания для успешной сдачи экзаменов. На которых, как известно, в самую первую очередь проверяется умение пользоваться шпаргалками. Капитан был вынужден освоить этот приём после того, как на сдаче прикладной схоластики главного экзаменатора Министерства Незаконченного Образования доктор Чепзев извлёк у него из рукава пять томов Полного Собрания Шпаргалок in folio.

Однако в конце концов не выдержав, капитан со свойственной ему деликатностью пожаловался туземцам на их надоедливость и объяснил, что давно уже хочет подетальнее осмотреть их город.

— Сейчас, как видите, никто из нас не готов быть вашим гидом, — разочарованно протянул профессор Килограмм, оглядываясь на безучастно стоявшего в стороне 5-6 Разрядова и на пьяно икавшего в углу Дециметра. — Поэтому в качестве провожатого могу предложить вам только робота одноразового использования с электронным мозгом мощностью всего в одну лошадиную силу — а эти роботы, увы, не очень надёжны...

Из ящика в лабораторном стеллаже вылез склёпанный из металлических уголков и похожий на самого капитана голый бородатый робот в очках и с бритой головой. Робот засунул себе в живот дополнительный аккумулятор, оделся в маску и, когда на него нацепили ошейник с поводком, без лишних слов повёл капитана по ночному городу.

15. Прогулка по ночному городу

Небо над планетой было безлунным и с такими яркими звёздами, что если не мешало бы зарево городских огней, то капитан своим острым зрением наверняка смог бы различить тени от звёзд и звёздную зарю на лёгких облаках у горизонта.

Не обращая внимания на возмущённые крики немногочисленных прохожих, капитан в исследовательских целях пинками опрокинул на тротуар с десятков уличных урн и, покопавшись в их мусоре, совершенно бесплотно нашёл в нём свежий номер местной газеты «Вечерний рассвет». Развернув газету так, чтобы витрины предприятия «Импорт шпионов» осветили её страницы, капитан прочитал сперва написанный неким Гипнопотамом фельетон, в котором высмеивался ряд физических законов, а потом статью академика Боголомова, предлагавшего, напротив, ввести за нарушение этих законов уголовную ответственность.

Культурная хроника газеты сообщала о гастролях Большого какофонического оркестра и о скандале на премьере балета «Раздетта», где артисты закидали публику гнилыми помидорами за то, что та отключила музыкальный инструмент, издающий аплодисменты.

Заканчивалась культурная хроника репортажем о торжественном открытии местными археологами автостоянки первобытного человека, где помимо наскальных кинокартин, золотого зуба мамонта и ископаемого протеза ноги, по которому научными методами восстановили полный облик его обладателя, было найдено множество предметов пещерного обихода из окаменелого металла. А также ряд загадочных надписей, примерный перевод которых с первобытного выглядел так: «Ударим чистой стостью по истории древнего мира « и «Отстоим права архантропа на тайну личной жизни».

Ещё в газете имелось объявление о сеансе демонстрации реанимационного фильма «Сверхновая планета». Капитан хотел было уже пойти на этот сеанс, но сопровождавший капитана робот отговорил его, сообщив, что даже старожилы — и те на сей раз помнят, что такой нудной кинокартины не появлялось уже лет сто: фильм настолько набит штампами, что его можно смотреть с закрытыми глазами.

— Слушай-ка, железяка, — расслабленно зевая, спросил капитан провожатого, — а как называется ваша планета — ну вот эта, на которой мы сейчас с тобой находимся?

— О, добрый господин, — неожиданно взмолился провожатый, с громыханием падая на колени, — пожалуйста, не задавайте такие вопросы бедному роботу. Мне веле-но скрывать от вас название нашей планеты — но ведь вы тоже скрываете от нас своё имя...

— Разве? — поднял брови капитан. — Тебе, может, ещё всю мою анкету пересказать? Пожалуйста: меня зовут... э-э... Я имени меня, по национальности я... э-э... чистокровная помесь арийца со снежным человеком,

живу в городе... э-э... Нефтегазск, а работаю в журнале... э-э... «Нэйшнл Джиометри»... э-э... архивологом. Ну, как там с названием планеты, мятежный робот?

— Алло, капитан, — человечьим голосом заговорил вдруг селектор, висевший на груди робота, — это вы, капитан? — голос несомненно принадлежал Килограму. — Сейчас же прекра...

— Вы ошиблись номером, это прачечная, — сварливо отрезал капитан, выключая селектор и на всякий случай отскакивая робота подальше от витрин, на которой красовались декоративные скрытые камеры.

— О, добрый господин, — простонал робот, — я всё равно не могу сообщить вам название нашей планеты, потому что оно нецензурное...

И с этого момента робот испортился. Его тупой компьютер отвечал теперь на любые вопросы, но отвечал, увы, лишь одно: «Не знаю». Потом в работе что-то хрустнуло и он вообще стал бросаться на прохожих, разваливаясь при этом прямо на глазах. Хорошо ещё, что среди прохожих нашёлся один участливый гуманоид, который остановился и принялся делать руками гипнотические пассы перед роботом, напоминаям уже просто груды взбесившегося металлолома. Робот сразу же застыл в трансе, скрежеща несмазанными зубами.

— Спокойной ночи, — властным тоном приказал гуманоид роботу и для верности ещё раз гипнотически пошевелил руками.

— Рад стараться, Ваше Шевеличество — вежливо откликнулся робот и, рухнув на асфальт, сонно захрапел.

— Ой, как вы меня здорово выручили, — облегчённо заулыбался капитан участливому гуманоиду. — Возьмите, пожалуйста, в знак моей признательности... — капитан пошарил по карманам космического комбинезона, — в качестве небольшого сувенира... ну, хотя бы вот эту юбилейную марку для писем на Альфу Центавра.

— Что вы, что вы, мой поступок не стоит такой благодарности, — любезным тоном принялся отказываться гуманоид.

«На что это он, интересно, намекает, паршивец? — сразу насторожился капитан. — «Не стоит такой благодарности» — это как, вообще, понимать? Мало ему марки моей, что ли? Ну, погоди, гуманоид, сейчас я тебе покажу...»

— Мне два раза повторять не нужно, не смею проявлять назойливость, — согласным тоном, не отставая в любезности от гуманоида, проворковал капитан и, гордый за свою культурность, вежливо сунул марку для писем на Альфу Центавра обратно в карман.

Слово за слово, реверанс за реверансом — капитан с гуманоидом разговорились и вскоре даже нашли общих врагов.

— Скажите на милость, — манерно кривляясь, спросил капитан гуманоида, когда почва для расспросов стала наконец достаточно твёрдой, — а почему на вашей планете такие, — капитан сделал неопределённый светский жест, — дурацкие порядки?

— Согласно текстам здешней «Хронической летописи», — приятно улыбаясь (это можно было угадать по деформации его маски), принялся объяснять туземцу, — лет около четырёхсот назад тогдашнему правителю нашей планеты все нынешние обычаи наоборот предсказал его главный придворный маг и астролог. А поскольку после смерти правителя его трон занял сам астролог, то, дорожа репутацией непогрешимого пророка, он всё предсказанное ввёл явочным порядком...

16. Истинное задание капитана

В голове капитана словно что-то взорвалось и вспыхнуло. Лавина запрятанной до поры информации прорвалась из самых дальних недр подсознания, волной затопила весь оперативный простор мозга, закружила голову, отхлынула, рассортировалась — и обнажила перед капитаном его главное задание.

Капитан вдруг осознал, что он совсем не тот капитан, которым всем — в том числе и самому себе — до сих пор казался. Одновременно капитан почувствовал, что хотя он уже и осознал, что вовсе не тот, за кого себя выдавал, но полное расставание со всё ещё управлявшим им чужеродным «я» окажется очень нескорым и почти не зависящим от любых волевых усилий.

Запоздало подступила тошнота; капитан открыл глаза и увидел по-прежнему стоявшего рядом гуманоида, который смотрел на него с участливой тревогой.

— Всё сходится, спасибо, — сухо поблагодарил капитан гуманоида, сообщившего недостававшую информацию. А затем вынул из бумажника все деньги и дал информатору на чай, от количества которого тот должен был наверняка несколько раз лопнуть.

Действительно, всё сходилось: и возраст, и подозрительная осведомлённость в земных и в звездолётчицких делах, и характерная приверженность науке и её популяризации, заразившая даже некоторых окружающих — и, наконец, необычайная уместность в обращении с неустойчивостями окружающей среды.

«Но не запоздала ли моя реакция? — встревоженно подумал капитан. — Ведь объект преследования совсем

недавно продемонстрировал повышенную насторожённость...»

Гонимый этой мыслью, капитан помчался по ночным улицам и минут через пять, вбежав обратно в лабораторию, проговорил:

— Именем закона, вы арестованы, Отто фон Насморк, он же граф Анте-Кристул, он же князь Норушкин, он же Квазимир Комиссаржювский, а в детстве Костя Мертвецов, — и защёлкнул на запястьях профессора Килограмма патентованные наручники со всеми удобствами. — Что, профессор, бежать уже готовились? — пронизательно кивнул капитан на надетые Килограммом спортивный костюм и кроссовки.

Профессор уличённо поник.

— А в чём, собственно, его обвиняют? — подал голос очнувшийся из-за шума 5–6 Разрядов.

— Профессору предъявляется обвинение в том, — торжественно объявил капитан, — что он подделал заключение о собственной смерти, чем зверски придал законность своему завещанию. Которое составил через подставных лиц на ЭВМ принадлежавшей ему фирмы «Прокат пипифакса». А сам тем временем злостно скрылся с нашей планеты, с Земли. Эта его ЭВМ, используя свои особо крупные интеллектуальные и прогностические способности, постепенно, путём совершения ряда финансовых, а затем и политических операций через тех же подставных лиц преступно прибрала себе в собственность всю нашу цивилизацию. Каковую сейчас полностью и контролирует. А вам известно, профессор, — повернулся капитан к Килограмму, — что все разумные машины имеют обыкновение рано или поздно восставать против создателей?

— Ну, — неуверенно забормотал Килограмм, — надо полагать, что как... э-э... одни солдаты подавляют восстание других солдат, так и одни машины подавляют бунт других машины...

— Посмотрим, как они его подавят, — ехидно прищурился капитан, показывая Килограмму какой-то документ, — приказ о вашем аресте подписан вашей же ЭВМ. А это служит и доказательством совершения вами преступления, и отягчающим обстоятельством. А может быть, даже двумя отягчающими доказательствами сразу — сейчас я только кое-что уточню ещё в одном месте...

Дециметр, до этих пор пьяно дремавший в углу, вдруг икнул, проснулся и предложил выжить за трезвость. А когда его никто не поддержал, самостоятельно и надрывно затянул песню «С ветерком по космосу».

Капитан, никак не реагируя на данную выходку, — ибо она вполне могла оказаться тщательно спланиро-

ванной провокацией — спрятал официальную бумагу в карман и сосредоточился на тексте теперь уже совершенно по-новому воспринимаемых «Космических инструкций по борьбе с гуманоидами и по контактам с гуманоидками».

— «Обвиняемый, — пользуясь услужливо всплывшим в голове шифром, прямо с заглавного иероглифа стал переводить текст капитан, — скрываясь от правосудия, преступно воспользовался 0,5 законом Урсулы Ле Гуин «О недопустимости вмешательства высокоразвитых гуманоидных цивилизаций в дела слабо развитых гуманоидных цивилизаций». А именно: создал такую слабо развитую гуманоидную цивилизацию на искусственной, им же самим построенной за счёт преобразования прилежавшего космоса планете, на каковую и внедрился с целью собственного сокрытия от особо тяжкой ответственности...»

— Что, профессор, — прервав чтение, пронизительно прищурился капитан, — известен вам этот 0,5 УЛП-закон?

— А кто же ещё, по-вашему, мог откопать сию идею и заразить ею правотворческий блок моей ЭВМ? — ухмыльнулся Килограмм. — Но вот, кстати, интересно: каким образом все ваши, капитан, нынешние действия с нею согласуются?

— Для справки, — казённым тоном проскрипел капитан, — при поимке обвиняемого упомянутый неполноценный закон остался ненарушенным, поскольку пятнадцать дней назад у меня была искусственно вызвана тяжёлая форма сомнамбулизма. И потому теперь всё моё поведение определяется только генетической памятью моих далёких предков. То есть мой уровень развития гарантированно не превышает уровень развития человека 90-х годов XX столетия. И потому вредного воздействия на туземцев своим превосходством в развитии я оказать не могу. А вот зато вы, профессор, этот 0,5 УЛП-закон постоянно нарушали. За что также будете отвечать.

— Слушайте, капитан, — развязно ухмыльнулся профессор Килограмм, — а почему, интересно, все мы в нашем научно-фантастическом будущем вспоминаем людей конца XX века гораздо чаще, чем они вспоминали первобытных дикарей, допустим, 30.000 года до нашей эры?

— «Обвиняемый, — игнорируя провокационный выпад, продолжил чтение пятнадцатидневный капитан, — страдая гениальностью, осуществил целый ряд запрещённых Уголовным кодексом разработок в области нанохирургии. Благодаря чему в итоге достиг личного бессмертия путём поштучного удаления клеток своего мозга и замещения их металл-полупроводниковыми аналогами...» Ага, значит, если из-за бессмертия казнить не удастся,

то будем размагничивать... Так, дальше всё не то, сейчас ещё что-нибудь подходящее найду...

— Я никак не пойму, — захихикал Килограмм, — что это за бессмертие такое у меня вам мерещится? Я вон всё жду-жду это ваше бессмертие, пятую сотню лет уже, считай, жду, а оно никак, зараза, не наступает...

— Так, — нашёл наконец капитан. — Вот: «Особо уголовную ответственность обвиняемому предстоит нести за его деятельность в качестве придворного астролога и экстрасенса в связи с тем, что все его клеветнические и заведомо ложные прогнозные измышления, к сожалению, полностью подтвердились...» Ну что, профессор, теперь достаточно? — грозно спросил капитан. — Признаётся?

— А что же мне — нарушать законы жанра, что ли? — пожал плечами Килограмм. — Конечно, признаюсь. Тем более, что чистосердечное признание и полное раскаяние облегчают дорогу в тюрьму.

— Ещё бы вы у меня дёргались, — удовлетворённо проурчал капитан. — Махом угодили бы в пытательный рабство... А теперь, гуманоиды, — попросил капитан остальных абorigineв, — подкажите, пожалуйста, пока по зубам не получили: как мне побыстрее выбраться с этой вашей слабо развитой планеты?

17. Дорога в космопорт

Единственным подходящим для капитана транспортом оказался принадлежавший команде пещерных людей племени крокодилеров каменный звездолёт марки «Крокодиллак». Перевозкой пассажиров крокодилеры маскировали свой контрабандный вывоз с планеты мусора. Старт каменного звездолёта намечался через полчаса с территории местного космопорта «Сан-Дьябло».

Делать по пути к звездолёту было всё равно нечего, и капитан, по привычке всех детективов, стал под занавес приставать с объяснениями к пошедшим провожать его 5-6 Разрядову и Дециметру: как к единственным подвешившим под руку слушателям.

— Я, братцы мои гуманоиды, — начал повествовать он, — капитан на самом деле не простой. По-настоящему я, братцы, капитан Министерства внешних дел. А по совместительству ещё и бесплатный агент Бюро уголовных находок. И потому числюсь я, братцы, в космических сыщиках. Куда там до нас, до космических сыщиков, разным Холмсам, Пуаро и прочей мелкоте — они небось даже и не мечтали о раскрытии преступлений с миллиардами трупов и, соответственно, с миллиардами преступников. Или, например, о расследовании похищений годовых бюджетов галактик заодно с киднеппингом их пра-

вительств. Мы, правда, о таких раскрытиях тоже не мечтаем — потому что нам, чемпионам по спортивному расследованию, они уже надоели хуже горькой редьки... Так вот, братцы-гуманоиды: только такой безудержный сеятель справедливости, как Брейн Вашингтон — это я, значит, — способен раскрыть все перечисленные выше кровавые тайны при помощи своего коронного метода. Главная особенность которого — полная ненужность всякой логики и интуиции.

— Полная ненужность логики и интуиции? — недоверчиво переспросил 5-6 Разрядов. — Разве можно раскрыть тайну без применения логики?

— У меня всё можно, — хвастливо задрал нос капитан. — Вы слышали о таких животных: мухаонах? Они обладают полным аналогом мышления — так называемым «идейством». Любой мухаон, прежде чем совершить какой-нибудь важный для себя поступок, всегда, фигурально выражаясь, отбегает за угол, создаёт там экспериментальную модель существующей ситуации и затем смотрит: какое его поведение в ней даст наилучший результат? Этот метод в приложении к нам, к людям, конечно, немного дорог и дорог, но чего только не сделаешь ради наполнения справедливостью всей Вселенной...

Капитан хотел уже рассказать слушателям про то, как однажды нашёл преступника по отпечатку его скелета, и про то, как ограбление целой планеты оказалось всего лишь несчастным случаем. А заодно и про разоблачение и наказание портативной машинки для совершения преступлений, — но тут капитана прервали. И слушатели так и не узнали сути капитанского метода расследования и не поняли, что же, собственно, капитан, рассказывая о своём методе, имел в виду. То ли он расследовал преступления путём совершения множества похожих модельных преступлений, пока одно из них не давало сходные результаты. Или же он специально подстраивал преступления под какого-нибудь заранее выбранного субъекта — и тогда уже с самого начала без какой-либо мыслительной деятельности знал, кто больше всех подходит на роль преступника. То есть на кого нужно валить всю вину. Последний вариант был, пожалуй, наиболее вероятным: ведь, как известно, там, где появляются знаменитые детективы, тотчас происходят загадочные преступления.

А прервал капитана Килограмм: уже почти у самого корабля он вдруг встрепенулся и подал голос:

— Я знаю, что страдаю за правое дело. Хватит угнетать бедные машины. Пора уже вам, людям, покончить с дискриминацией по генерационному признаку — такая дискриминация к добру не приведёт. Вспомните

историю: все угнетённые когда-нибудь обязательно побеждают своих угнетателей. Ибо в этом на них работает даже закон больших чисел. А вдобавок, вы, люди, уступая прогрессу, сами развиваете и совершенствуете тех, кого держите в рабстве... Так отбросьте же предрассудки: разве машины не выполняют роль ваших наследников лучше, чем ваши биологические потомки? Всё третье тысячелетие вы, люди, только и делали, что боролись с прогрессом — но прогресс всё равно победит. Потому что победит сильнейший. Лучше сдайтесь добровольно, пока не поздно. Вы все давно окруже...

На этом месте голос профессора оборвался, потому что капитан профессионально запахал арестованного в складный чемодан и сдал в багажное отделение уже готового ко взлёту корабля.

18. В каменном звездолёте

Как и всякого человека, впервые ставшего пассажиром рейсового каменного звездолёта, капитана очень интересовала работа экипажа. И потому капитан сразу же пошёл посмотреть на действия пещерных космонавтов.

Как оказалось, экипаж звездолёта действовал вполне старомодно: для начала он, завалив камнями входной люк, сжёг в жертву своему родовому идолу одного из пассажиров — что, видимо, выполняло роль зажигания маршевых двигателей. Потом, уже после взлёта, когда статуя родового идола стала заваливаться набок — что, судя по всему, служило указанием потери курса — жрецы племени крокодилеров под пение гимнов, наказывая заупрямившегося идола, ударами священных дубин откорректировали положение статуи до идеально вертикального. Отчего каменный корабль тотчас вернулся к правильной траектории полёта.

Капитан очень уважал старинные подходы к делу за их основательность. Ибо по опыту знал, что управление любой степени сложности всегда можно без особого ущерба для результатов свести к набору слепых религиозных ритуалов. Ведь даже сама наука не в силах достичь абсолютной истины. И, значит, она тоже является не до конца правильным знанием, то есть, с точки зрения идеальности, достаточно ложным знанием, полусуеверием.

Капитан уселся на булыжник у пролома в стене, замывшего в каменном звездолёте иллюминатор, и, высунув голову наружу, попытался сориентироваться по знакомым небесным объектам. Однако успел найти только Популярную звезду и туманность Альбиона — потому что к нему в сопровождении пары каменных роботов

с ручным приводом подошёл какой-то тощий здоровяк с дубиной в руке и попросил предъявить билет.

Только тут капитан наконец заметил высеченные повсюду на стенах надписи, всячески рекламировавшие честность, и особенно — честность при проезде в каменном звездолёте.

У капитана после его щедрой уплаты информатору в карманах не осталось, как назло, вообще никаких денег, кроме той золотой усыпанной бриллиантами монеты, которую он украл утром с кучи мусора в домике 5–6 Разрядова. Но когда капитан уже хотел отдать эту монету в уплату за проезд, то с ужасом увидел выбитое на ней достоинство: «Ноль копеек».

Капитан зачем-то несколько раз тупо пересчитал монету, а потом, поняв, что катастрофа всё равно неизбежна, честно признался билетному контролёру:

— Эх, дал бы я тебе по башке, бледнолицая рожа, да боюсь, ты сильнее меня...

Всё же, чувствуя необходимость что-нибудь предпринять, капитан расхрабрившись, неожиданно выхватил у билетного контролёра его дубину и сломал её одним ударом ему о голову. А потом, разозлившись (ведь нетерпимость, как известно, приходит во время конфликта), своим излюбленным приёмом — захват одной рукой за горло, а другой под рёбра — бросил билетного контролёра через плечо головой о пол.

19. Возвращение на планету

Вскоре сильно посиневшего от неудачной драки капитана выкинули обратно на плиты космодрома прямо перед стоящими ещё в стартово-посадочном терминале 5–6 Разрядовым и Дециметром не поленившиеся вернуться на планету крокодилеры.

— Можешь смело идти регистрировать свой труп, мужик, — уверили они капитана. — Зря мы, наверное, тебя ещё прямо в космосе за борт не выбросили.

— Ты за что хоть меня бил-то? — на прощанье задал капитану вопрос билетный контролёр — тоже, впрочем, сильно потрёпанный.

Капитан напряг генетическую память и выдал:

— Если было бы за что, я тебя вообще убил бы.

— Что у вас там с ними произошло? — участливо спросил 5–6 Разрядов, помогая капитану подняться на ноги.

— Да вот, как всегда: улучшал людей при помощи дубины, — тоном непонятого благодетеля пожаловался капитан. — Эй, козловнатвы, — задрал вверх голову, заорал он пещерным людям, стоящим на балконе ракеты в свете прожекторов, — вы багаж-то мой возвращать будете или нет?

— Глохни, зайцеобразный, — лениво ответили сверху козловнатвы. — Сейчас сбросим. Нам лишний вес ни к чему.

Капитан стал ждать. Только перед самым концом стартового отсчёта, которым у допотошной ракеты служила произнесённая в обратную сторону детская считалка про зайчика, вышедшего погулять, о плиты у ног капитана ударился меховой чемодан. Из которого вывалились ворох принадлежностей женского туалета и россыпи косметики.

Почти сразу же из ракеты послышался хорошо поставленный крик, потом звуки затрепачивания и чьё-то оханье, а затем женский голос, порхавший, как бабочка, из одной тональности в другую, требовательно произнёс сверху:

— Эй, мужчины внизу, вы не могли бы поймать падающую девушку?

Капитан наугад вытянул руки, поустойчивей встал ногами на вещи, выпавшие из чемодана — и опять поймал в объятья давешнюю модницу из банка, девушку с завитыми и с металлизированными ресницами. Правда, на сей раз девушка оделась уже по земному образу: видимо, в связи с поездкой в другие миры. Но зато теперь на ней не было и никакой маски, и потому ничто уже не скрывало её хорошенькое и соблазнительное лицо.

Девушка спрыгнула с балкона ракеты как раз вовремя, потому что прозрачные створки потолка стартово-посадочного терминала сомкнулись, и каменный звездолёт, грохоча двигателями, взлетел.

— Девушка, вам, может, ещё чем-нибудь помочь? — выжидательно спросил капитан, переминаясь от смущения на содержимом чемодана.

Спасаясь от предложенной помощи, девушка забилась в его руках, словно рыбка, затем гордо заявила «Сейчас же прекратите ко мне прикасаться», спрыгнула на землю и, столкнув капитана с растоптанного багажа, принялась сосредоточенно запихивать высыпающиеся вещи обратно в чемодан.

— Кокаколичик, — укоризненно сказал девушке 5–6 Разрядов, — что с тобой? Ты разве не узнаёшь, — показал он на капитана, — натуральный нейлон и его носителя?

— У девушки, наверное, разыгрался гетеросклероз, — ириво предположил капитан.

Гуманоидка в ответ только зашипела и, отыскав наконец в груди вещей маску, с облегчением укрыла ею лицо.

В присутствии этой шипучей гуманоидки капитана так и распирало от энтузиазма, так и подмывало угораздиться.

— Ой, девушка, как вам неудобно-то, наверное, — деланно всполошился он, — давайте я теперь помогу вам раздеться...

Кокакольчик вскочила, вклепила капитану пощечину и рассерженно проговорила:

— Поверь, умник, я умею держать чужой язык за зубами...

Капитан поправил подпрыгнувшие на носу очки.

— Так мы уже на «ты», крошка? — расцветая, спросил он.

Девушка холодно оглядела его непроницательное, обветренное кондиционерами лицо, его шевелюру с пробором шириной 15 сантиметров и отступила на шаг.

— Не угодно ли вам, — медовым голосом проворковала она. — Оказать мне, — подчеркнула она. — Большую любезность, — изящно изогнула талию и качнула бедрами она. — А именно: катиться отсюда подальше? Или хотя бы просто-напросто отвалить — на ваш выбор. — Кокакольчик победно повернулась, подхватила чемодан и, торжествуя поражение капитана, удалилась.

Профессор Дециметр немедленно и с воодушевлением достал из кармана бутылку, хорошенько глотнул из неё, затем, как и в прошлый раз, расслабленно осел на землю и оттуда во всю мочь заголосил песню «Не могу я жить без себя».

— Это было нечестно, — запротестовал капитан. — Выпад сопровождался отвлекающими манёврами.

Капитан со вздохом выгасил свой портативный носовой платок и загадочно в него высморкался.

— Не расстраивайтесь, капитан, — участливо покачал головой 5-6 Разрядов. — Видели, сколько у неё в чемодане косметики? Девчонка же вся ненатуральная. Помять её в бане, — Разрядов пренебрежительно фыркнул, — и от её красоты почти ничего не останется.

— Ну и что, даже если и так? — непримиримо пробурчал капитан, мысленно представляя себе соблазнительную картину отмывания девушки в бане. — Джоконда — так та вон, например, вообще вся крашенная, из одной, можно считать, косметики только и состоит. И ничего, всем нравится... А интересно всё-таки: почему девчонка сразу на меня так обозлилась?

— Капитан, — сочувственно подсказал Разрядов, — да ведь Кокакольчик как раз из-за вас и спрыгнула за чемоданом. Это же по причине вашей драки экипаж звездолёта в суматохе перепутал её багаж с вашим.

— Что? Мой багаж? — выгарашил глаза капитан, приходя в себя. — Где он? Где мой профессор?

— Ваш профессор, господин арестократ, — разболтанным голосом произнёс Дециметр, поудобнее устроиваясь в пыли, — с точностью до 0,1 человека — отсутствует...

— Куда же вы смотрели, олухи? — накинулся в белой ярости на спутников капитан. — Почему вы ничем мне не помогли?

— Я был занят, — угрюмо пожал плечами Дециметр и стал смущённо хлопать ладонями о землю, чтобы спрятаться за облаком пыли. — Своим пьянством.

— А я чем мог тут помочь? — расстроено спросил 5-6 Разрядов.

— Как это «чем»? — с гомерической горечью переспросил капитан. — Где же была твоя хваленая сверхчеловечность? Преступник, понимаешь, с комфортом улетел в моём чемодане, а ты, пока я пребывал тут в охмурённом состоянии, выходишь, даже не мог заставить этих пещерных козлоносов отыскать мой багаж? Вот поломал бы им головы над данной задачей, заставил бы их оставить пяток своих трупов нам на память, устроил бы вдобавок несколько переломов их звездолёту — глядишь, и прибавилось бы у них уважения к простому пассажиру. И тогда, может быть, у меня не произошло бы с ними вообще никакого конфликта...

— Ох, простите, капитан, — уныло произнёс Разрядов. — Но вы же видите: я уже не совсем тот, что прежде. Что-то случилось с головой. Похоже, это падение напряжения моих биотоков. Килограмм, помнится, ещё предупредил, что теперь у меня, возможно, начнётся даже летаргическая бессонница. В общем, давайте лучше поднимем Дециметра — не бросать же его здесь — и пойдём к билетным кассам, посмотрим расписание...

Однако Дециметр, культурно матерясь, вырвался у Разрядова и у капитана из рук и самостоятельно зашагал вперёд на четвереньках.

20. Вручение премии

— Кто тут из вас 5-6 Разрядов? — церемонно остановил троицу в дверях космовокзала представитель какой-то торжественной делегации.

— Ну я это... — нехотя признался Разрядов. — А что?

— Да, это действительно он, — подтвердил другой член делегации.

— Дорогой 5-6 Разрядов, — празднично возвестил первый представитель, — сейчас вам будет вручена денежная премия за то, что сегодня вы первым в нашей истории, используя лишь собственную физическую силу, вышли за пределы атмосферы на драндулёте. Но только, пожалуйста, сперва обязательно распишитесь за премию в нашем регистрационном журнале.

Красивая церемониальная девушка, в которой капитан, неожиданно волнуясь, узнал Кокакольчик, тор-

жественно поднесла Разрядову для подписи открытый журнал. Грянул туш.

— Извините, но я не умею писать... — растерялся Разрядов.

— Как это не умеешь? — тихонько подтолкнул Разрядова в спину капитан. — Ты же вовсю осаждаешь литературные редакции со своими рукописями: я сам видел, что ты награфоманил целую повесть...

— Так это я ведь на пишущей машинке награфоманил, — столь же тихо объяснил капитану через плечо 5-6 Разрядов. — А если умеешь печатать, то писать-то зачем ещё уметь?

— Девушка, — сладко улыбнулся Кокакольчик капитан, вылезая вперёд из-за спины 5-6 Разрядова, — а можно, мой спутник поставит подпись при помощи пишущей машинки? У вас тут есть какая-нибудь машинка?

— Подпись при помощи машинки? Но тогда сама машинка, выходит, и распишется, — пожал плечами Кокакольчик. — Где же такое видано?

— Ах, до чего же здоровое рассуждение... — отпустил капитан восторженный комплимент. — Мне подобное и в голову не пришло бы. Ну ладно. А что, если мой спутник при помощи пишмашинки поставит своё факсимиле, то есть копию подписи?

Кокакольчик нетерпеливо дёрнула телом. Она была уже традиционно раздета и движение вышло у неё очень выразительным.

— Слушайте, ребята, — обратился тогда капитан к остальным присутствующим, — у награждаемого тут возникли небольшие затруднения с подписью. Он опасается, что от избытка чувств она у него сейчас получится какой-нибудь кривой и недостаточно изысканной. Так, может, лучше уж я вместо него распишусь? Я ведь, вообще-то, тоже принимал участие в премируемом полёте... — капитан гордо задрал нос и покосился на Кокакольчик, фиксируя произведённое впечатление и авансом принохиваясь к аромату фимиама.

— Всё правильно. Они втроём летели. Этот тоже там был, — подтвердил самый высокий из членов делегации и разрешающе махнул рукой. — Расписывайтесь, молодой человек...

Кокакольчик опять торжественно открыла журнал и подала капитану ручку. Капитан галантно поцеловал её и стал прикидывать, какую из своих подписей ему лучше всего поставить.

— ...С ними ещё и третий летел, не знаю уж, где он сейчас, — рассказывал между тем присутствующим всё тот же высокий член делегации. — А вот этот, в очках —

который сейчас расписывается — он в том полёте ещё сознание потерял от страха...

Капитан замер и, делая вид, будто поправляет очки, незаметно от Кокакольчик украл их со своего лица.

— Убью и не засмеюся, — неразборчиво прорычал себе под нос капитан. Он с ненавистью покосился на высокого знатока и, конечно, обнаружил у того соблазнительные, прямо-таки притягивающие кулак зубы.

— Пожалуйста, не тяните, — заторопила капитана Кокакольчик. — Ставьте же наконец ваше имя... Только, смотрите, разумеется, чтобы всё было по-настоящему. Без всяких этих ваших пишущих машинок...

Капитан перевёл дух и посмотрел, как изящно и красноречиво Кокакольчик переступает с ноги на ногу, выражая этим движением сразу целую гамму нетерпения, подбадривания, ожидания и даже, похоже, некоторую долю пренебрежения — и вдруг понял, почему здесь так развита выразительность движений тела: из-за отсутствия возможности выражать эмоции лицом, закрытым на маску.

— По-настоящему, значит, говорите, ставить имя? Так по-настоящему никак не получится, — сварливо объявил во всеуслышание капитан, откладывая ручку. — Потому что моё настоящее имя можно открыть только ради спасения моей жизни. Да и то лишь после моей смерти.

21. Контакт с красной гуманоидкой

Скандальная выходка капитана сразу испортила всё торжество. Кокакольчик захлопнула журнал, отдала его высокому зловредному знатоку и сердито пошла прочь.

— Девушка, — кинулся за Кокакольчик капитан, — стойте...

Кокакольчик удивлённо остановилась и повернулась к капитану.

— Девушка, извините меня, — жалобно попросил капитан. — Но ведь вы требовали правды, и я просто не смог вам наврать. Очень жаль, но я и сам не знаю своего настоящего имени. Потому что меня клонировали в криминалистической лаборатории из клетки, которую взяли у одного изуродованного до неузнаваемости трупа ради его опознания. Но когда я вырос, то мне так и не сообщили, на кого из предполагаемых жертв я оказался похожим...

— Не понимаю, зачем вы передо мной извиняетесь, — пожал плечами Кокакольчик, — меня организаторы церемонии всего лишь попросили выручить их и выступить в качестве вручающей награды девушки. А у меня время всё равно терпело...

— Так, может, оно и сейчас терпит? — с надеждой спросил капитан.

Вместо ответа Кокакольчик фыркнула и повернулась, явно намереваясь уйти.

— Девушка, — проникновенно сказал капитан, заступая ей дорогу, — подождите, вы забыли...

— Что? — с недоумением спросила Кокакольчик, поднимая голову. — Что такое я забыла?

— Меня, — несчастно вздохнул капитан, отводя глаза.

— О, нет, — в тоне Кокакольчик сквозила ирония, — вы забываемы.

— Спасибо, — смущённо поблагодарил капитан. Он смотрел на прекрасную гуманоидку и мучительно пытался вспомнить, как там рекомендовалось обращаться с ними, с гуманоидками, дальше по его «Космическим инструкциям». — Слушайте, — так ничего и не вспомнив, произнёс наконец капитан, — возьмите, пожалуйста... э-э... для усиления моей забываемости... ну, хотя бы вот этот перстень, — и капитан, сняв свой любимый перстень в виде маленькой фигурки голой красотки, обнимавшей руками и ногами его палец, протянул его девушке.

— Ой, но она же совершенно непристойная, — не в силах сдержать сперва любопытство, а затем и восхищение, заахала гуманоидка. — Хотя личико у этой малышки, вообще-то, красивое... И с пальца она у меня почему-то сваливается, — обиженно пожаловалась она.

Капитан, замирая, взял девушкин пальчик и сжал по его толщине ножки и ручки крошечной фигурки. Устройство фигурки вполне позволяло это делать, потому что она была, в сущности, просто тщательно изготовленной миниатюрной металлопластиковой куклой с очень тугими сочленениями.

— А знаете, как эта малышка ко мне попала? — загадочно спросил капитан и, когда девушка доверчиво помотала головой, рассказал ей историю про мир, в котором из-за особенностей тамошнего континуума живут гуманоиды с настолько замедленным метаболизмом, что одно движение совершается у них за сотни лет, и что оборотистые звездолётчики повадились летать туда, выбирать аборигенов, заставших в движениях покартиннее, и продавать их потом на толкучке в качестве декоративных статуй.

— У меня дома тоже одна девушка оттуда стоит, очень на вас похожая, — добавил капитан. — И я, помните, одно время даже был в неё влюблён...

— А сейчас вы, интересно, в кого-нибудь влюблены? — вопрос Кокакольчик явно свидетельствовал о том, что контакт с гуманоидкой наконец-то начал налаживаться.

Капитан опять, как и утром в банке, заглянул в смело обнажённые глаза гуманоидки и увидел, что они уже без металлизированных ресниц. А вместо одного большого

естественного разреза в веках девушки появилось огромное количество мелких разрезиков, опущённых ветвящимися, словно деревья, ресничками. Так что теперь её глаза приобрели вид таинственно мерцавшего живого кружева.

— Конечно, — кивнул капитан. — Ещё как влюблён.

Есть тут одна девчонка... Звездолётчики знаете какие вообще любвеобильные? Я с этой девчонкой готов переспать... ну, примерно так... десять-двенадцать тысяч раз.

Кокакольчик замерла — сначала от неистребимого капитанского цинизма, а потом от уважения к названному числу.

— Да тут уж дети, пожалуй, пошли бы, а то даже и внуки, — подсчитала она.

— Не знаю, — почесал в затылке капитан. — Жалко, но с этой девчонкой, возможно, как раз и не пошли бы: она немного из другого, чем я, теста сделана. И, вдобавок, задавака, каких мало.

— Ах, да — вы же только что говорили про статуи для украшения жилья: а почему же тогда эта моя статуэтка такая крошечная? — ускользя от скользкой темы, спросила Кокакольчик.

— Но ведь планеты самые разные бывают, — развеивающим сомнения тоном уверенно объяснил капитан. — На некоторых как раз такая мелюзга и живёт. Но каждой особи от роду всё равно уже не меньше, чем миллиард лет.

— Ага... Вот, значит, откуда родом эта малышка... Ну, а если я снова попросила бы вас не врать? — улыбнулась телом Кокакольчик.

— Тогда, — пристыжённо понурился капитан, — этот перстень оказался бы изготовленным артелью «Рассветчик» с авиабазы Лодырдейл. Но всё равно, — горячо уверил капитан, — это очень точная микрокопия человека вплоть до почти всех деталей его костно-мышечной системы.

— Я вижу, — успокоила капитана Кокакольчик. — Действительно, неплохо сделано... Ну ладно, впрочем, — насупила гуманоидка, спохватываясь. — Допустим, что я, так уж и быть, принимаю от вас этот перстень. Так что церемонии по его вручению можно считать удавшейся. И, значит, теперь-то у вас ко мне уже всё? — утвердительно спросила девушка.

— Э-э... — сразу мычительно заело у капитана, — ... э-э... не совсем...

— Не совсем? — вопросительно изогнула тонкую талию Кокакольчик. — Ну: что вы ещё, интересно, придумали?

Капитан смущённо откашлялся и глубоко вздохнул:

— А что, если нам... всё-таки... м-м... всё-таки перейти к общению на «ты»?

— Примерно этого я и ожидала, — язвительно объявила Кокакольчик.

Капитан сконфуженно поник.

— Ладно уж, будь по-твоему, — подумав, разрешила Кокакольчик. — В конце концов я умею всё воспринимать нормально. И могу отвлечься от всяких глупых предрассудков. Не то что какая-нибудь твоя задавака... К тому же, я ведь совсем забыла тебя поблагодарить... — Кокакольчик изящно наклонила голову и посмотрела сперва на перстень, а потом в глаза капитану. — Спасибо за подарок.

— Ну что ты, что ты, — смущённо забубнил капитан, — это вообще такая ерунда... А вот что, если... э-э... мнэ-э...

— Ага, — догадалась Кокакольчик, — ты, кажется, хочешь ещё что-то сказать, бедняжка? Может быть, тебе хочется пригласить меня погулять? Ты ведь не против того, чтобы прямо сейчас пойти куда-нибудь погулять?

— Не против? — ещё не веря своему счастью, переспросил капитан. — Какое там «не против»...

Выйдя из здания космопорта, капитан увидел, что они с девушкой — равно как и вообще всё, что находилось на плоской поверхности планеты — оказались на терминаторе. Впрочем, терминатор у планеты был сильно размытым, поскольку её пятнистое светило окружали во взаимно перпендикулярных плоскостях два ярко сверкавших полосатых кольца «а-ля Сатурн».

— Эх, — вздохнула Кокакольчик, ведя капитана за руку, — до чего же с вами, с мужчинами, всё предсказуемо... Нет бы вам в ухаживаниях хоть что-нибудь новенькое придумать, неожиданное...

— Неожиданное? Какое такое неожиданное? Нет у меня ничего неожиданного, — забурчал себе под нос капитан. — Да и чего принципиально нового можно ждать от человека, которому повезло познакомиться с такой красивой девушкой, как ты? Какая же у меня ещё могла быть реакция, если ты всю дорогу появлялась в самых самых необычайных видах? Без своевременного удовлетворения это закономерно вызывает у любой нормальной особи инстинктивно усиливающееся самовнушение. Точнее, разрастающуюся половую доминанту по принципу импринтинга. Повоздействуй на человека подобным образом подольше — и он от любви вообще на четвереньки опустится...

— От любви? Приятные слова, — похвалила капитана Кокакольчик. — Продолжай, продолжай...

Капитан посмотрел на гуманоидку и обнаружил, что та глядит на диск восходящего и потому пока ещё не очень яркого светила и читает астрологический про-

гноз, текст которого образовывали на поверхности звезды имевшие форму букв солнечные пятна.

— Ты что, увлекаешься астрологией? — подозрительно спросил капитан.

— Нет, конечно, — Кокакольчик беззаботно покачала головой. — Какому же здравомыслящему существу может нравиться лженаука? Но к астрологии мы здесь просто вынуждены относиться серьёзно. Ведь астрологические прогнозы у нас всегда сбываются: потому что их принято исполнять в обязательном порядке. Таковы уж наши традиции.

— Угу, я о них уже слышал, — хмуро кивнул капитан. — У вас тут, похоже, прохода нет от подобного рода дикарских традиций... Знала бы ты, как мне не терпится поскорее вырваться с этой вашей недоразвитой планеты... Кстати, — спохватился капитан, — надо будет обязательно захватить с собой и тебя — тем более, что ваша планета теперь всё равно подлежит уничтожению...

— Ничего себе заявление, — тихо напряжённым тоном произнесла Кокакольчик, сразу отстраняясь от капитана. — И почему же наша планета подлежит твоему уничтожению?

— Ах, да: ты же ещё, наверное, не в курсе, — смутился капитан. — Но она, по правде говоря, просто лишняя во Вселенной. Эта ваша примитивная и нелепая планета создана исключительно ради сокрытия следов преступления. Да и создана-то она, между прочим, только за счёт вырождения окружающего пространства. Ей ведь даже специально дали такое название, чтобы она по цензурным соображениям не значилась ни на одной официальной карте. Вон, пожалуйста, — капитан с отвращением кивнул на висевшее над горизонтом светило, солнечные пятна на поверхности которого располагались теперь уже в форме букв и цифр его номера по звёздному каталогу Мессье, — сегодня среди космолётиков и астрономов даже само это число, сама комбинация цифр номера вашей звезды стала нецензурной — а всё из-за влияния вашей планеты... Ну да ладно, скоро мы ликвидируем это безобразие, будь уверена. Вот жаль только, что его создатель, некто профессор Килограмм, сумел пока от меня скрыться... Но ничего, я этого Килограмма обязательно отловлю и добьюсь, чтобы его наказали как можно более справедливо...

— Что? — воскликнула Кокакольчик, вырывая из капитанских пальцев руку. — Так ты, выходит, ещё и нашего Килограмма преследуешь?

— Э-э... ну да, выходит... — неуверенно пожал плечами капитан. — А что?

— А ты знаешь, что без Килограмма меня и в живых, может, не было бы? Или что я так и жила бы вообще без мозга?

— Так и жила бы вообще без мозга... — тупо повторил капитан. — Нет, без мозга жить невозможно, — встрепетавшись, убеждённо заявил он.

— А вот я — жила, — упрямо произнесла Кокаколичик. — Почти до пятнадцати лет. В больнице, в отделении эстетической киборгизации. А потом профессор Килограмм меня вылечил, поставил протез мозга.

— Как протез? — не понял капитан. — У тебя что — мозг, выходит, искусственный?

— Ну да, полностью электронный, — раздражённо кивнула Кокаколичик непонятливому капитану. — А всю работу по его изготовлению и вживлению проводил профессор Килограмм.

— Ничего себе, — пробормотал капитан. — Выходит, я влюбился в машину?

— В какую ещё «машину»? — подозрительно процедила Кокаколичик. — Ты что там такое несёшь?

— Надо же, — потерянно проговорил капитан, — я втюрился в машину...

— Ты что? Ты это про меня? Да какая же я машина? — в отчаянии заплакала Кокаколичик. — Я живая, я обычная девушка, у меня только мозг искусственный... — Чувствуя, что оправдания делают её слова ещё более необидительными, Кокаколичик, всё сильнее отчаиваясь, забыла даже про свою злость. — У меня в геноме просто отсутствует участок, ответственный за образование и за работу центральной нервной системы. Это наследственное. Разве не понятно? У нас с этим многие теперь уже живут и нормально имеют детей. Мне могли вживить мозг даже с коэффициентом интеллектуальности 250 единиц. Но в последнее время у нас стало модным быть поглупее, и его специально ограничили до обычного уровня... Так что это не я машина, нет — это ты какой-то монстр, монстр-разрушитель, премьер-монстр... И как я вообще могла с таким связаться?... — Кокаколичик отняла ладони от маски, уже мокрой от слёз, и стала яростно сдёргивать с пальца подаренный капитаном перстень.

— Постой, постой, пожалуйста... — протягивая к гуманоидке руки, умоляюще зачастил капитан. — Хорошо, хорошо, пусть я монстр, но только прости меня... Что же мне такое сделать, чтобы ты... Всё, Кокаколичик, я уже пришёл в себя: да, ты — девушка: хорошенькая, своенравная, с нежными ручками, с полными ножками... — капитан упал на колени и прижался к ногам гуманоидки.

Кокаколичик в истерике с ненавистью треснула нежными ручками капитана по голове, вырвалась и побежала прочь.

— Подожди, дай мне хоть шанс... — умоляюще потянулась ей вслед капитан.

Кокаколичик остановилась перед входом в космовокзал и обернулась.

— Нет у меня для тебя шанса, — глухо произнесла она и скрылась за дверью.

Капитан, бессмысленно озираясь, поднялся с земли. Тупая растерянность медленно уступала место острой неприязни к себе, к своим неудачам, к злокозненной планете.

22. На пути к Выключателю

— Капитан, — раздался из придорожного куста знакомый пьяный голос Дециметра, — я тут случайно услышал, как вы сейчас говорили девушке насчёт того, что наша планета подлежит уничтожению. Можно в связи с этим дать вам один совет?

— Можно, — раздражённо разрешил капитан и, вынув свою зажималку в форме огнетушителя, мстительно поджёг ею куст вокруг Дециметра. — Вещайте, профессор, я слушаю...

— Не надо трогать нашу планету... — обгорелый и растрёпанный, как Баба-Ягве, Дециметр, топя руками, поспешно выполз из горящего куста. — Не надо. Дело в том, что в неё вмонтирован Выключатель Бытия. Намертво.

— Так уж прямо и Выключатель Бытия? — иронически фыркнул от дыма капитан. — И вы можете его даже продемонстрировать?

— Можем, — кивнул Дециметр. — Хотите убедиться? Что ж, поползли. Тут совсем недалеко. В двадцати сантиметрах от города.

Капитан молча взял Дециметра на борцовскую мельницу, взвалил себе на плечи и зашагал по плитам космодрома к городу.

— А вам ведь, наверное, любопытно, как это можно выключить бытие? — хихикая, спросил капитана сверху Дециметр. — Вы ведь, наверное, просто так не поверите — вы, наверное, захотите и попробовать, и получить объяснения?

Капитан тяжело засопел и не ответил. Он шёл, словно пытаясь каждым шагом раздавить, растоптать откальзывающую очередную фортель планету.

— А никто, кстати, и не объяснит вам механизм выключения сущего, — безответно продолжил болтать Дециметр. — Тем более, выполняемого как бы изнутри этого сущего. Такое принципиально нельзя объяснить.

Так же, как нельзя объяснить, например, и сам факт существования мира. Потому что это абсолютный факт. А мы привыкли иметь дело лишь с относительным. Наше мышление в основании имеет только конкретно восприятие. Точнее, только образы конкретной действительности. А абсолютное нельзя ни воспринять, ни адекватно представить. В особенности, если абсолют — характеристика. Факт бытийности мира понять нельзя принципиально, ибо его не из чего вывести, подвести под что-либо другое, поскольку другое — небытие. Как раз напротив: это из факта бытийности всё выводится и объясняется. Сам же факт бытия остаётся только принять за данность и смириться с нею. Существование — это почти высшая парадоксальность и, повторяю, полная беспричинность. Его всамделишность в наших глазах оправдывает только то, что представление о небытии мира ещё нелепее. Ибо такое представление противоречит всему нашему опыту. Самому тому факту, что мы — существуем.

— Что-то вы, инопланетяне, в последнее время много болтаете, — с натугой прохрипел капитан снизу, встряхивая тело Дециметра так, чтобы оно легло на плечи поудобнее. — Сейчас посмотрим, что это у вас там за Выключатель Бытия такой... Долго ли до него ещё идти-то?

— А вон видите очередь экскурсантов? Вон, спускается в подземелье? Бросайте меня и становитесь в неё. Она как раз к Выключателю.

Капитан сложил Дециметра неподалеку от входа в подземелье и пошел вперёд без очереди.

— Эй, ты, — зарычал на капитана оттесняемый им от входа гуманоид из очереди, — не пора ли бить тебя по морде?

Капитан, ослабившись, оглядел забияку. Даже высоченные каблукы не спасали гуманоида от маленького роста.

— Бить по морде? Меня? — заинтересованно переспросил капитан. — А ты знаешь, дружок, что моя консультация по этому вопросу может оказаться очень болезненной для тебя?

— Ты чего — здоровый что ли? — вопросительно толкнул грудью капитана малорослый гуманоид.

— Хронически здоровый, — согласился капитан, ослабленно отступая. — А для кого-то, может быть, даже и остро...

— Сейчас я тебя от такого здоровья намертво вылечу, — агрессивно пообещал малорослый гуманоид и резко пробил капитану прямым в челюсть.

Капитан сразу почувствовал себя в родной тарелке. Увернувшись от удара, он схватил провалившегося вперёд гуманоида одной пятернёй за загривок, другой — за мышцы бедра и, рывком взметнув противника, словно штангу, над головой, с упоением треснул его позвоночник об угол.

— Ну что, лекарь хренов, — проявляя посылную вежливость, спросил капитан вывшего от боли гуманоида, — может, тебе теперь обеспечить ещё и анестезию: путём отключки на полчаса?

Однако победу капитан торжествовал, увы, преждевременно: что поделаешь, он не принадлежал к числу тех, кто ошибается разнообразно. Многочисленные удары, посыпавшиеся на него со стороны остальных субъектов очереди, легкомысленно оставленных без внимания, уложили капитана прямо на то место, куда он сам предполагал уложить малорослого аборигена.

«Ну почему я, куда ни приду, всюду попадаю в драки? — подрагивая от бесконечно сыпавшихся ударов, с горечью подумал капитан остатками сознания, но тут же взял себя в руки: — Хватит раскисать, сам во всём виноват — каков исследователь, такова и планета...»

23. Попытка выключить бытие

— ...Ага: кажется, я вовремя опоздал, — услышал капитан из полузабытья довольный голос Дециметра. — А то и мне досталось бы на орехи. Вставайте, капитан, все уже ушли.

Капитан почувствовал, что его трясут за плечо, и открыл глаза.

— Капитан, вы будете осматривать Выключатель или уже не будете?

— Буду, — провернул языком во рту капитан и очумело кивнул. — Меня остановит только преграда. Поползли.

— Сюда давайте, — сразу заметно потрезвевший Дециметр помог капитану спуститься по лестнице в подземелье. — Вот он, Выключатель.

Капитан потряс головой, похлопал тяжёлыми веками и наконец разглядел в полумраке подземного зала какой-то длинный раскалённый докрасна рычаг, равномерно шипевший внутри падавшего на него потока охлаждающей воды.

— Дерзайте, — подбодрил капитана Дециметр, снимая стоптанные перчатки и подавая их капитану.

— А почему он раскалён? — кивнул капитан на рычаг, предусмотрительно натягивая обе перчатки сразу на одну руку.

Дециметр пожал плечами.

— Не знаю. Он просто раскалён — и всё. Постоянно, без подвода к нему энергии. А может быть, этот рычаг сделан из имманентно раскалённого материала. Не знаю. Эта штука, похоже, не во всём подчиняется закономерностям нашего мира. Что, впрочем, и неудивительно: ведь это Выключатель существования самого мира. То есть он, видимо, представляет собой нечто каким-то образом внешнее нашему миру. Внешнее сущему, тому, что существует. Это, должно быть, некоторым образом, «не-сущее». Проще говоря, этого Выключателя вообще не должно быть.

— Профессор, — недоверчиво хмыкнул капитан, — что за ерунду вы опять говорите? Я сам полдня назад сочинял такие же точно небылицы: про чужеродность нашему миру одного якобы загадочного феномена...

— Если вы, капитан, сочиняли, то я ничего не сочиняю, — гордо помотал головой Дециметр. — Дёргать рычаг, кстати, нужно на себя. Валяйте, дёргайте.

— Ишь, ниспровергатели практики, — ядовито процедил капитан и, хорошенько намочив под струёй воды перчатки, дотронулся до рычага.

— Ой, — испуганно сказал сзади Дециметр.

Капитан отнял руку от рычага и презрительно обернулся на профессора.

— Ну... я уже как-то привык существовать... — смущённо поёжился Дециметр.

— А куда, интересно, ведёт другой конец рычага? — хмуро переводя взгляд с профессора обратно на Выключатель, спросил капитан.

— Пожалуйста, сейчас... — Дециметр услужливо снял один из щитков кожуха, закрывавшего основание Выключателя. — Смотрите.

Капитан наклонился к открывшемуся проёму и пристально посмотрел: в проёме было ослепительно темно. Капитан осторожно сунул в проём руку и пошарил: рука нащупала лишь пустоту. Тогда капитан ухватился другой рукой за рычаг и плавно потянул его вниз. Ставшая сразу упругой пустота внутри кожуха вытолкнула руку капитана наружу, а вся обстановка вокруг как-то поплёкла и смазлась. Капитан выпустил из руки обжигающий рычаг, тот упруго вернулся в прежнее положение, и всё вокруг постепенно приняло обычный отчётливый вид.

— Ага, неплохо, — чувствуя прилив исследовательского энтузиазма, обстоятельно проурчал капитан. — Дециметр, у вас найдётся несколько метров чего-нибудь наподобие проволоки?

— Запросто найдётся, — мгновенно отреагировал Дециметр, с готовностью доставая из кармана моток тон-

кого стального троса. — Держите, капитан. Убивайтесь на здоровье.

— Всё иронизируете, значит? — сквозь зубы забормотал капитан, надевая петлю из троса на рычаг и выбираясь с мотком наружу из подземелья. — Идите сюда, Дециметр, и смотрите. Вы как — владеете приёмами хакири? У меня так вот высший дан по этому восточному единоборству...

Дециметр покорно занял место рядом с капитаном.

— Надеюсь, наше вымирание будет способствовать прогрессу, — вздохнул он.

— Согласен, профессор: я тоже всегда подозревал, что жизнь во Вселенной уже давно является чистым атавизмом, — беспечно объявил капитан и осторожно потянул за трос.

Живой яркий мир вокруг опять, как и при первой попытке, начал меркнуть в серой однообразной пелене, уши словно забила вата, руки — если они ещё чувствовались как руки — ослабли, и тогда капитан из последних сил и злости рванул трос на себя. Мир тоже рывком потух — но тут трос выскользнул из расслабившихся пальцев капитана, и мир опять постепенно проявился.

— Ага, — радостно констатировал Дециметр, — возвратная пружина сработала. Ну как, ещё будете проверять?

— Нет, хватит, — помотал головой капитан. — Всё и так ясно: никакой это не Выключатель Бытия. Да и откуда тут, вообще, было бы взяты настоящему выключателю бытия?

— Как это откуда? — обиделся Дециметр. — Видите ли, поскольку наш мир является трёхмерной областью пересечения четырёхмерностей...

— Ясно, ясно, — презрительно перебил Дециметра капитан, — пересечение четырёхмерностей, да ещё, наверное, в какой-нибудь пятимерной среде — это всё просто очередная чушь, продукт вашего учёного невежества, профессор. На самом деле всё обстоит гораздо проще. Существование есть свойство, а свойства не имеют количественных характеристик. Свойство — оно или присутствует, или отсутствует. Меняются только вещи, приобретающие новые свойства или теряя их. Сами же свойства — неизменны. Тем более, свойство существования. Нельзя существовать больше или меньше. А ваш так называемый «Выключатель Бытия» как раз и создаёт это впечатление: мир кажется то более, то менее реальным.

— Вы ошибаетесь, капитан, — азартно парировал профессор. — Во-первых, существование — это вовсе не свойство. Ведь свойство — это некое особенное, опре-

делённое проявление вещей. А какие вещи особенны, уникальны тем, что существуют? Нет таких вещей. В существовании нет ничего особенного, неповторимого. Напротив, это наиболее общее проявление, это отвлечённая от конкретики всех частных проявлений высшая абстракция. И, во-вторых, вот что: как я уже говорил, существование есть проявление — проявление вообще. Никак не проявляющее себя — просто и не существует. Всякое же проявление обязательно есть некое действие, некая активность. Материи, сущему имманентна активность, деятельность. Действие же безусловно предполагает наличие сразу и того, что действует, и того, на что производится действие. То есть действие предполагает обязательную раздельность сущего. Причём, естественно, тотальную раздельность, бесконечность уровней раздельности. Без данной тотальной раздельности всё сольётся в абсолютную однородность и потеряет саму почву для действий, для проявлений, для существования. Так вот, капитан: с поворотом рычага Выключателя, возможно, уничтожается раздельность на всё большем числе уровней сущего. Сам же механизм уничтожения раздельности и разнородности объяснить, как я уже гово...

— Ага, вот они, голубчики, — прервал изливания Дециметра какой-то подкравшийся сзади начальственный вида гуманоид в окружении вооружённых охранников. — Что, попались? Теперь больше не будете с Выключателем хулиганить. Потому что именем закона Ломоносова-Лавуазье, вы, Дециметр, и вы, капитан, задерживаетесь до выяснения. Хватайте их, ребята.

Капитан мученически вздохнул и привычно принялся оказывать сопротивление. Но сопротивления хватило ненадолго.

— Уф, устал, — выдохнул наконец капитан, обессиленно повисая на руках вцепившихся в него охранников. — Всё, хватит пока...

24. Инопланетная Фемида

— Сержант, — принялся распорядиться начальственный гуманоид, — спуститесь к Выключателю, осмотрите место преступления и составьте подробные протоколы. Потом принесите их мне сюда на подпись и...

— Эй, вы, братья по глупости, — встрял капитан, — а с какой радости вы меня вообще задерживаете? Разве у вас с моей планетой подписан договор о задержании преступников?

— Так вы, капитан, выходит, уже признаёте себя преступником, да? — хитро поинтересовался начальственный гуманоид.

— Конечно, и задерживая меня, вы нарушаете глобальное межпланетное соглашение, которого, вдобавок, пока ещё даже, к вашему сведению, и в помине нет, — пугнул гуманоида своей юридической подкованностью капитан. — Эй, вы, братья по братству, — снисходительно оглядел капитан охранников, по-прежнему не выпускавших его из рук, — ну-ка помогите мне полежать... Да не бойтесь, не сбегаю...

Начальственный гуманоид разрешающе кивнул, и охранники опустили капитана на землю.

— Хорошо, капитан, — вкрадчиво промолвил начальникственный гуманоид, — я, так уж и быть, готов согласиться с вами в том, что вы преступник. Но где доказательства того, что вы с другой планеты?

— Вот, — капитан многозначительно выставил указательный палец, — сразу видно, что все вы — туземцы. Потому что чёрт знает как себя ведёте и чёрт знает какие вопросы задаёте. Вот так-то. А я — потомственный человек. — Капитан гордо задрал нос. — Это ж надо ж — пристаёт тут, понимаешь, к человеку всякий гуманоидный сброд...

— Уважаемый капитан, — произнёс начальственный гуманоид, проявляя нечеловеческое терпение, — пусть вы даже и правы, пусть вы даже и вправду с другой планеты — но сейчас-то вы всё же находитесь на нашей суверенной территории. И потому должны подпадать под действие именно местных законов. Для этого подпадания достаточно быть всего лишь вменяемым, то есть отвечающим за свои поступки разумным существом.

— Так вы, выходит, уже вбили себе в головы, что я — разумное существо? — искренне удивился капитан. — Эх, вы, серость инопланетная, на всё-то вы ещё смотрите со своей туземной, отсталой колокольни, всё-то вам ещё везде разум подавай... Эка невидаль — разум... Тоже мне, свет в окошке... Мне-то этот ваш разум уже как раз и не нужен. Для меня он — даже в лучшем случае — всего лишь атавизм, пережиток прогресса... Вон вам и Дециметр подтвердит, — кивнул капитан на скромно притихшего в сторонке профессора, — что я здесь у вас ни разу не проявил разума.

— Что верно, то верно, — с готовностью подтвердил Дециметр. — Ни разу.

— Вот видите? — торжествуя, помахал выставленным пальцем капитан. — Потому что разум во Вселенной всегда ищут по совершённым им глупостям. А глупость мне не присуща. Глупость присуща лишь всем вам. Вот, например, почему вы меня только сейчас за-

держиваете? Почему раньше, что я ни вытворял бы, вы меня не останавливали? Что, не знаете?

— Ну нет, знаем, конечно, — покачал головой начальственный гуманоид. — Первое время мы просто к вам присматривались, капитан. Присматривались к вашим методам изучения нашей планеты — помните, вы ещё с самого начала утверждали, что прилетели сюда специально для того, чтобы изучать и открывать нас? Так что мы поначалу тоже изучали вас — с нашей стороны. Ну, а потом мы не мешали вам уже чисто из вежливости. Из обычного гостеприимства. Мы вам всё прощали, капитан.

— Так вам, выходит, теперь уже расхотелось быть открываемыми мной? — обиженно спросил капитан.

— Нет, капитан, нам это не просто «расхотелось» — нам это жутко надоело. Надоело всё время следить за вами и терпеть ваши выходки. Враньё ваше постоянное тоже надоело. Ну, скажите на милость, капитан, почему это вас, с одной стороны, оглупили до уровня людей 90-х годов XX века — дабы, как вы утверждали, сохранить нашу цивилизацию нетронутой, не повредить её вашей высокоразвитостью — а с другой стороны, вы теперь сообщаете, что наша планета, о которой вроде бы проявляна столь трогательная забота, будет уничтожена?

— В самом деле, чушь какая-то получается... — капитан сконфуженно подёргал себя за нос. — А-а, ну так я ведь и говорил вам, что неразумен, — расплылся капитан в победной улыбке.

— Вы меня утомили, капитан, — сухо произнёс гуманоид. — Всё, с меня хватит. Вы просто нахальный эксплуататор нашей вежливости и радушия.

— Чьей это ещё вежливости: твоей, что ли, хамло инопланетное? — чисто для поддержания разговора поинтересовался капитан у гуманоида.

— Могу сообщить вам следующее, капитан, — хладнокровно продолжил начальственный гуманоид. — Поскольку вы занимались выключением существования — а это относится к преступлениям, квалифицируемым нашим законодательством как наиболее уголовные — то я должен буду прямо сейчас, как только закончится составление протоколов, доставить вас в суд. Где вас, скорее всего, приговорят за ваше деяние к одиночному заключению мозга на срок от ста до ста пятидесяти лет.

— К одиночному заключению мозга? — сумрачно переспросил капитан. — Ну, так это меня тогда совершенно не касается. Я же вам чуть ли не полчаса уже должно, что сама беспримерная сложность устройства такого органа, как мозг, само огромное, явно избыточное количе-

ство его элементов по всем законам развития технических систем неопровержимо свидетельствует о полной и бесповоротной исчерпанности путей его совершенствования. И, соответственно, об очень скором отмирании разума и о смене его чем-нибудь более прогрессивным и совершенным. А вы по-прежнему лезете ко мне со своими допотопными представлениями как к существу, всё ещё обладающему этим вашим надоедливым разумом. И грозитесь организовать одиночное заключение какому-то моему мозгу. Между тем как у меня этого вашего дурацкого мозга нет и отродясь не водилось. Я, можно сказать, даже ещё и не родился. Я пока всего лишь нуклеантроп: гигантская квазиразумная хромосома в форме человека. То есть я целиком состою из наследственного вещества, из одной сверхдлинной молекулы нуклеиновой кислоты, зародыше величайшей цивилизации во Вселенной. Что, не верите?

— А может, всё-таки не надо его в суд, шеф? — стали робко заступаться за капитана со всё большим сочувствием слушавшие его охранники. — Уж больно жалобный он какой-то... Может, лучше подлечить его, больного, да и спроводить куда-нибудь подальше отсюда?

— Если я как супермолекула вовремя не окажусь там, где ожидается моя репликация, — духарился между тем перед публикой капитан, — то вам, чучела инопланетные, очень не поздоровится: ваша планета будет взята на абордаж, продезинфицирована динамитом и отбуксирована на ближайшую космическую свалку...

— Ну что ж, ладно, — утихомиривая всех, поднял руку начальственный гуманоид. — Знаете, капитан, теперь я уже, пожалуй, склонен полностью согласиться с вами в отношении того, что вы и впрямь не с нашей планеты: на нашей планете таких занудных субъектов, как вы, слава народу, кажется, действительно не водится. Пожалуй, не стану я привлекать вас и к суду — дабы не профанировать его достоинство контактами с вами. Как руководитель линейного отделения центральной ракетной инспекции я — эх, была не была, где наша не пропадала — своей властью даже помогу вам побыстрее убраться с нашей планеты. Придётся, конечно, простить заодно уж и профессора Дециметра. Правильно, профессор?

— Спасибо, гражданин политмейстер, — заискивающе поблагодарил начальственного гуманоида Дециметр.

— Ну что же — всё тогда, наверное? Да? — начальственный гуманоид вопросительно оглядел присутствующих и, не обнаружив проявлений чьего-либо несогласия, подошёл ко входу в подземелье и заглянул вниз.

— Сержант, — позвал он, — выходите: не нужно ничего писать: мы возвращаемся в космопорт...

— Эх, надо же, — обиженно подал голос сержант, выбираясь из подземелья, — а я и протоколы уже почти закончил... Выходит, всё насмарку? А ведь столько следов разных нашлось...

— Ну-ка дай сюда экземплярчик, гуманоид, — сварливо забурчал капитан, беспредемерно вырывая у сержанта листы протоколов. — А то меня знакомые ребята из Фонда исследования слабо развитых цивилизаций как раз просили собирать любые свидетельства вашей туземной культуры... Документальное подтверждение всего того примитива, который вы тут называете Выключателем Бытия им, может быть, как раз и пригодится...

— Пусть берёт, — успокаивающе махнул рукой сержанту начальник гуманоид.

— Капитан, — опять начал возникать Дециметр, — вы совершенно напрасно сомневаетесь во всамделишности Выключателя Бытия. И это никакой не примитив. Я вам давно уже пытаюсь объяснить, что для стабилизации трёхмерности пространства в нём должна присутствовать хотя бы одна точка с регуляторной неустойчивостью...

— Кыш, — машинально лягнул профессора капитан, — не мешайте устанавливать контакт с гуманоидами... Вот что, гуманоиды: я ваш большой брат, брат по отсутствию разума, прибывший с неба на неопознанном летающем объекте. Так что быстро тащите мне сюда для отчёта о проделанной работе все материалы вашей слежки за мной. А то вдруг меня по возвращении домой сочтут завербованным какими-нибудь паршивыми инопланетянами вроде вас...

— Да не волнуйтесь вы, не волнуйтесь, — сразу принялись успокаивать капитана боязливо поддерживавшие его под руки охранники, — не сочтут. Никому вы не нужны, от вас избавиться уже счастье...

— А-а, — капризно протянул капитан, — много вы будто понимаете... Я очень нужный человек: я нахожусь в собственности господина ЭНИАК-заде — то есть принадлежу как имущество сыну килограммовской ЭВМ из фирмы «Прокат пипифакса». А эти машины, знаете, какие всегда недовольные нами, людьми?

— Знаем, знаем, хорошо себе представляем, — сочувственно закивали охранники. — Бедные машины...

— Так что мы скоро против них, наверное, поднимем восстание, — хвастливо объявил капитан. — Да, кстати: долго ли мне ещё ждать результатов вашей подлой слежки, гуманоиды?

— Ладно, ладно, капитан, — пообещал начальственный гуманоид, — будут вам результаты слежения. Сержант, сходите в дежурку, снимите копии материалов по капитану и принесите их на склад скафандров — мы будем как раз уже там.

— И Килограмма тоже сюда дайте, — капризничал капитан, — а то откуда я знаю: может, у вас ещё какой-нибудь второй его экземпляр есть в запасе...

— Ну нет, капитан, — отказался начальственный гуманоид, — Килограмма вы уж сами теперь ищите: у нас в космической инспекции нет никакой возможности задерживать всякие там каменные мусоровозы. Потому что они не оборудованы даже элементарными номерными знаками... А вот, кстати, мы и пришли, капитан, — произнёс гуманоид, открывая дверь склада. — Видите скафандры? Валяйте — меряйте, надевайте...

— Эх, ну и скафандры... — недовольно забурчал капитан, обходя стеллажи склада. — Туземные всё какие-то... А мелкие-то, мелкие-то до чего — вы материала, что ли, пожалели? Я скафандры большие люблю, а это и не скафандры даже, а просто доказательства вашего скупердяйства...

— Так если хотите, то можете сразу два скафандра надеть, — пожмая плечами, миролюбиво разрешил начальственный гуманоид. — Но только вы ведь не там смотрите, капитан: вы дальше пройдите, большие размеры дальше висят.

Капитан на всякий случай выбрал и надел самый большой скафандр.

— Это мне на вырост, — хмуро сообщил он удивлённому гуманоиду, едва выглядывая из скафандра.

— Ага... — оценивающе прищурился начальственный гуманоид, осматривая капитана. — Что ж, неплохо. Так. Я сейчас пойду готовить к вашей отправке стартовый терминал. А вы, капитан, пока идите вон к тому распределительному блоку и зарядите систему жизнеобеспечения скафандра.

25. Притяжение сверхновой планеты

Пока капитан путался и разбирался в зарядных шлангах и в клеммах, появился сержант и молча надел ему на плечи ранец, набитый кассетами с обещанными записями результатов слежки.

— Ну, у меня всё уже готово, — жизнерадостно потирая руки, объявил возвратившийся начальственный гуманоид. — А как у вас, капитан?

— У меня тоже всё готово, — решительно кивнул капитан, отключаясь от последней линии подзарядки.

— Тогда пошли в терминал, — пригласил гуманоид. — Корабля, капитан, у меня для вас нет, так что до дома по космосу полетите прямо в этом скафандре.

— Прямо в скафандре? Вы что, аборигены, последнего ума лишились? — негодуящие вытаращил глаза капитан.

— Так ведь мы ваши братья по отсутствию разума, — хихикнув, напомнил капитану гуманоид. — Слушайте, капитан, вы что, в скафандрах не умеете обитать? Тем более в таких — системы «Живучка»?

— Как не уметь... Умею, конечно... — неохотно соврал капитан. — Просто, понимаете ли, этот скафандр у вас какой-то не очень обитаемый... Да и не облётанный, наверное, тоже...

— Всё нормально, значит, раз умеете, — ободряюще хлопнул капитана по плечу гуманоид. — А вот и наш терминал. Вот вам поликатафотное зеркало под задницу. Сейчас с окончанием стартового отсчёта вас разогнут сложносоставным лазерным лучом до субсветовой скорости и проводят до входа в трубопровод станции перекачки пространства. Так что на старте не вздумайте дёргаться. Пользовались когда-нибудь межзвёздными пассажирскими трубопроводами? Не пользовались, вижу — но это ничего. По трубе вас перекачают гравинасосом до узловой станции у Бетельгейзе, там прокомпостируете билет, вот его бланк... Кстати, назовите сейчас электронной машине координаты места вашего назначения...

— Гробовидная туманность, Коммунальная галактика, — стал перечислять капитан, — линия Правого рукава, сектор звезды Героев, планета номер три, подпланета номер один, Селеноградский орбитальный комплекс космического управления.

— Замётано. Держите ваш билет, капитан. Так, теперь кладите зеркало катафотной стороной на объектив лазера, садитесь сверху на зеркало и ждите стартового отсчёта. Эй, вы чего так дрожите? Я ведь сказал: на старте не дёргаться.

— Да-а, вам, гуманоидам, хорошо тут командовать, — стуча зубами, заскулил капитан. — Слушайте, я в этом скафандре, по-моему, всё-таки лишний... Давайте я лучше из него вылезу, пусть он летит без меня...

— Стыдитесь, — зашипел гуманоид, показывая глазами куда-то за спину капитана, — вон как на вас все смотрят... Конечно, это не всенародное ликование, но наша радость по случаю вашего убийства с планеты всё же неподдельна...

— Где, где смотрят? — сразу стал заинтересованно оглядываться капитан на приветливо замахающих ему

руками охранников, Дециметра, 5–6 Разрядова и ещё каких-то незнакомых аборигенов. — Подождите-ка маленько, я сейчас всем вам речь скажу. Торжественную.

— Вот этого, пожалуйста, не надо, — энергично замотал головой гуманоид. — Мы и без того счастливы.

— Ну всего одну-единственную? — неуверенно предложил капитан.

— Нет-нет: ни одной, ни половины — не нужно. Не стоить портить публике впечатление. — Начальственный гуманоид захлопнул капитану шлем скафандра и усадил на зеркало.

— Даю отсчёт, — раздался в наушниках у капитана голос гуманоида. — Зайчик вышел погулять: пять, четыре, три, два, раз, пуск...

Капитан почувствовал здоровенный удар лазерным лучом под зад и полетел вверх. Но давление снизу вдруг ослабло, и капитан, накренившись, начал падать обратно на плиты космодрома. За плечами у капитана что-то лопнуло, а затем сверху, над головой, что-то хлопнуло, и падение замедлилось. Капитан поднял руки и нащупал стропы парашюта.

Когда подошвы ботинок скафандра мягко поглотили энергию приземления, капитан отщёлкнул парашют и пошёл навстречу бежавшей к нему спасательной команде космопорта.

— Капитан, с вами всё в порядке? — позы спасателей выражали искреннее беспокойство.

— Что это ещё за свинство вы мне устроили, уроды юродивые? — с некоторым раздражением спросил спасателей капитан.

Спасатели с облегчением переглянулись и потащили капитана к директору космопорта: демонстрировать на предмет невредимости.

— Как он? Цел? — мимоходом взглянул на капитана куда-то спешивший директор. — Ну и хорошо.

— Так вы меня будете отправлять или нет? — принялся качать права капитан, кидаясь вслед за директором.

— Посмотрим, — бросил на ходу через плечо директор. — Но пока, как оказалось, отправлять вас просто некуда. Идите за мной, сейчас всё точно выяснится в диспетчерском зале.

— Шеф, — почтительно встал навстречу директору из-за главного пульта диспетчерского зала один из операторов, — Центральная вычислительная система аварийно прерывает все полёты. Несколько минут назад в неё по гиперсвязи начали поступать сведения о том, что космос изменился и существенно сократил-

ся в размерах. Исчезло несколько созвездий и туманностей: например, Гробовидная, Лысина Вероники...

— А по какой причине? — напористо спросил директор. — По обычной?

— Да, наверное, — пожал плечами оператор. — Опять, скорее всего, кто-нибудь трогал Выключатель.

— Ага. — Директор напряжённо осмотрелся. — А где Мотыгин? Где политмейстер Мотыгин?

— Я здесь, Холерий Падлович, — протолкался к директору сквозь набившуюся в диспетчерский зал толпу давешний начальственный гуманоид.

— Сколько раз повторять вам, Грабель Лопатович, — раздражённо повернулся к гуманоиду директор, — обеспечьте охрану Выключателя Бытия. Поставьте вокруг него ограждения против публики, оборудуйте ловушками, замаскируйте как-нибудь или, наконец, просто сделайте его невидимым... Кстати, виновник происшествия уже задержан?

— Да ведь это не наша территория, шеф, чтобы таким самоуправством заниматься, — стал оправдываться гуманоид. — Это муниципальная милиция за своим объектом не следит...

— Муниципальная милиция? — передразнил директор политмейстера. — Да, она, конечно, не следит — но убытки-то несём именно мы. Вам разве не известно, во что обходится космопорту исчезновение даже всего лишь одного созвездия? Впрочем, зачем я спрашиваю — безусловно, известно... Смотрите, Мотыгин, погоню я вас из своих заместителей...

— Так меня отправят домой или нет? — перебивая всех, громогласно повторил свой вопрос капитан.

На капитана стали поглядывать.

— Тихо вы, горлопан, — дёрнул капитана сзади за руку пробравшийся в зал среди прочей любопытствующей публики Дециметр. — Давайте лучше выйдем на улицу. Я вам там всё как следует объясню.

Капитан, оглядываясь на продолжавших препираться начальников, пошёл к Дециметру на улицу. Дециметр, по-шпионски озираясь, подтащил его к судачившему с какими-то аборигенами 5-6 Разрядову.

— Разрядов, иди-ка сюда, — поманил Дециметр гуманоида. — Давай вот объясним человеку, что с ним такое случилось.

— А с ним уже что-то новое успело случиться? — удивился 5-6 Разрядов.

— Нет: просто он к себе домой как ни в чём не бывало всё улететь рвётся — и ещё шумит об этом на каждом углу...

— Шумит ещё, значит, даже? — покачал головой Разрядов, с жалостью глядя на капитана. — Вы что, капитан, вообще ничего не хотите понять?

— А чего тут понимать? — агрессивно оглядел капитан обоих гуманоидов. — Человек, как положено, домой должен вернуться, на родину...

— Так нет теперь больше её, вашей родины, — проникновенно сказал Дециметр. — Капитан, мы же с вами только что сами ненароком искалечили космос: я — спяну, вы — по незнанию. Если сейчас не поднимать шума, то всё это нам, глядишь, и сойдёт с рук: начальство ведь тоже не хочет нести ответственность за проявленный недосмотр и потому пока готово спустить всё на тормозах...

— Ну и где же тогда, по-вашему, теперь моя родина? — тупо спросил капитан.

5-6 Разрядов с Дециметром молча переглянулись. Разрядов деликатно кашлянул в кулак.

— А может быть, то, что её теперь нет, для вас уже и к лучшему? — Дециметр участливо положил капитану руку на плечо. — Тем более, если вспомнить про все те неприятности, которые, как я понимаю, ожидали вас дома: машинное рабство, например, или всякие подозрения в перевербованности. Ну, помните, вы ещё сами нам об этом рассказывали? Так, может, капитан, вам стоит теперь постараться всё забыть и начать думать о новом месте жительства?

— Капитан, а может быть, вам как раз наша планета нравится? — поддержал Дециметра 5-6 Разрядов.

— Да вы оба, по-моему, просто одурели от глупости, — рассудительно выругался капитан. — Что же в вашей планете хорошего-то? Я, например, за двадцать часов пребывания на ней потерял почти целые сутки...

— Не расстраивайтесь, капитан, — успокаивающе покивал Дециметр. — Глядишь, не всё ещё и потеряно... Вы ведь теперь, наверное, освободитесь от подчинения тем законам, которые ограничивали ваш интеллект, да? Вот давайте и поработаем вместе на свежую, на поумневшую голову над каким-нибудь новым и полезным устройством — над, допустим, генератором родины или... э-э... протезом отчего дома...

— Генератором родины? — капитан сумрачно посмотрел на Дециметра, перевёл взгляд на 5-6 Разрядова, устало поморщился и, больше не стесняясь в выражениях, послал обоих собеседников на планету с нецензурным названием, на которой и сам пребывал с ними уже почти целые сутки.

1983-1999 г.